Русская Историческая Библіотека
№ 15.

Н. Павловъ-Сильванскій.

Декабристъ
ПЕСТЕЛЬ

ПРЕДЪ

Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ.

Цѣна 70 коп.

Изданіе А. Сурать.
Складъ при
книгоиздательствѣ
«Донская Рѣчь».

Русская Историческая Библіотека
№ 15.

Н. Павловъ-Сильванскій.

Декабристъ
ПЕСТЕЛЬ

ПРЕДЪ

Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ.

Типографія „Донская Рѣчь“ въ Ростовѣ на Дону.

51560

Оглавленіе.

Стр

Введеніе. Очеркъ жизни и дѣятельности П. И. Пестеля . 1

I. Отвѣты П. И. Пестеля на вопросы Слѣдственнаго Комитета, съ 13 января по май 1826 года.

1. Біографическія свѣдѣнія 25

2. Революціонныя идеи и „Русская Правда“ 27

3. Общество сыновъ отечества (Союзъ Спасенія) и Союзъ Благоденствія.

   Образованіе „Общества Истинныхъ и Вѣрныхъ Сыновъ Отечества“ въ началѣ 1817 года. Масонскія формы его статута. Образованіе „Союза Благоденствія“ въ Москвѣ въ концѣ 1817 года. Замыселъ цареубійства. Смѣна конституціонныхъ проектовъ республиканскимъ. Засѣданіе въ квартирѣ полковн. Глинки въ 1820 году. Очныя ставки объ этомъ засѣданіи. Совѣщаніе въ квартирѣ полк. И. Шипова, въ томъ же году 34

4. Южное Общество. Образованіе Южнаго Общества въ началѣ 1821 года послѣ закрытія Союза Благоденствія на Московскомъ съѣздѣ 1821 года. Раздѣленіе этого общества на три управы: Тульчинскую, Каменскую и Васильковскую въ 1823 году. Задачи Общества: революція и республика. Правила Общества. Общество „Соединенныхъ Славянъ“. Вопросы о высшихъ правителяхъ надъ Обществами. Распространеніе Союза и дѣйствіе его на войска. Замѣчанія объ отдѣльныхъ членахъ Общества 45

5. Сношенія Южнаго Общества съ Сѣвернымъ. Переписка съ Никитою Муравьевымъ. Поѣздки въ Петербургъ князя С. Г. Волконскаго, В. Л. Давыдова, кн. А. П. Барятинскаго. Сношенія М. И. Муравьева-Апостола съ членами Сѣвернаго Общества. Пестель въ Петербургѣ въ 1824 году. 59

6. Планы революціи. Два предположенія о началѣ дѣйствій въ Петербургѣ и на Югѣ. Принятіе Южнымъ Обществомъ республиканской программы Пестеля. Очныя ставки о засѣданіи въ квартирѣ Пестеля въ 1821 году. Предположеніе Пестеля истребить всю Императорскую фамилію. Очныя ставки о присоединеніи къ этому плану С. И. Муравьева-Апостола и М. П. Бестужева-Рюмина 67

7. Планы приступа къ дѣйствіямъ. Бѣлоцерковскій планъ возмущенія и цареубійства въ маѣ 1826 года. О намѣреніи арестовать главную квартиру. О предположеніяхъ составить для цареубійства партію Garde perdue, подъ начальствомъ Лунина, и партію заговорщиковъ, les Conspirateurs. Отвѣты Пестеля на показанія А. В. Поджіо, М. И. Муравьева-Апостола, М. П. Бестужева-Рюмина и Н. А. Крюкова 2-го. 85

8. Сношенія съ Польскимъ тайнымъ Обществомъ . . . 105

9. О различныхъ тайныхъ обществахъ, въ Малороссіи, на Кавказѣ и за границей 114

10. Сокрытіе бумагъ въ ноябрѣ и арестъ 13 декабря 1825 года. 120

II. Показанія въ Тульчинѣ 22 декабря 1825 года. 124

III. Первыя показанія въ Петербургѣ, 4—6 января 1826 г. . 132

IV. Показанія декабристовъ о Пестелѣ.

1. Показанія И. Г. Бурцова. Объ отношеніяхъ его къ Пестелю въ Тульчинѣ, въ 1819—1821 г.г. и позднѣе . . 140

2 Показанія Н. В. Басаргина. Объ отношеніяхъ къ Пестелю нѣкоторыхъ членовъ Южнаго Общества, участниковъ засѣданій 1821 г. 143

3. Показанія С. И. Муравьева-Апостола. 146

4. Показанія М. П. Бестужева-Рюмина. 148

5. Показанія К. Ф. Рылѣева. Разговоръ съ Пестелемъ въ Петербургѣ въ 1824 году. 150

6. Показанія М. И. Муравьева-Апостола. Пестель въ Петербургѣ въ 1824 году 152

7. Показанія Н. И. Лорера. Разговоръ съ М. И. Муравьевымъ-Апостоломъ о Пестелѣ 154

8. Показанія денщика Пестеля, рядового С. Ф. Савенки. 156

V. Записка о силѣ вины Пестеля, составленная разрядной Комиссіей Верховнаго Уголовнаго Суда 160

VI. Свиданіе въ крѣпости и письмо Пестеля къ родителямъ.

I. Свиданіе съ пасторомъ Рейнботомъ 164

2. Письмо къ родителямъ 1 мая 1826 года.

3. Изъ письма отца, Ивана Борисовича, 1 мая 1826 г.

4. Изъ записки отца.

VII. Послужной списокъ 169

VIII. Изъ записокъ Пестеля о Греческомъ Возстаніи 1821 г. 171

Предисловіе.

Напечатанныя въ этой книгѣ показанія Пестеля представляютъ собою подробный и большей частью точный и откровенный разсказъ одного изъ главнѣйшихъ дѣятелей заговора декабристовъ о всѣхъ обстоятельствахъ этого заговора. Они даютъ первостепенный матеріалъ для исторіи „Союза Благоденствія“ и „Южнаго Общества“, превосходящій по своему значенію извѣстныя до сего записки декабристовъ. Они послужили однимъ изъ главныхъ источниковъ извѣстнаго „Донесенія слѣдственной комиссіи“, точнѣе „Всеподданнѣйшаго доклада Высочайше учрежденной комиссіи для изысканій о злоумышленныхъ обществахъ“, составленнаго графомъ Блудовымъ. Многія мѣста показаній Пестеля дословно повторены въ этомъ докладѣ. Въ цѣляхъ самозащиты отъ личныхъ обвиненій со стороны товарищей, не щадившихъ его въ своихъ отвѣтахъ, Пестель предъ слѣдственнымъ Комитетомъ старался оттѣнить силу организаціи общества, чтобы перенести отвѣтственность съ отдѣльныхъ лицъ на всѣхъ вмѣстѣ, на все общество. „Донесеніе“ широко воспользовалось этими объясненіями Пестеля, чтобы преувеличить въ цѣляхъ обвиненія организованность общества.

Издаваемый здѣсь систематическій сводъ показаній Пестеля былъ напечатанъ въ журналѣ „Былое“, №№ 2, 3, 4 1906 года. Здѣсь онъ издается съ большими дополненіями. Въ основу его положены двѣ тетради собственноручныхъ отвѣтовъ Пестеля на вопросы Комитета отъ 13 января и 1 апрѣля 1826 года, изъ дѣла Государственнаго Архива I В 394*). Эти отвѣты дополнены показаніями его по

*) Небольшая часть показаній Пестеля, а именно отвѣты на вопросы 13 января (по копіи) и первыя показанія въ Петербургѣ (безъ ихъ послѣдней части), изданы въ книгѣ А. К. Бороздина „Изъ писемъ и показаній декабристовъ“, Спб. 1906.

отдѣльнымъ вопросамъ и протоколами очныхъ ставокъ, извлеченными какъ изъ этого дѣла, такъ и изъ многихъ другихъ дѣлъ того же архива.

Отдѣльно, не включая въ этотъ сводъ, печатаются показанія, данныя въ Тульчинѣ 22 декабря 1825 года, и первыя показанія въ Петербургѣ 4—8 января, потому что они отличаются отъ позднѣйшихъ отвѣтовъ (съ 13 января): первыя—полнымъ отрицаніемъ виновности, вторыя—неполнымъ сознаніемъ.

Къ показаніямъ Пестеля присоединены: 1) извлеченія изъ показаній о немъ нѣкоторыхъ декабристовъ—И. Г. Бурцова, Н. В. Басаргина, С. И. Муравьева-Апостола, М. П. Бестужева-Рюмина, К. Ф. Рылѣева, М. И. Муравьева-Апостола, Н. И. Лорера,—и его денщика, С. Ф. Савенки, 2) записки о свиданіяхъ съ нимъ въ крѣпости пастора Рейнбота и его отца и его письмо изъ крѣпости къ родителямъ, заимствуя эти матеріалы изъ Русскаго Архива 1875 г., кн. I; 3) его послужной списокъ; 4) извлеченія изъ его записокъ о возстаніи грековъ 1821 года.

Вводная статья „о жизни и дѣятельности Пестеля“ содержитъ въ себѣ краткія поясненія къ важнѣйшимъ пунктамъ показаній Пестеля.

М. П. Сильванскій.

Введеніе.

Въ обвинительномъ актѣ по дѣлу декабристовъ, по дѣлу 121-го, имя Пестеля стоитъ на первомъ мѣстѣ среди первыхъ пяти «преступниковъ внѣ разрядовъ», которыхъ Верховный Уголовный судъ приговорилъ къ четвертованію, а Императоръ Николай I къ повѣшенію. Первое мѣсто отведено было Пестелю, несмотря на то, что въ числѣ обвиненій, предъявленныхъ ему, не хватало одного, очень важнаго,—непосредственнаго участія въ мятежѣ.

Изъ пяти казненныхъ декабристовъ Рылѣевъ былъ главнымъ дѣятелемъ мятежа 14 декабря 1825 года въ Петербургѣ. Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ былъ предводителемъ возмущенія на югѣ въ въ первыхъ числахъ января 1826 года; онъ «лично дѣйствовалъ въ мятежѣ и взятъ былъ съ оружіемъ въ рукахъ» недалеко отъ Бѣлой Церкви (на югѣ отъ Кіева). Бестужевъ-Рюминъ также лично дѣйствовалъ въ этомъ мятежѣ, самъ вызывался на цареубійство и «избиралъ и назначалъ» цареубійцъ. Каховскій «былъ предназначенъ» посягнуть на жизнь государя и изъявилъ на то согласіе, а 14 декабря нанесъ смертельный ударъ графу Милорадовичу и полковнику Стюрлеру.

Выдвинутый же обвинительнымъ актомъ на первое мѣсто, Пестель не принималъ участія ни въ этихъ мятежныхъ дѣйствіяхъ, ни въ непосредственной ихъ подготовкѣ. Онъ былъ арестованъ какъ разъ наканунѣ памятныхъ событій на Сенатской площади, а именно 13 декабря, далеко отъ Петербурга, въ мѣстечкѣ Линцахъ, на югѣ Кіевской губерніи, гдѣ стоялъ подъ его командой Вятскій пѣхотный полкъ.

Чтобы возмѣстить недостатокъ важнаго обвиненія въ непосредственномъ участіи въ мятежѣ, Сперанскій, составляя обвинительный актъ, постарался оттѣнить сугубую виновность Пестеля по другимъ пунктамъ обвиненія. Онъ утверждалъ, что Пестель не только «умышлялъ на истребленіе Императорской фамиліи», но и «съ хладнокровіемъ исчислялъ всѣхъ ея членовъ, на жертву обреченныхъ». Онъ утверждалъ, далѣе, сознательно допуская преувеличеніе, что Пестель управлялъ Южнымъ Тайнымъ Обществомъ «съ неограниченною властію».

Другой обвинитель Пестеля, секретарь слѣдственнаго комитета, Боровковъ, правильно говоря, что онъ «безпрерывно и ревностно дѣйствовалъ въ видахъ Общества съ самаго вступленія въ оное», что онъ «господствовалъ надъ сочленами своими, обворо-

жалъ ихъ обширными познаніями и увлекалъ силою слова къ преступнымъ намѣреніямъ», вмѣстѣ съ тѣмъ, преувеличивая значеніе Пестеля въ Обществѣ, утверждалъ, что онъ «самовластно управлялъ Южнымъ Обществомъ» и что онъ «былъ главою Общества и первѣйшею пружиною всѣхъ его дѣйствій».

Формально Пестель былъ никакъ не болѣе виновнымъ, чѣмъ другіе виднѣйшіе декабристы. Но по существу дѣла ему, конечно, принадлежало среди нихъ первое мѣсто. Онъ былъ первымъ изъ нихъ по силѣ дарованій и по силѣ вліянія. Если онъ не принималъ непосредственнаго участія въ мятежѣ, то зато имѣлъ громадное значеніе въ устройствѣ и развитіи Тайнаго Общества. Онъ не былъ «самовластнымъ главою общества и тайною пружиною всѣхъ его дѣйствій», но несомнѣнно, что въ нѣкоторые важные моменты жизни общества его дѣятельность имѣла рѣшающее вліяніе на всю дальнѣйшую судьбу заговора. Когда на московскомъ съѣздѣ 1821 года Союзъ Благоденствія былъ закрытъ, Пестель рѣшительно возсталъ противъ рѣшенія съѣзда и немедленно организовалъ изъ членовъ общества, жившихъ на югѣ, Южное Общество, въ видѣ отдѣла Союза Благоденствія, закрытія котораго онъ не признавалъ. Это устройство Южнаго Общества оказало сильное вліяніе на устройство въ Петербургѣ Сѣвернаго Общества также изъ членовъ Союза Благоденствія.

Пестель не имѣлъ «неограниченной власти» надъ Южнымъ Обществомъ; онъ имѣлъ въ немъ даже очень незначительную власть, потому что настойчивыя старанія его объ образованіи сильнаго, сплоченнаго общества не увѣнчались успѣхомъ. Но онъ имѣлъ вообще громадное значеніе въ исторіи Тайныхъ Обществъ, какъ Южнаго, такъ и Сѣвернаго, не силою власти, которую онъ имѣлъ, какъ одинъ изъ директоровъ, а силою своихъ исключительныхъ дарованій, «силою примѣра», какъ опредѣлилъ его значеніе Сперанскій.

Одно уже то, что онъ былъ членомъ Тайнаго Общества, придавало особое значеніе и вѣсъ этому обществу, внушало многимъ увѣренность въ его силѣ и вліяніи. Сила его личности заставляла многихъ преувеличивать значеніе его, какъ главнаго дѣятеля Тайнаго Общества, держащаго въ рукахъ всѣ нити заговора. Въ Петербургѣ, среди главныхъ дѣятелей Общества (какъ Никита Муравьевъ и князь Трубецкой), распространено было преувеличенное мнѣніе о вліяніи Пестеля и значеніи Общества, имъ организованнаго на югѣ. Извѣстіе, что Пестель ѣдетъ въ Петербургъ, произвело среди нихъ въ концѣ 1823 года тревогу и смущеніе. Они заранѣе насторожились, опасаясь вліянія Пестеля и его упрековъ въ бездѣятельности. Никита Муравьевъ говоритъ съ княземъ Трубецкимъ, что «для узнанія мыслей и состоянія Общества Пестеля надобно показать ему что-нибудь здѣсь образованное», и спѣшно организуетъ «управу» изъ трехъ членовъ.

Въ запискахъ современниковъ, въ томъ числѣ и не принадлежавшихъ къ Тайному Обществу, сохранилось нѣсколько замѣчательныхъ отзывовъ о Пестелѣ. Всѣ, и даже враги его, говорятъ о немъ, какъ о личности съ исключительными дарованіями.

Во время пребыванія Пушкина въ Кишиневѣ, сюда въ апрѣлѣ 1821 года пріѣхалъ Пестель проѣздомъ, по дѣламъ службы. Онъ навѣстилъ поэта и произвелъ на него сильное впечатлѣніе. «Утро провелъ съ Пестелемъ—записалъ Пушкинъ въ дневникѣ.—Умный человѣкъ во всемъ смыслѣ этого слова... Мы съ нимъ имѣли разговоръ метафизическій, политическій, нравственный и проч. Онъ одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ умовъ, которыхъ я знаю». Пушкинъ записалъ въ дневникъ и поразившее его замѣчаніе Пестеля о матеріализмѣ: Mon coeur est matérialiste, mais ma raison s'y réfuse.

Начальники второй арміи, въ которой служилъ Пестель, были о немъ самаго высокаго мнѣнія. Начальникъ штаба графъ П. Д. Киселевъ (извѣстный, между прочимъ, какъ сторонникъ освобожденія крестьянъ) не удалялъ отъ себя Пестеля, несмотря на неоднократные совѣты своихъ петербургскихъ друзей, и съ увлеченіемъ вспоминалъ впослѣдствіи о вечерахъ, проведенныхъ въ бесѣдѣ съ нимъ. Главнокомандующій, графъ Витгенштейнъ говорилъ, что Пестель вездѣ будетъ на своемъ мѣстѣ, и на посту министра и въ командованіи арміей.

Въ запискахъ протоіерея казанскаго собора, Мысловскаго, духовника декабристовъ, находимъ не только сочувственный, но прямо восторженный отзывъ о Пестелѣ: «Сей преступникъ есть отличнѣйшій въ сонмѣ заговорщиковъ, какъ по данному ему воспитанію, такъ и по твердости духа... Быстръ, рѣшителенъ, краснорѣчивъ въ высшей степени; математикъ глубокій, тактикъ военный превосходный... Никто изъ подсудимыхъ не былъ спрашиванъ въ комиссіи болѣе его, никто не выдержалъ столько очныхъ ставокъ, какъ опять онъ же; вездѣ и всегда былъ равенъ себѣ самому. Ничто не колебало твердости его. Казалось, онъ одинъ готовъ былъ на раменахъ вынести тяжесть двухъ альпійскихъ горъ. Въ комиссіи всегда отвѣчалъ съ видимою гордостью и съ какимъ-то самомнѣніемъ».

Декабристы въ своихъ запискахъ также согласно говорятъ о замѣчательномъ умѣ Пестеля, объ обширности его познаній, о его краснорѣчіи, о силѣ его характера. Князь Оболенскій говоритъ о «свѣтломъ умѣ», объ «убѣдительномъ дарѣ слова» Пестеля и признается, что ему «трудно было устоять противъ такой обаятельной личности, какъ Павелъ Ивановичъ». Лореръ видитъ въ немъ человѣка «геніальнаго», «одного изъ замѣчательнѣйшихъ людей своего времени». Басаргинъ разсказываетъ, что Пестель былъ «человѣкомъ высокаго, яснаго и положительнаго ума», что онъ «излагалъ свои мысли съ такою логикою, такою послѣдовательностью и съ такимъ убѣжденіемъ, что трудно было устоять противъ его вліянія».

Очевидное и безспорное превосходство Пестеля надъ своими товарищами по Обществу и его громадное вліяніе на нихъ легко обнаружилось на слѣдствіи изъ отвѣтовъ обвиняемыхъ. Оно видно было даже изъ такихъ осторожныхъ отвѣтовъ, какъ отвѣтъ кн. А. П. Барятинскаго, сказавшаго на слѣдствіи, что Пестель «безъ сомнѣнія всѣхъ болѣе былъ уважаемъ на счетъ ума и познаній

политическихъ». А неосторожные отвѣты давали слѣдователямъ не только факты, но и готовыя фразы для формулировки обвиненія; Басаргинъ показывалъ, что «Пестель, одаренный отъ природы способностями выше обыкновенныхъ», былъ «главною пружиною дѣйствій общества» (эти слова повторилъ Боровковъ), что онъ былъ «основаніемъ, на которомъ все зданіе было устроено».

Нѣкоторые же изъ обвиняемыхъ чрезвычайно усиливали тяжелое положеніе Пестеля въ судѣ, такъ какъ, стараясь спасти себя, приписывали свое участіе въ Обществѣ единственно гибельному вліянію Пестеля. Они не щадили его, изображая его коварнымъ злодѣемъ, прибѣгавшимъ для завлеченія членовъ къ обманамъ и и угрозамъ ядомъ и кинжаломъ.

Комитетъ ставилъ подсудимымъ, между прочимъ, слѣдующій вопросъ: «Кто изъ членовъ наиболѣе стремился къ распространенію и утвержденію мнѣній, и къ самому началію дѣйствій Общества совѣтами, сочиненіями и вліяніемъ своимъ на другихъ?»

«Какъ мнѣ извѣстно—отвѣтилъ на этотъ вопросъ поручикъ Крюковъ 2-й—одинъ Пестель».

«Полковникъ Пестель—отвѣтилъ командиръ казанскаго пѣхотнаго полка П. В. Аврамовъ—надъ всѣми тульчинскими членами имѣлъ поверхность и, можно сказать, одинъ дѣйствовалъ».

Къ этому онъ прибавилъ еще слѣдующее, гибельное для Пестеля, размышленіе:

«Ежеминутно обдумывая горестное мое положеніе, могу сказать, что ввергнутъ въ оное не собственнымъ преступнымъ какимъ-либо желаніемъ, но чрезъ обманъ меня полковникомъ Пестелемъ, злѣйшимъ изъ людей, съ коими я встрѣчался когда-либо въ жизни моей».

Другіе обвиняемые объясняли комитету, какъ поддавались они Пестелю, соглашаясь противъ воли съ его мнѣніями, не имѣя силъ противостоять его авторитету. Одинъ приписывалъ свое участіе въ обществѣ главнымъ образомъ его «настоятельству»; другой разсказывалъ, какъ «непримѣтно умы увлечены и приготовлены были вліяніемъ Пестеля».

Холодный, логическій умъ, непреклонная воля и смѣлая, надменная увѣренность въ своихъ сужденіяхъ и въ своихъ силахъ, въ своемъ правѣ на господство надъ другими людьми—таковы основныя черты личности Пестеля, рано создавшія ему славу исключительнаго по своимъ дарованіямъ человѣка.

Вѣра въ силу логики, въ математическую точность логическихъ заключеній, вѣра въ силу разума составляли отличительныя свойства его ума. Подобно французскимъ мыслителямъ и дѣятелямъ XVIII-го вѣка и начала XIX-го, онъ въ своихъ рѣшеніяхъ политическихъ вопросовъ не считался съ сложными условіями исторической обстановки и вѣрилъ въ возможность немедленнаго, неуклоннаго осуществленія идеи во всей ея логической чистотѣ. Истинный сынъ своего времени, великой революціонной эпохи, онъ, подобно якобинцамъ и подобно родственному имъ по духу Наполеону, вѣрилъ въ торжество идеи и въ возможность осуществленія

своего идеала рѣзкимъ насильственнымъ революціоннымъ путемъ, вопреки какимъ бы то ни было общественнымъ условіямъ, какимъ бы то ни было условіямъ времени и мѣста.

Этимъ духомъ времени объясняются тѣ положенія «Русской Правды», которыя на первый взглядъ кажутся странными по своей крайней прямолинейности. На «Русскую Правду» Пестель смотрѣлъ, какъ на наказъ Временному Верховному Правленію, и онъ полагалъ, что существованіе этого наказа—ясной программы новаго республиканскаго строя—должно предупредить всѣ смуты и неустройства, какія обыкновенно сопутствуютъ революціи. «Русская Правда—писалъ онъ—служитъ для Россіи ручательствомъ, что временное верховное правленіе единственно ко благу отечества дѣйствовать будетъ. Недостатокъ въ такой грамотѣ ввергнулъ многія государства въ ужаснѣйшія бѣдствія и междоусобія, потому что въ оныхъ правительство дѣйствовать всегда могло по своему произволу, по личнымъ страстямъ и частнымъ видамъ, не имѣя предъ собою яснаго и полнаго наставленія... Русская Правда отвращаетъ своимъ существованіемъ все сіе зло».

Свойственная Пестелю непреклонная, фанатическая преданность идеѣ мѣтко охарактеризована въ слѣдующихъ словахъ декабриста Якушкина: «Пестель умно и упорно защищалъ свое мнѣніе, въ истину котораго онъ всегда вѣрилъ, какъ обыкновенно вѣрилъ въ математическую истину. Онъ никогда и ничѣмъ не увлекался. Можетъ быть въ этомъ и заключалась причина, почему изъ всѣхъ насъ онъ одинъ въ теченіе почти 10 лѣтъ, не ослабѣвая ни на одну минуту, упорно трудился надъ дѣломъ тайнаго общества. Одинъ разъ доказавъ себѣ, что Тайное Общество вѣрный способъ для достиженія желаемой цѣли, онъ съ нимъ слилъ все свое существованіе».

«Онъ никогда и ничѣмъ не увлекался»—говоритъ Якушкинъ. Холодную безстрастность Пестеля отмѣчаютъ и другіе современники. Логическій умъ соединялся въ немъ съ сильно развитой волей, подавлявшей чувство. Сильная воля придавала смѣлость и рѣшительность его дѣйствіямъ. Въ Тайномъ Обществѣ онъ дѣйствовалъ смѣло и рѣшительно, даже иногда слишкомъ рѣшительно, до неосторожности. Съ солдатами и офицерами своего полка онъ для поддержанія дисциплины обращался строго, иногда до жестокости, сознательной, по разсчету. Въ 1821 году, когда его сдѣлали командиромъ Вятскаго пѣхотнаго полка, который считался худшимъ во всей южной арміи, онъ успѣлъ въ короткое время ввести въ немъ желѣзную дисциплину. «Началъ я—разсказывалъ онъ самъ—съ штабъ и оберъ-офицеровъ; строгость противъ нихъ оказывалъ чрезвычайную, такъ что нерѣдко батальонныхъ командировъ за фронтъ высылалъ. Съ нижнихъ чиновъ я сначала многаго требовать не могъ, ибо не были они выучены и не были въ томъ виноваты». Когда же, несмотря на всѣ старанія, солдаты, вслѣдствіе «закоренѣлой лѣности», сдѣлали недостаточные успѣхи, онъ послѣ одного смотра подвергнулъ всѣхъ передовыхъ строгому наказанію, по жестокимъ военнымъ правиламъ того времени.

Нескрываемое сознаніе своего превосходства вносило въ отношенія Пестеля къ людямъ черту надменной повелительности. Когда нужно, онъ умѣлъ быть любезнымъ и тонкимъ. Но обыкновенно онъ ждалъ и требовалъ подчиненія, упорно настаивая. Онъ не «обворожалъ» членовъ Общества и не всегда ихъ убѣждалъ, но чаще подавлялъ ихъ своей логикой и своею настойчивостью. Въ показаніяхъ декабристовъ, обвинявшихъ Пестеля въ томъ, что онъ подчинилъ ихъ своему вліянію, слышится иногда старая затаенная обида.

«Помню — разсказываетъ одинъ изъ тульчинскихъ членовъ, Давыдовъ,—объ одномъ собраніи у князя Волконскаго. Пестель говорилъ о разныхъ предметахъ своихъ проектовъ... Противъ всѣхъ статей я покушался говорить, но имѣлъ слабость противъ своихъ мнѣній уступить мнѣнію Пестеля, какъ и въ важнѣйшихъ, къ несчастію, разговорахъ».

Павелъ Ивановичъ Пестель родился въ Москвѣ 24 іюня 1793 года, въ годъ утвержденія во Франціи первой республиканской конституціи, которая была однимъ изъ источниковъ его республиканской «Русской Правды».

Отецъ его, Иванъ Борисовичъ, былъ сибирскимъ генералъ-губернаторомъ. «Достойно замѣчанія—говоритъ Гречъ — что первенствующимъ изъ заговорщиковъ былъ сынъ жестокосердаго проконсула». Біографы Ив. Бор. Пестеля, однако, выяснили, что онъ не былъ повиненъ въ злоупотребленіяхъ сибирской администраціи до ревизіи Сперанскаго, что онъ былъ жертвой своего довѣрія къ подчиненнымъ, которые широко воспользовались тѣмъ, что онъ, главный начальникъ Сибири, управлялъ краемъ изъ Петербурга. Мать Павла Ивановича Пестеля, Елизавета Ивановна, урожденная Фонъ-Крокъ, была одной изъ замѣчательныхъ женщинъ александровскаго времени по своему образованію и уму; она была очень честолюбива и, горячо любя своего старшаго сына, чрезвычайно гордилась имъ, какъ выдающимся человѣкомъ.

До 12 лѣтъ Пестель воспитывался въ домѣ своего отца. Съ 1805 г., въ теченіе 4 лѣтъ, вмѣстѣ съ младшимъ братомъ Владиміромъ учился за границею, въ Дрезденѣ, подъ руководствомъ воспитателя Зейделя, впослѣдствіи вступившаго въ русскую службу. По возвращеніи въ Россію Пестель поступилъ, въ маѣ 1810 г., въ старшій классъ пажескаго корпуса. Блестящія способности и прекрасная подготовка обращали на него общее вниманіе въ корпусѣ. Выпускные экзамены 1811 года, въ присутствіи государя, онъ выдержалъ первымъ по списку и былъ записанъ на мраморную доску. Эта доска послѣ событій 14 декабря была разбита.

Въ декабрѣ 1810 г. Пестель былъ произведенъ въ камеръ-пажи и 14 декабря слѣдующаго 1811 года выпущенъ прапорщикомъ въ л.-гв. Литовскій (впослѣдствіи Московскій) полкъ. Въ составѣ этого полка онъ участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ французовъ съ апрѣля 1812 г. до сраженія при Бородинѣ, въ которомъ, подъ самый вечеръ 26-го августа, былъ жестоко раненъ ружейною пулей въ ногу, съ раздробленіемъ костей и поврежденіемъ сухожи-

лій; за отличіе въ этомъ сраженіи онъ получилъ золотую шпагу съ надписью «за храбрость». Восемь мѣсяцевъ затѣмъ Пестель лѣчился въ Петербургѣ, въ домѣ отца; въ маѣ 1813 г. съ незакрывшейся раной, изъ которой все еще выходили кусочки костей, онъ отправился за границу, въ штабъ дѣйствовавшей арміи и здѣсь 14 августа назначенъ былъ адъютантомъ къ главнокомандующему, графу Витгенштейну. За отличіе въ военныхъ дѣйствіяхъ 1813—1814 г. Пестель получилъ рядъ наградъ до анненскаго креста 2-й степени.

По окончаніи войны Пестель былъ переведенъ въ августѣ 1814 г. въ Кавалергардскій полкъ и съ 1814 г. до 1818 г., состоя адъютантом графаъ Витгенштейна, жилъ въ Митавѣ. Въ 1818 г. графъ Витгенштейнъ былъ назначенъ главнокомандующимъ 2-й арміи, расположенной на югѣ. Съ этого времени Пестель нѣсколько лѣтъ провелъ въ Тульчинѣ, состоя при главной квартирѣ 2-й арміи, пользуясь величайшей довѣренностью главнокомандующаго, и въ особенности начальника штаба П. Д. Киселева. Друзья Киселева предостерегали его объ опасности сближенія съ Пестелемъ. «Здѣсь говорятъ — писалъ Закревскій въ іюнѣ 1819 г. изъ Петербурга, — что Пестель, адъютантъ его (Витгенштейна), все изъ него дѣлаетъ: возьми свои мѣры. Государь о немъ мнѣнія не перемѣнялъ и не перемѣнитъ. Онъ его, кажется, хорошо знаетъ». «До меня слухи доходятъ—писалъ Закревскій въ сентябрѣ 1820 г., — что тебя въ арміи не любятъ и что ты свободное время проводишь большею частью съ Пестелемъ... И какая связь дружбы соединила тебя съ Пестелемъ, о характерѣ и нравственности котораго ты писалъ мнѣ неоднократно?» Въ отвѣтъ на эти предостереженія Киселевъ указывалъ на достоинства Пестеля и не удалялъ его отъ себя.

Въ началѣ греческаго возстанія Пестель три раза командированъ былъ въ Бессарабію для собранія свѣдѣній о дѣйствіяхъ Ипсиланти въ Молдавіи. Одна изъ записокъ его по этому дѣлу (извлеченія изъ этихъ записокъ напечатаны ниже подъ № X) обратила на себя вниманіе императора Александра I, который «остался весьма доволенъ яснымъ изложеніемъ всѣхъ подробностей этого дѣла».

1-го ноября 1821 г. Пестель произведенъ былъ въ полковники и 15 ноября, 27 лѣтъ отъ роду, назначенъ командиромъ Вятскаго пѣхотнаго полка. Полкъ этотъ былъ въ совершенномъ разстройствѣ и считался самымъ худшимъ во всей южной арміи. Его поручили Пестелю въ увѣренности, что онъ сумѣетъ водворить въ немъ дисциплину. Пестель прибылъ къ своему полку въ м. Линцы (иначе Ильинцы), въ Липовецкомъ уѣздѣ Кіевской губерніи, 8 января 1822 г., и не прошло полъ-года, какъ дивизіонный генералъ, князь Сибирскій, сдѣлавъ смотръ полку, засвидѣтельствовалъ успѣшность стараній молодого командира въ слѣдующихъ нескладныхъ словахъ приказа: «Впрочемъ, хотя и весьма короткое время вступленія полковника Пестеля въ командованіе Вятскимъ пѣхотнымъ полкомъ, но усердіе его и жертвованіе даже собственныхъ денегъ на приведеніе полка не только въ должную исправность, но даже видимое его желаніе сравнить полкъ, ему ввѣренный, съ лучшими,— столь успѣшно и очевидно, что остается только благодарить и ожидать перемѣны по полку во всѣхъ частяхъ и въ столь ко-

роткое время». Позднѣе въ приказѣ главнокомандующаго, послѣ смотра въ 1825 г., Вятскій полкъ поставленъ былъ въ числѣ тѣхъ шести полковъ, которые своими успѣхами стали наравнѣ съ лучшими полками во всей арміи.

Біографія Пестеля тѣсно связана съ важнѣйшими моментами общей исторіи декабристовъ. „Изъ всѣхъ насъ—говоритъ Якушкинъ—онъ одинъ почти въ теченіи 10 лѣтъ, не ослабѣвая ни на одну минуту, упорно трудился надъ дѣломъ Тайнаго Общества". Начало этого упорнаго труда совпадаетъ съ началомъ политическихъ тайныхъ обществъ въ александровское время. Въ образованіи перваго изъ этихъ обществъ „Общества истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества", которое было прозвано впослѣдствіи „Союзомъ Спасенія", честель принялъ дѣятельнѣйшее руководящее участіе.

Иниціатива образованія этого общества принадлежала Александру Николаевичу Муравьеву, 24-хлѣтнему полковнику гвардейскаго генеральнаго штаба, ревностному масону. Впослѣдствіи, года черезъ три, онъ совершенно отстранился отъ своихъ товарищей по обществу, но, по строгому суду Николая I, все-таки былъ наказанъ ссылкою на поселеніе въ Сибирь. Во второй половинѣ 1816 года А. Н. Муравьевъ началъ совѣщанія объ образованіи общества съ молодыми офицерами л. гв. Семеновскаго полка, извѣстными декабристами Сергѣемъ Муравьевымъ Апостоломъ, съ его братомъ Матвѣемъ и съ И. Д. Якушкинымъ. Къ нимъ присоединился Никита Михайловичъ Муравьевъ, будущій руководитель Сѣвернаго Общества. Но дѣло образованія общества двинулось впередъ только тогда, когда въ концѣ 1816 года Никита Муравьевъ ввелъ въ этотъ кружокъ офицеровъ-„демагоговъ" Пестеля. Уставъ общества написанъ былъ Пестелемъ и принятъ въ засѣданіи 9-го февраля 1817 года*).

Взявъ въ свои руки дѣло, начатое А. Н. Муравьевымъ, Пестель довелъ его до конца, оформивъ кружокъ съ неопредѣленными стремленіями въ общество съ опредѣленной программой. Общество было составлено, по образцу масонскихъ и иллюминатскихъ, на правилахъ строгой тайны, клятвъ и угрозы смертью за измѣну; оно ставило своею цѣлью введеніе конституціоннаго порядка. Эта задача и эти правила тайнаго заговора проведены были Пестелемъ вопреки первоначальнымъ намѣреніямъ большинства членовъ учредителей общества. По новизнѣ дѣла они легко, послѣ слабаго протеста, приняли его планъ, невполнѣ сознавая значеніе своего шага. Но они скоро одумались и, основанное Пестелемъ, „Общество истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества" просуществовало не болѣе 4-хъ мѣсяцевъ.

*) Дату, 9 февраля, хорошо запомнилъ князь С. П. Трубецкой, указывающій ее одинаково и въ своихъ показаніяхъ на судѣ и въ своихъ позднѣйшихъ запискахъ. Онъ, однако, ошибается въ годѣ, относя образованіе общества къ 1816 году. Общество несомнѣнно образовалось въ самомъ началѣ 1817 года, такъ какъ указаніе Пестеля на 1817 годъ подтверждается другими извѣстіями.

Черезъ недѣлю послѣ образованія этого общества Пестель уѣхалъ изъ Петербурга въ Митаву. Большая часть офицеровъ—учредителей общества лѣтомъ того же 1817 года, вмѣстѣ съ частями своихъ полковъ, должна была отправиться въ Москву; здѣсь они съ нѣкоторыми новыми присоединившимися къ нимъ лицами, отвергнувъ уставъ Пестеля, образовали новое общество „Союзъ Благоденствія“ съ уставомъ, прозваннымъ по цвѣту переплета „Зеленою Книгою“. По своимъ задачамъ и уставу этотъ „Союзъ“ рѣзко отличался отъ „Общества сыновъ отечества“. Новый союзъ былъ образованъ по типу мирнаго нѣмецкаго „Союза Добродѣтели“—„Тугендбунда“ Тайный заговоръ замѣненъ былъ въ немъ „надеждой на доброжелательство правительства“ и „медленнымъ дѣйствіемъ на мнѣнія“ Задачи политическія отошли на второй планъ и выдвинулись задачи „филантропическія“: распространеніе нравственности и просвѣщенія.

Пестель сначала не признавалъ новаго „Союза Благоденствія“, и, по свидѣтельству Никиты Муравьева, живя въ 1817—1818 г.г. въ Митавѣ, „дѣйствовалъ по правиламъ устава „Общества истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества“. Объ этой дѣятельности его въ Митавѣ свѣдѣній не сохранилось. Въ Тульчинѣ же, куда Пестель переѣхалъ въ ноябрѣ 1818 года, онъ дѣйствуетъ уже въ качествѣ члена Союза Благоденствія. По прежнему не соглашаясь съ программой „Зеленой Книги“, онъ вступилъ въ Союзъ только для того, чтобы дѣятельно пропагандировать среди членовъ его свою собственную революціонную программу.

Въ Тульчинъ, въ маѣ 1819 г., чрезъ полгода по пріѣздѣ сюда Пестеля, пріѣхалъ одинъ изъ убѣжденнѣйшихъ сторонниковъ программы Союза Благоденствія, полковникъ Иванъ Григорьевичъ Бурцовъ, строго ограничивавшій задачи союза „медленнымъ дѣйствіемъ на мнѣнія“, „распространеніемъ просвѣщенія, благотворительности и нравственности“. Въ лицѣ его Пестель встрѣтилъ энергичнаго противника, и долженъ былъ въ 1819—1820 г.г. вести съ нимъ борьбу за вліяніе на тульчинскихъ членовъ общества. „Пестель“—говоритъ Бурцовъ—„сначала поддѣлывался къ моему мнѣнію; но впослѣдствіи началъ противъ онаго возставать, къ чему склонялъ и своихъ пріятелей, какъ насмѣшками, такъ и убѣжденіемъ. Онъ утверждалъ, что для образованія нравовъ нужны вѣка, но что подлежитъ исправить правленіе, отъ коего уже и нравы исправятся“. Частые споры обострили отношенія между ними, а члены Общества къ 1820 году раздѣлились на два кружка, сторонниковъ Пестеля и сторонниковъ Бурцова*.)

Въ ноябрѣ 1819 года Пестель пріѣзжаетъ въ отпускъ въ Петербургъ и остается здѣсь полгода, до мая 1820 года. Это его второе пребываніе въ Петербургѣ, такъ же какъ первое, въ 1816—1817 г.г., и третье, въ 1824 году (о чемъ рѣчь ниже), имѣетъ важное

*) Иванъ Григорьевичъ Бурцовъ, командиръ Украинскаго пѣхотнаго полка, былъ привлеченъ къ слѣдствію, содержался въ Бобруйской крѣпости до 12 іюля 1826 года; приказомъ 8-го апрѣля 1826 года былъ переведенъ въ Колыванскій пѣхотный полкъ на Кавказъ. По свидѣтельству Н. В. Басаргина, убитъ былъ на войнѣ подъ Байбуртомъ въ сраженіи въ 1829 году.

значеніе въ исторіи Тайнаго Общества. Пестель своими рѣчами вноситъ оживленіе въ собранія петербургскихъ членовъ «Союза Благоденствія» и увлекаетъ ихъ къ рѣшеніямъ, несоотвѣтствовавшимъ настроенію большинства и мирнымъ задачамъ Союза. Далеко выходя за рамки „Зеленой Книги", Пестель выдвигаетъ свою программу утвержденія республики революціоннымъ путемъ. Склонивъ на свою сторону Никиту Муравьева и Сергѣя Муравьева-Апостола, онъ дѣятельно пропагандируетъ свой планъ республиканскаго переворота среди другихъ членовъ Союза. Выдающимся моментомъ дѣятельности его въ этомъ направленіи было засѣданіе Думы Союза въ квартирѣ полковника Ѳ. Н. Глинки*) въ началѣ 1820 года. На этомъ засѣданіи Пестель сдѣлалъ докладъ о выгодахъ и невыгодахъ монархической и республиканской формъ правленія, и результатомъ доклада было то, что всѣ присутствовавшіе члены признали преимущество республиканскаго строя.

Зная умѣренные взгляды большинства членовъ Союза, Пестель искусно поставилъ вопросъ, въ видѣ теоретическаго разсужденія о преимуществахъ двухъ формъ правленія. Впослѣдствіи въ своихъ показаніяхъ онъ несомнѣнно преувеличивалъ значеніе рѣшенія, принятаго на этомъ собраніи, когда утверждалъ, что этимъ рѣшеніемъ республика была принята единогласно за цѣль общества. Вопросъ о введеніи республики въ Россіи обсуждался въ другомъ собраніи, въ квартирѣ полковника И. П. Шипова, вскорѣ послѣ указаннаго засѣданія**). Пестель и Никита Муравьевъ, поддерживая другъ друга, развивали планъ введенія республики путемъ цареубійства и учрежденія временнаго правленія. Но этотъ планъ не встрѣтилъ сочувствія въ большинствѣ присутствовавшихъ. Блюститель Коренной Думы Союза, князь Илья Долгорукій***) началъ возражать Никитѣ Муравьеву, и засѣданіе окончилось рѣзкимъ споромъ между ними, съ „личными колкостями".

Возвратившись изъ Петербурга въ Тульчинъ, къ серединѣ 1820 года, Пестель воспользовался рѣшеніемъ собранія въ квартирѣ Глинки, чтобы укрѣпить въ средѣ тульчинскихъ членовъ Союза свой республиканскій планъ. Начавъ дѣйствовать болѣе энергично, онъ къ концу этого года привлекъ въ общество четырехъ новыхъ членовъ и организовалъ, по правиламъ „Зеленой Книги",

*)Извѣстный поэтъ 20-хъ и 30-хъ годовъ, авторъ „Опытовъ священной поэзіи", Ѳедоръ Николаевичъ Глинка, былъ членомъ Союза Благоденствія съ 1819 года (принятъ былъ Новиковымъ), вышелъ послѣ московскаго съѣзда 1821 года. Содержался въ крѣпости съ 11 марта 1826 года. Выпущенъ въ іюнѣ и высланъ въ Петрозаводскъ, съ приказаніемъ служить по гражданской части. Раньше служилъ въ л.-гв. Измайловскомъ полку. Въ 1830 году переведенъ въ Тверь; съ 1835 г. жилъ въ Москвѣ; умеръ въ 1880 году.

**) Полковникъ л.-гв. Преображенскаго полка Иванъ Павловичъ Шиповъ, членъ Союза, вышедшій изъ него въ 1821 году. Послѣ допроса „оставленъ безъ вниманія".

***) Князь Илья Андреевичъ Долгорукій, полковникъ, адъютантъ Вел. кн. Михаила Павловича, былъ членомъ Союза Спасенія, затѣмъ Союза Благоденствія. Съ конца 1819 г. до начала 1820 года былъ блюстителемъ. Вышелъ изъ Общества послѣ московскаго съѣзда 1821 года. Былъ допрошенъ, но дѣло его „осталось безъ дальнѣйшаго слѣдствія".

Тульчинскую Думу, съ предсѣдателемъ и блюстителемъ, и съ регулярными засѣданіями.

Въ январѣ и февралѣ 1821 года въ Москвѣ состоялся съѣздъ коренныхъ членовъ «Союза Благоденствія» и представителей управъ. Обстоятельства сложились такъ, что Пестелю, не смотря на его желаніе, не удалось присутствовать на этомъ съѣздѣ. Изъ Тульчина на съѣздъ прибыли два умѣреннѣйшихъ члена, Бурцовъ и Комаровъ. Они вернулись съ рѣшеніемъ о закрытіи Союза. Пестель рѣшительно возсталъ противъ этого рѣшенія и, склонивъ на свою сторону нѣсколько тульчинскихъ членовъ, положилъ начало Южному Обществу. Воодушевленные его рѣчами, 8 тульчинскихъ членовъ, послѣ выхода изъ общества Бурцова и Комарова, постановили не признавать закрытія Союза, реорганизовали Тульчинскую Думу, выбрали трехъ предсѣдателей (Пестеля, Юшкевскаго и Никиту Муравьева) и затѣмъ согласно приняли республиканскую и революціонную программу Пестеля.

Въ числѣ участниковъ этихъ засѣданій было нѣсколько человѣкъ, которые согласились съ Пестелемъ только потому, что были увлечены его рѣчами и общимъ воодушевленіемъ собранія, и затѣмъ вскорѣ прекратили свою дѣятельность въ обществѣ. „Происходившее въ семъ совѣщаніи—писалъ впослѣдствіи одинъ изъ нихъ,—представляется мнѣ, какъ неясный сонъ“.*)

Но среди нихъ были и такіе, которые впослѣдствіи сохранили вполнѣ преданность дѣлу Тайнаго Общества. Это были: 1) Алексѣй Петровичъ Юшневскій, генералъ-интендантъ 2-й арміи, второй директоръ Южнаго Общества, осужденный по 1-му разряду преступниковъ на каторжныя работы, и умершій въ селеніи Оекъ, близъ Иркутска въ 1844 году. 2) Князь Александръ Петровичъ Барятинскій, служившій въ Тульчинѣ адъютантомъ командующаго 2-й арміей, штабъ-ротмистръ л.-гв. гусарскаго полка,—философъ-матеріалистъ и поэтъ (издалъ книгу французскихъ стиховъ: „Часы досуга въ Тульчинѣ“)*)—душою преданный Пестелю и подъ его вліяніемъ обществу, онъ былъ осужденъ на каторгу по 1-му разряду, умеръ въ крайней бѣдности въ Тобольскѣ въ 1844 году. 3) Николай Александровичъ Крюковъ 2-й, поручикъ квартирмейстерской части, углублявшійся въ изученіе философскихъ и политическихъ книгъ, такой же матеріалистъ, какъ князь Баря-

*) Послѣ засѣданій начала 1821 года отдалились отъ Пестеля и отъ Общества, осужденные впослѣдствіи на каторгу, по 2-му разряду: 1) адъютантъ 2-й арміи, поручикъ Николай Васильевичъ Басаргинъ, авторъ „Записокъ“ (напечатаны въ „XIX-мъ вѣкѣ“ Бартенева, кн. I, 1822), умеръ въ Москвѣ, въ февралѣ 1861 года; 2) адъютантъ 2-й арміи ротмистръ кавалергардскаго полка Василій Петровичъ Ивашевъ, въ 1821 году очень близкій къ Пестелю и жившій у него на квартирѣ; умеръ въ ссылкѣ въ Туринскѣ 28 декабря 1840 г.; 3) штабъ-лекарь Христіанъ Богдановичъ Вольфъ, умеръ въ Тобольскѣ, 24 декабря 1854 г.; 4) адъютантъ, поручикъ Александръ Александровичъ Крюковъ 1-й, умеръ въ Брюсселѣ въ 1861 г. и 5) осужденный на каторгу по 4-му разряду, полковникъ казанскаго пѣхотнаго полка Павелъ Васильевичъ Аврамовъ, умершій 5 ноября 1836 г. въ ссылкѣ въ селеніи Оекъ, Иркутской губерніи.

*) Quelques heures des loisir à Toulchin, I. Pétersbourg, 1824. Одна поэма съ посвященіемъ Пестелю.

тинскій, и также преданный Пестелю. Дѣятельность его по Обществу выразилась, между прочимъ, въ томъ, что онъ изъ своихъ товарищей офицеровъ квартирмейстерской части, бывшихъ на съемкѣ въ Подольской губерніи, привлекъ въ Общество нѣсколько человѣкъ. Онъ былъ осужденъ на каторгу по 2-му разряду и умеръ въ Минусинскѣ въ 1854 году.

Послѣ засѣданія въ началѣ 1821 года, положившихъ начало Южному Обществу, вторымъ важнымъ моментомъ въ развитіи его были совѣщанія въ январѣ 1822 года, на кіевскихъ «контрактахъ», то есть на Крещенской ярмаркѣ въ Кіевѣ (съ 15 января по 1 февраля). Здѣсь къ Пестелю и Юшневскому присоединились трое видныхъ членовъ бывшаго Союза Благоденствія князь С. Г. Волконскій, В. Л. Давыдовъ и Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ. Князь Сергѣй Григорьевичъ Волконскій, авторъ извѣстныхъ «Записокъ», осужденный по 1-му разряду (умеръ въ 1865 году въ своемъ имѣніи въ Черниговской губ.), былъ генералъ-маіоромъ и бригаднымъ командиромъ и жилъ на югѣ Кіевской губерніи, въ гор. Умани. Василій Львовичъ Давыдовъ, осужденный также по 1-му разряду и умершій на поселеніи въ Красноярскѣ въ 1855 году, жилъ въ это время, отставнымъ подполковникомъ, въ своемъ богатомъ имѣніи Каменка, въ Чигиринскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи. Оба они съ января 1822 года были, наравнѣ съ Юшневскимъ, вѣрными сторонниками Пестеля, всецѣло подчинялись его вліянію, хотя и не проявляли большой активности. Съ января 1823 года, когда на кіевскихъ контрактахъ состоялся второй съѣздъ шестерыхъ виднѣйшихъ дѣятелей Общества, они составили Правую или Каменскую управу, названную такъ по имѣнію Давыдова «Каменка». Это имѣніе, такъ же какъ Кіевъ во время ярмарки, былъ пунктомъ, куда съѣзжались члены Общества, пріурочивая съѣзды къ семейному празднику Давыдова (именины его матери, 24 ноября). Дѣятельность Волконскаго и Давыдова по Обществу проявлялась главнымъ образомъ въ участіи въ этихъ съѣздахъ и въ сношеніяхъ съ членами Сѣвернаго Общества при ихъ поѣздкахъ въ Петербургъ. Руководимая ими, Каменская управа пріобрѣла только трехъ новыхъ членовъ, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательнымъ былъ Александръ Викторовичъ Поджіо, отставной подполковникъ, пылкій итальянецъ, «пламенный членъ Общества, неукротимый въ словахъ и сужденіяхъ». Поджіо, такъ же какъ Юшневскій, Волконскій и Давыдовъ, былъ осужденъ по 1-му разряду; его личность и его жизнь послѣ каторги на поселеніи около Иркутска въ Усть-Кудѣ, и потомъ за границей (умеръ въ 1873 году), живо и тепло описаны въ воспоминаніяхъ д-ра Н. А. Бѣлоголовaго.

На съѣздѣ въ январѣ 1822 года къ Обществу Пестеля присоединился Сергѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ, раньше Семеновскій офицеръ, теперь подполковникъ Черниговскаго пѣхотнаго полка, и вслѣдъ за нимъ на съѣздѣ слѣдующаго года — его другъ Михаилъ Павловичъ Бестужевъ-Рюминъ, подпоручикъ Полтавскаго полка. Эти двое были казнены, какъ преступники внѣ разрядовъ. Они выдѣлялись изъ всѣхъ членовъ Южнаго Общества, какъ его наиболѣе активныя силы. Въ 1824 и 1825 гг. они

постоянно настаивали на приступѣ къ дѣйствіямъ, и послѣ ареста Пестеля, въ первыхъ числахъ января 1826 года смѣло подняли знамя возстанія и взяты были съ оружіемъ въ рукахъ. Въ противоположность другимъ, преданнымъ Пестелю, руководителямъ Общества, они пылко стремились къ дѣйствіямъ и, признавая авторитетъ Пестеля, противъ его воли, увлекали его за собой. Они присоединили къ Южному Обществу открытое ими Общество Соединенныхъ Славянъ; они же первые начали сношенія съ Польскимъ Обществомъ. Въ числѣ привлеченныхъ ими къ Обществу новыхъ членовъ было трое, имѣвшихъ значеніе по своему служебному положенію, какъ полковые командиры, И. С. Повало-Швейковскій, А. З. Муравьевъ и В. К. Тизенгаузенъ*). С. И. Муравьевъ-Апостолъ поддерживалъ также связь съ Обществомъ своего брата Матвѣя, отставного подполковника, который, живя въ Петербургѣ, былъ въ 1821—1824 гг. посредникомъ между Южнымъ и Сѣвернымъ Обществомъ**).

Съ 1823 года С. И. Муравьевъ-Апостолъ и М. П. Бестужевъ-Рюминъ были руководителями Васильковской управы, называвшейся такъ по сел. Васильковъ. Васильковская управа къ концу 1824 г. была по числу членовъ, считая примыкавшее къ ней Общество Соединенныхъ Славянъ, больше обѣихъ другихъ управъ вмѣстѣ, Тульчинской и Каменской. Она была, какъ указывалъ Пестель на слѣдствіи, очень дѣятельна, но и дѣйствовала часто независимо отъ Директоріи, состоявшей изъ двухъ лицъ: Пестеля и Юшневскаго. Въ виду этого, съ цѣлью сплотить Общество, Пестель незадолго до своего ареста ввелъ Муравьева-Апостола въ Директорію въ качествѣ третьяго директора Общества.

Таковы были главныя личныя силы Южнаго Общества, виднѣйшіе его дѣятели, постепенно объединенные усиліями Пестеля на совѣщаніяхъ въ началѣ 1821 года и на съѣздахъ 1822 и 1823 гг. Общество окончательно организовалось въ теченіи 1823 года на съѣздахъ главныхъ его представителей въ январѣ и въ ноябрѣ мѣсяцахъ, когда оно раздѣлено было на три управы, и когда С. Муравьевъ-Апостолъ и Бестужевъ-Рюминъ приняли всецѣло программу Пестеля. Программа эта въ обѣихъ ея частяхъ: планъ переворота и планъ новаго государственнаго устройства, — къ 1823 году была уже вполнѣ разработана Пестелемъ. «Русская Правда» вчернѣ была написана, во всѣхъ ея основныхъ частяхъ, и Пестель приступилъ уже къ окончательной отдѣлкѣ рукописи***).

---

*) Иванъ Степановичъ Повало-Швейковскій, полковникъ Саратовскаго пѣхотнаго полка, осужденъ по 1-му разряду, умеръ на поселеніи въ Курганѣ въ 1845 году.—Артамонъ Захаровичъ Муравьевъ, полковникъ командиръ Ахтырскаго гусарскаго полка, осужденъ по 1-му разряду, умеръ, въ Урикѣ, около Иркутска, въ 1864 году.— Василій Карловичъ Тизенгаузенъ, полковникъ, командиръ Полтавскаго полка, осужденъ по 7-му разряду, жилъ на поселеніи въ Ялуторовскѣ, умеръ въ Нарвѣ въ 1853 г.— кромѣ того, Василій Ивановичъ Враницкій, полковникъ квартирмейстерской части, осужденъ по 8-му разряду (ссылка на поселеніе на 20 лѣтъ).

**) Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ осужденъ по 1-му разряду, но каторга была скоро замѣнена ему ссылкой въ Вилюйскъ, Якутской области; умеръ въ Москвѣ въ 1886 г.

***) Глава I переписана набѣло на бумагѣ съ водяными знаками 1821 г., Часть главы II и III переписана на бумагѣ съ знаками 1823 и 1824 года.

Планъ государственнаго устройства, развитый въ «Русской Правдѣ», отличался глубокимъ демократизмомъ. Изъ трехъ принциповъ Великой французской революціи: Свобода, Равенство, Братство Пестель проникся особенно вторымъ: Равенство. Полное «Равенство гражданъ», въ цѣляхъ «возможно большаго благоденствія всѣхъ и каждаго» (по принципу Бентама) составляетъ основную идею «Русской Правды». «Гражданскія общества—писалъ Пестель—а слѣдовательно и государства, составлены для возможно большаго благоденствія всѣхъ и каждаго, а не для блага нѣкоторыхъ, за устраненіемъ большинства людей. Всѣ люди въ государствѣ имѣютъ одинаковое право на всѣ выгоды, государствомъ доставляемыя, и всѣ имѣютъ равныя обязанности нести всѣ тягости, нераздѣльныя съ государственнымъ устройствомъ. Изъ сего явствуетъ, что всѣ люди въ государствѣ должны непремѣнно быть передъ закономъ равны и что всякое постановленіе, нарушающее сіе равенство всѣхъ передъ закономъ, есть нестерпимое зловластіе (деспотизмъ), долженствующее непремѣнно быть уничтоженнымъ».

Съ этой точки зрѣнія Пестель рѣзко высказывается противъ какихъ бы то ни было сословныхъ преимуществъ, какъ старой «феодальной аристократіи», такъ и новой «аристократіи богатствъ». Сословный строй онъ называетъ «пагубнымъ, безразсуднымъ, зловреднымъ», потому что сословія «однимъ только пристрастіемъ дышатъ» и «для пресыщенія корысти нѣсколькихъ людей жестокую оказываютъ несправедливость противъ наибольшей части народа». Онъ считаетъ необходимымъ «всякую даже тѣнь аристократическаго порядка, хоть феодальнаго, хоть на богатствѣ основаннаго, совершенно устранить и навсегда удалить. Намѣчая реформы для введенія въ Россіи новаго гражданскаго строя, основаннаго на равенствѣ, Пестель съ особою силою обличаетъ крѣпостное право, какъ «дѣло постыдное, противное человѣчеству, противное законамъ естественнымъ, противное святой вѣрѣ христіанской, противное, наконецъ, заповѣдной волѣ Всевышняго, гласящаго въ священномъ писаніи, что люди предъ нимъ всѣ равны», и настаивая на «рѣшительномъ уничтоженіи рабства», говоритъ: «дворянство должно навѣки отречься отъ гнуснаго преимущества обладать другими людьми».

Во имя полнаго равенства гражданъ, Пестель всему «народу» предоставляетъ всеобщее и равное избирательное право. Онъ стремится къ тому, чтобы никто «не былъ зловластно отъ участія въ государственныхъ дѣлахъ исключенъ», чтобы «строгое соблюдено было безпристрастіе противъ всѣхъ и каждаго», чтобы «гибельный обычай даровать нѣкоторымъ людямъ привиллегіи за исключеніемъ массы народной былъ совершенно уничтоженъ», чтобы граждане при выборахъ не были ничѣмъ стѣснены и не были принуждаемы взирать ни на сословіе, ни на имущество, а единственно на одни способности и достоинства. Выборы, по его проекту, въ «верховное законодательное» учрежденіе (Вѣче) должны были быть, однако, не прямыми, а двустепенными. Народное собраніе волости, состоящее изъ всѣхъ гражданъ, приписанныхъ къ волости, избираетъ представителей въ «Окружное намѣстное собраніе», а это послѣднее избираетъ представителей въ «Народное Вѣче».

Для «утвержденія истиннаго благоденствія всѣхъ и каждаго» Пестель не ограничивается равенствомъ въ области политическихъ и гражданскихъ правъ, но идетъ дальше, въ область экономическую, и считаетъ нужнымъ «установить возможность для каждаго человѣка пользоваться необходимымъ для его житія». Не дойдя до отрицанія собственности, Пестель сдѣлалъ попытку согласить существованіе частной собственности съ правомъ каждаго на необходимыя средства къ жизни, разработавъ любопытный проектъ аграрной реформы, «раздѣленія земель». Этотъ проектъ, изложенный въ «Русской Правдѣ», составлялъ одно изъ основныхъ положеній его программы, на которомъ онъ упорно настаивалъ предъ сотоварищами по Тайному Обществу. «Въ отношеніи права собственности на землю—писалъ Пестель—существуетъ два главныхъ мнѣнія. Первое мнѣніе, что «земля есть общая собственность всего рода человѣческаго, а не частныхъ лицъ, и посему не можетъ она быть раздѣлена между нѣсколькими только людьми, за исключеніемъ прочихъ». По другому мнѣнію, напротивъ того, «труды и работы суть источники собственности, и тотъ, который землю удобрилъ и оную способной сдѣлалъ къ произведенію разныхъ произрастаній, исключительное долженъ на ту землю имѣть право обладанія». «Сіи два мнѣнія—говоритъ Пестель—совершенно другъ другу противорѣчатъ, между тѣмъ какъ каждое изъ нихъ много истиннаго и справедливаго содержитъ». Примиряя эти мнѣнія, онъ не отвергаетъ права собственности, но считаетъ небходимымъ обезпечить каждому граж анину обладаніе землей въ мѣрѣ, необходимой для поддержанія жизни: «установивъ возможность для каждаго человѣка пользоваться необходимымъ для житія... надлежитъ полное дать обезпеченіе и совершенную свободу пріобрѣтенія и сохраненія изобилія». Соотвѣтственно этому, земли каждой волости должны быть раздѣлены на двѣ половины: земли общественныя и частныя: «Земля общественная будетъ всему волостному обществу совокупно принадлежать и будетъ подлежать обладанію всѣхъ и каждаго», для доставленія всѣмъ гражданамъ необходимаго. Другая половина земель «предназначается для образованія частной собственности, для доставленія изобилія».

Въ своемъ увлеченіи равенствомъ Пестель рѣшительно отрицалъ всякія національныя отличія племенъ и народностей, принадлежащихъ къ одному государству. Онъ хотѣлъ сдѣлать свое эгалитарное демократическое государство единымъ и тѣсно сплоченнымъ. «Всѣ племена—писалъ онъ—должны быть слиты въ одинъ народъ» и требовалъ обрусительныхъ мѣръ не только въ отношеніи различныхъ русскихъ племенъ, но и въ отношеніи финляндцевъ, евреевъ и другихъ,—чтобы «слить всѣхъ въ одну общую форму». Онъ опасался разнородности частей и федеративнаго устройства, полагая что они ослабляютъ внѣшнее могущество государства, что, вслѣдствіе разнородности частей, Россія «скоро потеряетъ не только свое величество, могущество и силу, но даже можетъ быть и бытіе свое между большими или главными государствами». Исключеніе Пестель допускалъ только для Польши и, не находя возможнымъ достичь ея обрусенія, требовалъ для нея полной независимо-

сти. «Благо государства—разсуждалъ онъ— требуетъ тѣснаго объединенія племенъ; но, разъ подчиненная народность слишкомъ сильна для полнаго подчиненія и имѣетъ историческія права на самостоятельное національное существованіе, то же благо государства требуетъ ея отдѣленія. Въ польскомъ вопросѣ «право народности» побѣжденнаго должно брать верхъ надъ «правомъ благоудобства» побѣдителя*).

Государство преобразованное на указанныхъ демократическихъ уравнительныхъ началахъ, должно было, по плану Пестеля, имѣть республиканскую форму правленія. Законодательная верховная власть поручалась народному Вѣчу, изъ народныхъ представителей, избранныхъ на 5лѣтъ**). Верховная исполнительная власть ввѣрялась Державной Думѣ изъ 5 членовъ, избранныхъ народомъ также на 5 лѣтъ. Кромѣ законодательнаго вѣча и Исполнительной Думы, Пестель считалъ необходимымъ еще третье верховное учрежденіе, съ властью блюстительной, «дабы тѣ двѣ не выходили изъ своихъ предѣловъ». Эту власть онъ поручалъ особому верховному собору изъ 120 бояръ, назначаемыхъ на всю жизнь. Въ этомъ проектѣ онъ близко слѣдовалъ французскому политику Детю-де-Траси, книга котораго «Комментарій къ Духу Законовъ Монтескье» оказала на него большое вліяніе по его собственному признанію***).

Достигнуть утвержденія такой демократической республики въ Россіи Пестель надѣялся путемъ военнаго переворота и предоставленія полноты власти на переходные годы реформы Временному Верховному Правленію. «Русская Правда» должна была служить наказомъ этому правленію, и власть ввѣрялась ему съ обязательствомъ въ преобразованіи государственнаго строя точно слѣдовать началамъ, изложеннымъ въ этомъ наказѣ.

Диктатура временнаго верховнаго правленія представлялась Пестелю необходимой, потому что онъ не надѣялся провести свой планъ преобразованій чрезъ представительное учрежденіе. «Представительный соборъ—писалъ онъ въ «Русской Правдѣ»—не можетъ быть созванъ, ибо начала представительнаго верховнаго порядка въ Россіи еще не существуютъ». Въ осуществимость же своего плана военнаго переворота онъ вѣрилъ, основываясь на примѣрѣ современныхъ ему революцій въ Испаніи, Португаліи и Неаполѣ.

Эти же революціи убѣждали его въ необходимости поставить цѣлью переворота республику, а не конституціонную монархію, потому что примѣры реставраціи абсолютизма въ Испаніи и Пор-

---

*) „Русская Правда“ обстоятельно разсмотрѣна, съ указаніемъ ея иностранныхъ источниковъ, въ изслѣдованіи В. И. Семевскаго. „Вопросъ о преобразованіи государственнаго строя Россіи“, Былое, 1906, № 3. Текстъ „Русской Правды“, по списку Н. Ф. Дубровина, изданъ въ 1906 г. П. Е. Щеголевымъ. Раньше, въ 1902 году „Русская Правда„ была изложена въ моей статьѣ о Пестелѣ, въ „Русскомъ Біографическомъ Словарѣ“, нѣсколько сокращенной редакціею по цензурнымъ соображеніямъ.

**)Законы основные, „завѣтные“, могли измѣняться только путемъ референдума, путемъ передачи ихъ „на сужденіе всей Россіи“.

***)Comte Destutt de-Tracy. Commentaire sur l'esprit des Loix de Montesquieu; Парижское изд. 1819 г. Нѣкоторые его называютъ по-русски: Дестюттъ де-Траси.

тугаліи давали ему «неоспоримыя доказательства въ непрочности монархическихъ конституцій и полныя достаточныя причины къ недовѣрчивости къ истинному согласію монарховъ на конституціи, ими принимаемыя». И чтобы предотвратить возможность реставраціи абсолютизма, Пестель, со свойственной ему смѣлой послѣдовательностью, пришелъ къ мысли о необходимости не только цареубійства, но и истребленія всѣхъ членовъ императорской фамиліи, какъ возможныхъ претендентовъ на престолъ. Этотъ смѣлый шагъ, какъ рѣшительный кровавый разрывъ съ прошлымъ, долженъ былъ обезпечить трудную преобразовательную работу временнаго верховнаго правленія. Поэтому, какъ ни пугалъ многихъ его планъ, онъ твердо настаивалъ на недостаточности одного только цареубійства.

При первомъ же знакомствѣ съ А. В. Поджіо (въ концѣ 1824 г.) Пестель, объяснивъ ему всѣ основанія своего плана, старался убѣдить его въ необходимости истребленія всей Императорской семьи. Поджіо подробно разсказалъ на слѣдствіи объ этой первой встрѣчѣ своей съ человѣкомъ, «славой котораго—говоритъ онъ—всѣ уши мои были полны; я столько зналъ, столько слышалъ, что онъ уже не могъ меня удивить ни умомъ, ни умышленіями, ничѣмъ». Пестель началъ «съ азбуки въ политикѣ, преступленіи и дѣйствіи»; «затѣмъ,—разсказываетъ Поджіо—ввелъ меня въ свою республику». Наконецъ, «приступилъ къ заговору о совершеніи невѣроятнаго покушенія».

— «Давайте—мнѣ говоритъ—считать жертвы». И руку свою сжалъ, чтобы производить счетъ ужасный сей по пальцамъ.

Видя Пестеля передъ собой, я сталъ называть, а онъ считать. Дойдя до женскаго пола, онъ остановилъ меня, говоря:

«Знаете ли, что это дѣло ужасное!»

«Я не менѣе васъ въ томъ увѣренъ»...

Сейчасъ же послѣ сего опять та же рука стала предо мной. И ужасное число было тринадцать!

Наконецъ, остановившись, онъ, видя мое молчаніе, говоритъ такъ:

«Но этому и конца не будетъ! Ибо также должно будетъ покуситься и на особъ фамиліи, въ иностранныхъ краяхъ находящихся».

«Да,—я говорю—тогда точно уже конца ужасу сему не будетъ, ибо у всѣхъ великихъ княгинь есть и дѣти»,—говоря, что для сего провозгласить достаточно отрѣшенія отъ всякаго наслѣдствія, (и) добавивъ впрочемъ: «Кто захочетъ столь окровавленнаго престола».

Вслѣдъ за симъ онъ мнѣ говоритъ:

«Я препоручилъ уже Барятинскому приготовить мнѣ двѣнадцать человѣкъ, рѣшительныхъ для сего!»

На слѣдствіи Пестель сначала старался доказать, что Поджіо «представилъ этотъ разговоръ въ совершенно превратномъ видѣ», и что они бесѣдовали «безъ всѣхъ этихъ театральныхъ движеній». Но на очной ставкѣ долженъ былъ сознаться, что они, «дѣйствительно, жертвы изъ Императорской фамиліи считали»*).

*) Ср. ниже изложеніе этого показанія А. В. Поджіо въ вопросахъ, предложенныхъ Пестелю (I, § 7.). Показанія Поджіо напечатаны въ книгѣ М. В. Довнаръ-Запольскаго, „Мемуары декабристовъ“, Кіевъ, 1906. Я цитирую ихъ по подлиннику (дѣло Гос. Арх. I В. № 402).

С. Муравьевъ-Апостолъ и Бестужевъ Рюминъ, принявъ всѣ главные пункты программы Пестеля, согласившись и на цареубійство, долго противились плану истребленія всѣхъ особъ Императорскаго дома. На слѣдствіи Муравьевъ-Апостолъ утверждалъ, что онъ всегда считалъ этотъ планъ сумасброднѣйшимъ, и что до конца не соглашался его принять. Но показаніе Пестеля, что Муравьевъ съ Бестужевымъ приняли этотъ планъ на съѣздѣ въ ноябрѣ 1823 года, отвергнутое ими на очныхъ ставкахъ, было подтверждено княземъ Волконскимъ.

Изложенная программа Пестеля цѣликомъ (или съ нѣкоторыми оговорками по этому послѣднему пункту) была въ 1823 году принята всѣми виднѣйшими членами Южнаго Общества; краткое извлеченіе изъ «Русской Правды», названное «Государственнымъ Завѣтомъ», было для многихъ изъ нихъ настоящимъ политическимъ завѣтомъ. Пестель, однако, понималъ, что для успѣха дѣла мало было этого единодушія членовъ Южнаго Общества, что силы этого общества недостаточны, и направилъ свои усилія на соединеніе Южнаго Общества съ Сѣвернымъ. На этомъ пути его ждало полное разочарованіе.

Связь между Южнымъ и Сѣвернымъ Обществомъ поддерживалъ въ 1823 г. Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ, нарочно для этого поселившійся въ Петербургѣ. Но сношенія съ Петербургомъ за дальностью разстояній были очень затруднительны; приходилось ждать случайныхъ, большею частью служебныхъ поѣздокъ тульчинскихъ членовъ Общества въ Петербургъ. Въ началѣ 1823 г. Пестель отправилъ къ Никитѣ Муравьеву письмо съ кн. Волконскимъ, въ которомъ извѣщалъ о программѣ Южнаго Общества и просилъ увѣдомить о дѣйствіяхъ общества въ Петербургѣ. Муравьевъ въ отвѣтъ прислалъ ему свой проектъ конституціи, еще не оконченный. Ознакомившись съ этимъ проектомъ, Пестель, воспользовавшись поѣздкой въ Петербургъ Вас. Давыдова въ февралѣ 1823 г., послалъ Муравьеву длинное письмо, въ которомъ оспаривалъ его проектъ и разъяснялъ главныя черты своего конституціоннаго проекта. Въ іюнѣ того же года Пестель снова пишетъ Никитѣ Муравьеву (съ княземъ Барятинскимъ), упрекая его въ бездѣятельности и указывая, что «лучше совсѣмъ разойтиться, нежели бездѣйствовать и все-таки опасностямъ подвергаться» и ставя въ примѣръ рѣшительность членовъ Южнаго Общества «les demi-mesures ne valent rien; ici nous voulons faire maison nette».

Въ мартѣ 1824 года Пестель самъ пріѣхалъ въ Петербургъ и провелъ здѣсь около двухъ мѣсяцевъ*). На другой же день по пріѣздѣ, Пестель посѣтилъ князя С. П. Трубецкого и велъ съ нимъ продолжительную бесѣду о дѣлахъ общества; онъ «жаловался» говоритъ Трубецкой: «что здѣсь вовсе ничего нѣтъ, никто ничего не хочетъ дѣлать, Муравьевъ не отвѣчалъ ни по письмамъ, ни по

*) Получивъ отпускъ, Пестель 26 февраля 1824 года пріѣхалъ къ своему отцу въ село Васильево, Краснинскаго уѣзда Смоленской губерніи. Отсюда въ мартѣ выѣхалъ въ Петербургъ и вернулся въ имѣніе отца 6 мая. На службу въ сел. Линцы онъ отправился 17 іюля того же года. (Въ Р. Арх. 1875 года, I, 419, ошибочно указано 17 іюня).

словеснымъ порученіямъ; выхвалялъ свое общество, какъ оно хорошо устроено, какъ хорошо идетъ, говорилъ, что и здѣсь должно устроить въ такомъ же порядкѣ, что для сего надобно непремѣнныхъ управляющихъ членовъ и совершенное безпрекословное отъ прочихъ къ нимъ повиновеніе, и что надобно слить оба общества вмѣстѣ, и чтобы управленіе ихъ было одно и то же, т.-е. одни управляющіе члены».

Пестелю не удалось достигнуть этой цѣли объединенія двухъ обществъ. Главной причиной неуспѣха было принципіальное разногласіе его съ руководителями Сѣвернаго общества. Политическіе взгляды виднѣйшаго изъ нихъ, Никиты Муравьева, въ это время кореннымъ образомъ расходились со взглядами Пестеля. Измѣнивъ своему прежнему единомыслію съ Пестелемъ, Муравьевъ его республиканско-демократическому проекту противопоставилъ свой проектъ монархически-аристократической конституціи, его единому сплоченному государству—федеративную систему. «Конституція Никиты Муравьева», говорилъ Пестель «многимъ членамъ Общества (и, прежде всего, конечно, самому Пестелю) весьма не нравилась по причинѣ федеративной его системы, которая походила на древнюю удѣльную систему, и ужасной аристократіи богатствъ, которая оною созидалась въ обширнѣйшемъ видѣ»; въ ней «права на занятіе должности по государственной службѣ и на участіе въ дѣлахъ общихъ и государственныхъ посредствомъ представительнаго порядка основаны были оба на богатствѣ». При такомъ различіи во взглядахъ Пестелю, конечно, трудно было добиться единомыслія съ Н. Муравьевымъ.

Другіе руководители петербургскаго Общества не имѣли прочныхъ взглядовъ и готовы были склониться на убѣжденія Пестеля. «Оболенскаго, говоритъ онъ: нашелъ я болѣе всего на республику согласнымъ; Трубецкой рѣшительнаго образа мыслей не показывалъ: то былъ согласенъ на республику, то опять оспаривалъ ее». Но Никитѣ Муравьеву удалось ихъ возстановить противъ Пестеля. Переговоры Пестеля въ Петербургѣ свелись къ единоборству съ Муравьевымъ; совѣщанія общества «походили болѣе на пренія авторскихъ самолюбій», какъ замѣтилъ кн. А. Барятинскій. При первомъ разговорѣ съ Пестелемъ кн. Е. П. Оболенскій «плѣненъ» былъ новостью его мыслей, готовъ былъ принять цѣликомъ его проектъ конституціи и ревностно содѣйствовать соединенію обществъ. Но вслѣдъ затѣмъ онъ отказался отъ этого, убѣжденный доводами Н. Муравьева и другихъ сочленовъ. Соглашенію сѣверныхъ членовъ съ Пестелемъ мѣшало укорененное въ нихъ Н. Муравьевымъ недовѣріе къ властолюбивому директору Южнаго Общества, опасеніе, что онъ преслѣдуетъ личныя честолюбивыя цѣли. Рылѣевъ и Поджіо (младшій) говорили потомъ, что сѣверные члены отвергли «Русскую Правду», потому что опасались стремленія Пестеля къ диктаторству и потому, что Пестель, будто бы, требовалъ отъ нихъ слѣпого повиновенія одному директору. Довольно было Пестелю въ разговорѣ съ Рылѣевымъ отозваться о Наполеонѣ, что онъ истинно великій человѣкъ, отличавшій не знатность, а дарованія, и возвысившій Францію, какъ Рылѣевъ рѣшилъ, что

Пестель выдаетъ себя, что онъ самъ мечтаетъ быть Наполеономъ, и нравоучительно замѣтилъ ему, что «въ наши дни даже и честолюбецъ, если только онъ благоразуменъ, пожелаетъ лучше быть Вашингтономъ, нежели Наполеономъ». Въ ожиданіи пріѣзда Пестеля въ Петербургъ Никита Муравьевъ предостерегалъ кн. Трубецкого, что Пестель «человѣкъ опасный и себялюбивый». Нѣкоторые члены Сѣвернаго Общества думали соединиться съ Южнымъ нарочно для того, чтобы надзирать за Пестелемъ и противодѣйствовать ему. Кн. Трубецкой изъ разговоровъ съ Пестелемъ вынесъ убѣжденіе, что «онъ человѣкъ вредный и не должно допускать его усиливаться, но стараться всевозможно его ослабить», онъ считалъ необходимымъ сохранить Сѣверное Общество изъ опасенія, что если ихъ общество распадется, то Пестель «найдетъ средство завести здѣсь отдѣленіе, которое будетъ совершенно отъ него зависѣть». Руководителямъ Сѣвернаго Общества казалось особенно подозрительнымъ предположеніе Пестеля объ учрежденіи временнаго верховнаго правленія съ почти неограниченною властью. Кн. Трубецкой говорилъ, что въ бесѣдѣ съ Пестелемъ объ этомъ предметѣ онъ далъ ему возможность замѣтить, что подозрѣваетъ его въ личныхъ видахъ. Кн. Трубецкой съ Н. Муравьевымъ въ одномъ изъ разговоровъ съ Пестелемъ долго и возбужденно спорили противъ этого проекта, противъ мысли о деспотической власти временнаго верховнаго правленія. «Они много горячились, а я все время былъ хладнокровенъ», говоритъ Пестель, но подъ конецъ ихъ возраженія вывели его изъ себя и онъ, измѣнивъ своему хладнокровію, ударилъ по столу рукою, вскочивъ съ своего мѣста. Нѣкоторые прибавляютъ, что онъ воскликнулъ при этомъ: «такъ будетъ же республика!». Убѣдившись въ несговорчивости руководителей Сѣвернаго Общества, Пестель сдѣлалъ попытку внести расколъ въ это общество и привлечь на свою сторону одного кн. Трубецкого; онъ предложилъ Трубецкому войти третьимъ членомъ въ южную директорію, въ качествѣ руководителя Сѣвернаго Общества и при этомъ говорилъ, что такъ какъ Юшневскій мало занимается дѣлами, то Трубецкой вдвоемъ съ нимъ будутъ вершителями судебъ обоихъ соединенныхъ обществъ, Сѣвернаго и Южнаго. Кн. Трубецкой не согласился; «мы разстались, говоритъ онъ, другъ другомъ недовольны". Пестель вышелъ, сказавъ ему на прощанье: „Стыдно будетъ тому, кто не довѣряетъ другому и подозрѣваетъ въ другомъ личные какіе виды, а послѣдствіе докажетъ, что таковыхъ видовъ нѣтъ". Никита Муравьевъ показалъ, что въ одномъ засѣданіи, на которомъ онъ не присутствовалъ, Пестелю удалось склонить кн. Трубецкого, Оболенскаго, Рылѣева и другихъ членовъ къ тѣсному соединенію обоихъ обществъ, съ установленіемъ общаго начальства, съ порядкомъ рѣшенія дѣлъ большинствомъ голосовъ бояръ—главныхъ петербургскихъ членовъ, подъ условіемъ слѣпого повиновенія прочихъ членовъ ихъ рѣшеніямъ. Муравьевъ показалъ далѣе, что въ послѣдующемъ засѣданіи онъ энергично возсталъ противъ этого соглашенія съ Пестелемъ, и что его слова подѣйствовали; и рѣшено было оставить все по старому до 1826 г., а тогда собрать уполномоченныхъ для выработки общихъ правилъ

и для избранія однихъ правителей въ оба общества. Пестель говоритъ, что въ результатѣ всѣхъ переговоровъ ему удалось только заключить уговоръ со всѣми директорами Сѣвернаго Общества „о единодушномъ дѣйствіи“ въ случаѣ крайности, «что ежели они найдутся въ необходимости дѣйствіе начать, то мы ихъ должны поддержать и обратно они насъ».

Неудача эта произвела сильное впечатлѣніе на Пестеля. Послѣ своей поѣздки въ Петербургъ, онъ, какъ замѣтилъ Н. Муравьевъ, „видимо охладѣлъ къ главнымъ членамъ петербургскимъ, не показывалъ имъ довѣренности, и хотя обѣщалъ прислать свой проектъ конституціи, однакожъ, не прислалъ“. Когда кн. Волконскій ѣхалъ въ Петербургъ въ концѣ 1824 г., Пестель поручилъ ему переговорить о дѣлахъ Общества только съ однимъ княземъ Оболенскимъ. Петербургскіе члены очень интересовались дѣятельностью Пестеля на югѣ, по прежнему относясь къ ней съ недовѣріемъ, и когда князь Трубецкой въ исходѣ 1824 г. по дѣламъ службы отправился въ Кіевъ, то они поручили ему наблюдать за Пестелемъ, который, какъ они говорили, „вовсе отдѣлился“ отъ Сѣвернаго Общества.

Этотъ неуспѣхъ въ Петербургѣ парализовалъ энергію Пестеля съ конца 1824 года. Сознавая слабость силъ Южнаго Общества, онъ не спѣшилъ приступать къ осуществленію своего плана и соглашался на начатіе дѣйствій, только уступая настояніямъ пылкаго Сергѣя Муравьева-Апостола. Васильковская управа, руководимая Муравьевымъ, едва не начала мятежа еще въ 1823 г., когда войска 9-й дивизіи 3-го корпуса, въ которой служили офицерами сочлены управы, стояла въ Бобруйскѣ. Въ 1824 г. Муравьевъ, со своими ближайшими единомышленниками, составилъ планъ начать возстаніе во время ожидавшагося высочайшаго смотра войскъ 3-го корпуса въ 1826 году у Бѣлой Церкви. Онъ предлагалъ начать съ насильственной смерти императора Александра, затѣмъ мятежными войсками 3-го корпуса занять Кіевъ и итти на Москву въ надеждѣ, что войска, расположенныя на пути, присоединяться къ мятежникамъ, даже безъ предварительнаго уговора, вслѣдствіе общаго недовольства правительствомъ. Сѣверное Общество въ то же время должно было возмутить гвардію и флотъ. Пестель съ всегда послушными ему Юшневскимъ, Давыдовымъ и кн. Волконскимъ сильно спорили противъ этого плана на кіевскихъ контрактахъ въ январѣ 1825 г. и «совершенно его опровергнули». Пылкіе васильковскіе члены общества едва не начали возстанія, безъ соглашенія съ Пестелемъ, въ августѣ 1825 г., во время сбора войскъ для маневровъ при мѣстечкѣ Лещинѣ,—по совершенно случайному поводу отнятія команды надъ полкомъ у одного изъ сочленовъ ихъ, Повало-Швейковскаго. По настоянію Швейковскаго, они согласились тутъ же, въ Лещинѣ, отложить начало дѣйствій до мая 1826 г., рѣшившись во что бы то ни стало привести въ исполненіе прежній свой планъ возмущенія у Бѣлой Церкви, во время ожидавшагося высочайшаго смотра. Бестужевъ-Рюминъ пріѣхалъ къ Пестелю во второй половинѣ 1825г. и сообщилъ объ этомъ рѣшеніи Васильковской управы. Пестель на этотъ разъ не высказался рѣшительно противъ, но го-

ворилъ, что Южное Общество одно безъ содѣйствія Сѣвернаго не можетъ достигнуть успѣха, и что поэтому прежде окончательнаго рѣшенія необходимо получить свѣдѣнія о состояніи и средствахъ Сѣвернаго Общества; князь Трубецкой долженъ былъ въ скоромъ времени ѣхать изъ Кіева въ Петербургъ, и Пестель поручилъ ему собрать тамъ всѣ эти свѣдѣнія. Сознаніе слабости силъ Общества заставляло Пестеля охлаждать рвеніе Муравьева и Бестужева. «Муравьевъ нетерпѣливъ и скоръ», говорилъ Пестель: «однакожъ, если онъ начнетъ удачно, то я не отстану отъ него». Опасность открытія заговора, усиливаемая неосторожностью членовъ Васильковской управы, побуждала Пестеля относиться болѣе сочувственно къ плану скорѣйшаго начатія мятежа. «Когда отъ разговора съ другими членами, говорилъ онъ Слѣдственной комиссіи: мнѣ живо представлялась опасность наша и необходимость дѣйствовать, тогда воспламенялъ я и оказывалъ готовность при необходимости обстоятельствъ начать возмущеніе и въ семъ смыслѣ говорилъ. Но послѣ того, обдумывая хладнокровнѣе, рѣшался я лучше собою жертвовать, нежели междоусобіе начать... Сіе совершеннѣйшая истина».

Нѣкоторые изъ членовъ Общества говорили, что Пестель возлагалъ надежды, между прочимъ, на свой полкъ и подготовлялъ его къ мятежу, и что въ концѣ 1825 г. онъ рѣшилъ даже 1-го января 1826 г. подать знакъ возмущенія со своимъ полкомъ, а именно, по вступленіи полка въ караулъ въ Тульчинѣ, арестовать главнокомандующаго 2-й арміи и начальника штаба. Но Пестель рѣшительно отвергалъ эти свидѣтельства, и слѣдствіе не открыло вѣскихъ уликъ противъ него.

Въ серединѣ ноября правительство уже имѣло вѣрныя свѣдѣнія о заговорѣ. Первый донесъ о немъ унтеръ-офицеръ Шервудъ. Генералъ графъ Виттъ, независимо отъ Шервуда, узнавъ о существованіи общества въ Тульчинѣ, поручилъ кіевскому помѣщику Бошняку собрать о немъ свѣдѣнія. Бошнякъ былъ принятъ въ члены общества, но возбудилъ сильныя подозрѣнія въ Пестелѣ. «Послѣ сношенія съ Бошнякомъ, говоритъ онъ: находились мы въ постоянномъ опасеніи». Въ серединѣ ноября Пестель счелъ необходимымъ скрыть свои бумаги. Онъ сжегъ наиболѣе опасныя главы «Русской Правды» о верховномъ управленіи, а остальныя рѣшилъ скрыть. Большой пакетъ, въ которомъ вмѣстѣ съ его бумагами соединены были бумаги двухъ его друзей, князя А. П. Барятинскаго и П. А. Крюкова 2-го, былъ зарытъ въ землю братьями Бобрищевыми-Пушкиными, при участіи Заикина, недалеко отъ Тульчина въ селѣ Кирнавовкѣ.

25 ноября 1825 года Майборода, капитанъ Вятскаго полка, которымъ командовалъ Пестель, принятый имъ въ члены общества за годъ передъ тѣмъ, представилъ генералъ-лейтенанту Роту донесеніе на высочайшее имя, въ которомъ сообщалъ о существованіи Тайнаго Общества и предлагалъ открыть всѣ подробности заговора и указать мѣсто, гдѣ хранится «Русская Правда», составленная полковникомъ Пестелемъ. На основаніи этого доноса, 13-го декабря 1825 г. Пестель былъ арестованъ. Главнокомандующій 2-й ар-

міи графъ Витгенштейнъ поручилъ произвести слѣдствіе генералъ-адъютантамъ Чернышеву и Киселеву. Во время нахожденія Пестеля подъ арестомъ, кн. Волконскому удалось обмѣняться съ нимъ нѣсколькими словами. «Prenez courage»,сказалъ онъ, и Пестель отвѣчалъ: «Je n'en manque pas, ne vous inquiétez pas». Онъ обѣщалъ не выдать никого. Изъ 38 вопросовъ, предложенныхъ ему Киселевымъ и Чернышовымъ 22-го декабря 1825 года, Пестель увидѣлъ, что слѣдователи знаютъ уже все существенное о Тайномъ Обществѣ и заговорѣ, но на всѣ вопросы отвѣтилъ незнаніемъ. «Никто изъ членовъ Тайнаго Общества мнѣ неизвѣстенъ» писалъ онъ въ своихъ письменныхъ отвѣтахъ; «не имѣя никакого понятія объ упоминаемомъ Тайномъ Обществѣ, ничего не могу объяснить о средствахъ, имъ придуманныхъ»; «я никакихъ законовъ не писалъ, и потому главныя черты оныхъ объяснить не могу»...

3 января 1826 года Пестель былъ привезенъ въ Петербургъ. Императоръ Николай въ этотъ день утромъ, собственноручной запиской, приказалъ коменданту Петропавловской крѣпости генералу Сукину: «Пестеля помѣстить въ Алексѣевскій равелинъ, выведя для того Каховскаго, или другого изъ менѣе важныхъ» (3 января, 12 часовъ пополудни). Пестель былъ помѣщенъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ, въ камерѣ № 13; сосѣднія камеры заняты были, № 12—Бестужевымъ-Рюминымъ, № 14—Кюхельбекеромъ. На другой день съ Пестеля снятъ былъ допросъ. Увидѣвъ изъ вопросовъ генерала Левашева, что слѣдователи знаютъ уже всѣ секреты заговора, Пестель отвѣтилъ на его вопросы признаніемъ. Въ дополненіе къ устнымъ показаніямъ онъ въ ближайшіе дни, 7 и 8 января, написалъ еще нѣсколько разъясненій общаго характера о замыслахъ и дѣятельности Общества. Подробныя показанія написаны были имъ въ отвѣтъ на обстоятельные вопросы слѣдственнаго комитета о 13 января, числомъ 55, и отъ 1 апрѣля, числомъ 47. Большую тетрадь отвѣтовъ на вопросы 1 апрѣля Пестель писалъ пять дней, какъ видно изъ даты, 6 апрѣля, обозначенной на ней, вмѣстѣ съ подписью. Съ января по апрѣль мѣсяцъ его многократно вызывали въ слѣдственный комитетъ для допросовъ по отдѣльнымъ пунктамъ обвиненія и для очныхъ ставокъ съ другими подсудимыми. Въ протоколѣ слѣдственнаго комитета 1 апрѣля записано: «Допрашиванъ полковникъ Пестель. Вообще казался откровеннымъ и на всѣ вопросы отвѣчалъ удовлетворительно; многія показанія, на него сдѣланныя, призналъ справедливыми, многія совершенно отвергъ».

Всѣ бумаги слѣдствія переданы были Верховному Уголовному Суду, учрежденному указомъ 1 іюня 1826 года и открывшему свои дѣйствія 3 іюня. Существо судебнаго разбирательства свелось къ опредѣленію разрядовъ подсудимыхъ по степени вины каждаго. Для этой работы Верховный Уголовный Судъ избралъ изъ своей среды «разрядную комиссію» подъ предсѣдательствомъ М. М. Сперанскаго, получившаго наибольшое число голосовъ при выборахъ членовъ этой комиссіи. Явившись, такимъ образомъ, главнымъ вершителемъ судьбы различныхъ декабристовъ, Сперанскій выработалъ основанія для сравнительнаго опредѣленія силы вины каждаго изъ нихъ. По указаніямъ Сперанскаго и частью имъ самимъ

составлены были краткія записки о силѣ вины каждаго изъ обвиняемыхъ.

Записка о силѣ вины Пестеля, напечатанная ниже (№ VI), послужила основаніемъ для слѣдующаго опредѣленія его преступленій, изложеннаго въ докладѣ Верховнаго Уголовнаго Суда:

«Имѣлъ умыселъ на цареубійство; изыскивалъ къ тому средства, избиралъ и назначалъ лица къ совершенію онаго; умышлялъ на истребленіе Императорской фамиліи и съ хладнокровіемъ исчислялъ всѣхъ ея членовъ, на жертву обреченныхъ, и возбуждалъ къ тому другихъ; учреждалъ и съ неограниченною властію управлялъ Южнымъ тайнымъ обществомъ, имѣвшимъ цѣлію бунтъ и введеніе республиканскаго правленія; составлялъ планы, уставы, конституцію; возбуждалъ и пріуготовлялъ къ бунту; участвовалъ въ умыслѣ отторженія областей отъ Имперіи и принималъ дѣятельнѣйшія мѣры къ распространенію Общества привлеченіемъ другихъ*).

Установивъ 12 разрядовъ преступниковъ, Верховный Судъ пятерыхъ: Пестеля, Рылѣева, Муравьева-Апостола, Бестужева-Рюмина и Каховскаго выдѣлилъ въ особый списокъ «внѣ разрядовъ». Судъ нашелъ, что «превосходя другихъ во всѣхъ злыхъ умыслахъ силою примѣра, неукротимостію злобы, свирѣпымъ упорствомъ и, наконецъ, хладнокровною готовностію къ кровопролитію, они стоятъ внѣ всякаго сравненія», и приговорилъ ихъ къ смертной казни четвертованіемъ. Вслѣдствіе указа Николая I отъ 10 іюля 1826 года четвертованіе замѣнено было повѣшеніемъ.

Когда Пестель, по выслушаніи приговора въ сенатѣ, вернулся въ крѣпостной казематъ, его, какъ лютеранина, посѣтилъ пасторъ Рейнботъ. «Я дрожалъ—разсказывалъ объ этомъ свиданіи пасторъ,—но онъ былъ твердъ и сказалъ: Я даже не разслышалъ, что хотятъ съ нами дѣлать; но все равно, только скорѣе».

Приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе въ Петропавловской крѣпости 13 іюля 1826 года.

---

*) Секретарь Слѣдственнаго Комитета такъ опредѣлялъ вину Пестеля: „Изъ показаній Пестеля и его сообщниковъ открывается, что онъ безпрерывно и ревностно дѣйствовалъ въ видахъ Общества съ самаго вступленія по самое его арестованіе. Онъ не только самовластно управлялъ Южнымъ Обществомъ, но имѣлъ рѣшительное вліяніе и на дѣла Сѣвернаго. Онъ господствовалъ надъ сочленами своими, обворожалъ ихъ обширными познаніями и увлекалъ силою слова къ преступнымъ намѣреніямъ его разрушить существующій образъ правленія, ниспровергнуть престолъ и лишить жизни августѣйшихъ особъ Императорскаго дома. Словомъ, онъ былъ главою Общества и первѣйшею пружиною всѣхъ его дѣйствій".

Отвѣты П. И. Пестеля на вопросы Слѣдственнаго Комитета, съ 13 января по май 1826 года.

1. Біографическія свѣдѣнія.

1. Какъ ваше имя и отчество и сколько отъ роду лѣтъ?

Имя и отчество мои суть: Павелъ Ивановъ сынъ Пестель. Имѣю отъ роду 32 года, скоро минетъ 33.

2. Какой вѣры и каждогодно ли бываете на исповѣди и у святаго причастія?

Я принадлежу къ лютеранскому исповѣданію и бывалъ у святого причастія каждый разъ, что встрѣчалъ Свѣтлое Христово Воскресеніе въ Петербургѣ, но не бывалъ, когда проводилъ оное въ арміи. Въ семъ году я былъ у исповѣди и у святого причастія, а передъ тѣмъ былъ въ 1820-мъ году. Во все же время пребыванія моего при Второй арміи не былъ, за неимѣніемъ лютеранскаго священника. Въ 1824-мъ же году не былъ потому, что въ то время очень былъ боленъ и не выходилъ изъ горницы.

3. Присягали ли на вѣрное подданство нынѣ царствующему Государю Императору?

Нынѣ царствующему Государю Императору я не присягалъ на вѣрное подданство, ибо арестованъ былъ въ Тульчинѣ 13 декабря прошедшаго 1825 года, прежде полученія извѣстія о вступленіи Государя Императора на Всероссійскій престолъ.

4. Гдѣ воспитывались? Если въ публичномъ заведеніи, то въ какомъ именно, когда и куда изъ онаго были выпущены? и ежели у родителей, то кто именно были ваши учители и наставники?

До 12-ти лѣтъ возраста воспитывался я въ домѣ у родителей, а въ 1805 году отправился съ моимъ братомъ, что нынѣ полковникъ Кавалергардскаго полка, въ Гамбургъ, а оттуда въ Дрезденъ, изъ коего въ 1809 году возвратились въ родительскій домъ. Въ сіе время отсутствія изъ отечества управлялъ нашимъ воспитаніемъ нѣкто Зейдель, который, вступя въ Россійскую службу, находился въ 1820 году при генералѣ графѣ Милорадовичѣ. Въ 1810 году былъ я опредѣленъ въ Пажескій корпусъ, откуда выпущенъ въ концѣ 1811 года прапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи Литовскій, что нынѣ лейбъ-гвардіи Московскій полкъ.

5. Въ какихъ предметахъ вы старались наиболѣе себя усовершенствовать или приготовить?

О политическихъ наукахъ не имѣлъ я ни малѣйшаго понятія до самаго того времени, когда сталъ готовиться ко вступленію въ Пажескій корпусъ, въ коемъ ихъ знаніе требовалось для поступленія въ верхній классъ. Я имъ тогда учился у профессора и академика Германа, преподававшаго въ то время сіи науки въ Пажескомъ корпусѣ. По выходѣ изъ Пажескаго корпуса занимался я наиболѣе военными и политическими науками и особенную имѣлъ склонность къ политическимъ, а потомъ къ военнымъ.

6. Не слушали ли сверхъ того особенныхъ лекцій, въ какихъ предметахъ наукъ, у кого, когда и гдѣ именно?

Зимою съ 1816 на 1817 годъ слушалъ я курсъ политическихъ наукъ у профессора и академика Германа въ его квартирѣ на Васильевскомъ острову. Но мало у него тогда почерпнулъ новыхъ познаній, потому что онъ почти то же читалъ въ лекціяхъ своихъ, что прежде я отъ него слышалъ въ Пажескомъ корпусѣ. Форма преподаванія была другая, но существо предметовъ то же самое.

7. Когда вы вступили въ службу, гдѣ и какимъ образомъ продолжали оную, и не были ли за что-либо въ штрафахъ или подъ судомъ, когда и чѣмъ дѣла были окончены?

Я вступилъ въ службу въ 1811 году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, изъ Пажескаго корпуса въ лейбъ-гвардіи Литовскій, что нынѣ л.-г. Московскій полкъ *). По открытіи кампаніи 1812 года находился я во фронтѣ при полку и былъ съ полкомъ въ сраженіи при селѣ Бородинѣ, гдѣ подъ самый уже вечеръ 26 августа раненъ былъ жестоко ружейною пулею въ ногу съ раздробленіемъ костей и поврежденіемъ жилъ, за что и получилъ золотую шпагу съ надписью за храбрость. Отъ сей раны пролежалъ я до мая мѣсяца 1813 года и, не будучи еще вылѣченъ, но имѣя рану открытою, изъ коей чрезъ весь 1813 годъ косточки выходили, отправился я къ арміи графа Витгенштейна, къ коему назначенъ былъ въ адъютанты. При немъ находился я всю кампанію 1813 и 1814 годовъ, и во всѣхъ былъ сраженіяхъ, гдѣ онъ самъ находился. За Лейпцигское сраженіе получилъ я орденъ святого Владиміра четвертой степени съ бантомъ, а за всѣ предшествовавшія дѣла 1813 года, въ коихъ находился послѣ перемирія, былъ произведенъ за отличіе въ поручики. За кампанію 1814 года получилъ орденъ святыя Анны 2 класса. По окончаніи войны въ 1814 году былъ я переведенъ въ Кавалергардскій полкъ, съ оставленіемъ при прежней должности, въ коей пребывалъ до 1821 года, бывъ переведенъ въ началѣ 1820 года въ Маріупольскій гусарскій полкъ подполковникомъ. Въ 1821 году, когда открывался походъ въ Италію, тогда былъ я переведенъ въ Смоленскій драгунскій полкъ, не оставаясь уже болѣе адъютантомъ. Въ полку, однако-же, я не былъ на-лицо, потому что сказанный походъ въ Италію былъ отмѣненъ, а я между тѣмъ употребленъ былъ въ главной квартирѣ

*) Болѣе подробныя свѣдѣнія о службѣ см. ниже въ формулярномъ спискѣ подъ № VIII.

2 арміи по дѣламъ о возмущеніи грековъ, и по симъ же дѣламъ былъ трикратно посыланъ въ Бессарабію, представивъ тогда по начальству двѣ большія записки о дѣлахъ грековъ и турокъ, которыя и были отосланы къ министру иностранныхъ дѣлъ *). Въ ноябрѣ 1821 года былъ я по старшинству произведенъ въ полковники и въ томъ же мѣсяцѣ назначенъ командиромъ Вятскаго пѣхотнаго полка, коимъ и продолжалъ командовать до 13 декабря 1825 года.—Я никогда не бывалъ передъ симъ ни подъ судомъ, ниже въ какихъ-либо штрафахъ и даже въ продолженіи всей моей службы ни единаго разу не былъ арестованъ и выговора не получалъ; а неоднократно имѣлъ даже важныя порученія, за исполненіе коихъ такъ былъ счастливъ, что всегда отъ начальства одобреніе получалъ. (Показанія въ 8-ми пунктахъ. Пункты 1—6, 8).

2. Революціонныя идеи и „Русская Правда".

— Съ котораго времени и откуда заимствовали первыя вольнодумческія и либеральныя мысли, т. е. отъ внушеній другихъ или отъ чтенія книгъ, и какимъ образомъ мнѣнія сего рода въ умѣ вашемъ укоренялись?

— Я никакого лица не могу назвать, кому бы я могъ именно приписать внушеніе мнѣ первыхъ вольнодумныхъ и либеральныхъ мыслей и точнаго времени мнѣ опредѣлить нельзя, когда онѣ начали во мнѣ возникать: ибо сіе не вдругъ сдѣлалось, а мало по малу и съ начала самымъ для самого себя непримѣтнымъ образомъ. Но слѣдующимъ образомъ честь имѣю Комитету о томъ доложить съ самою чистосердечнѣйшею и полнѣйшею откровенностью. — Когда я получилъ довольно основательныя понятія о политическихъ наукахъ, тогда я пристрастился къ нимъ. Я имѣлъ пламенное рвеніе и добра **) желалъ отъ всей души. Я видѣлъ, что благоденствіе и злополучіе царствъ и народовъ зависитъ по большей части отъ правительствъ, и сія увѣренность придала мнѣ еще болѣе склонности къ тѣмъ наукамъ, которыя о сихъ предметахъ разсуждаютъ и путь къ онымъ показываютъ. Но я съ начала занимался какъ сими науками, такъ и вообще чтеніемъ политическихъ книгъ со всею кротостью и безъ всякаго вольнодумства, съ однимъ желаніемъ быть когда-нибудь въ свое время и въ своемъ мѣстѣ полезнымъ слугою Государю и Отечеству. Продолжая такимъ образомъ заниматься, началъ я потомъ уже разсуждать о томъ: соблюдены ли въ Устройствѣ Россійскаго Правленія правила политическихъ наукъ, не касаясь однакоже еще Верховной власти, но размышляя о министерствахъ, мѣстныхъ правительствахъ, частныхъ начальствахъ и тому подобныхъ предметахъ. Я при семъ находилъ тогда много несообразностей по моимъ понятіямъ съ правилами политическихъ наукъ и началъ разные предметы обдумывать: какими постановленіями они могли бы быть замѣнены, пополнены или усовершенствованы. Обратилъ также мысли и вниманіе на положеніе народа, причемъ рабство крестьянъ всегда сильно на меня дѣйствовало, а равно и большія

*) Извлеченіе изъ этихъ записокъ см. ниже подъ № IX.
**) Въ подлинникѣ „добро".

преимущества аристократіи, которую я считалъ, такъ сказать, стѣною, между монархомъ и народомъ стоящею и отъ монарха ради собственныхъ выгодъ скрывающею истинное положеніе народа. Къ сему стали въ мысляхъ моихъ въ протеченіи времени присоединяться разные другіе предметы и толки, какъ то: преимущества разныхъ присоединенныхъ областей, слышанное о военныхъ поселеніяхъ, упадокъ торговли, промышленности и общаго богатства, несправедливость и подкупливость судовъ и другихъ начальствъ, тягость военной службы для солдатъ и многія другія, тому подобныя статьи, долженствовавшія по моимъ понятіямъ составлять предметъ частныхъ неудовольствій, и чрезъ коихъ всѣхъ совокупленіе воедино представлялась моему уму и воображенію цѣлая картина народнаго неблагоденствія. Тогда началъ во мнѣ возникать внутренній ропотъ противу правительства.—Возвращеніе Бурбонскаго Дома на французскій престолъ и соображенія мои впослѣдствіи о семъ происшествіи могу я назвать эпохою въ моихъ политическихъ мнѣніяхъ, понятіяхъ и образѣ мыслей: ибо началъ разсуждать, что большая часть коренныхъ постановленій, введенныхъ революціею, были при реставраціи монархіи сохранены и за благія вещи признаны, между тѣмъ, какъ всѣ возставали противъ революціи, и я самъ всегда противъ нея возставалъ. Отъ сего сужденія породилась мысль, что революція, видно, не такъ дурна, какъ говорятъ, и что можетъ даже быть весьма полезна, въ каковой мысли я укрѣплялся тѣмъ другимъ еще сужденіемъ, что тѣ государства въ коихъ не было революціи, продолжали быть лишенными подобныхъ преимуществъ и учрежденій. Тогда начали сіи причины присовокупляться къ выше уже приведеннымъ и начали во мнѣ рождаться, почти совокупно, какъ конституціонныя, такъ и революціонныя мысли. Конституціонныя были совершенно монархическія, а революціонныя были очень слабы и темны. Мало по малу стали первыя опредѣлительнѣе и яснѣе, а вторыя сильнѣе. Чтеніе политическихъ книгъ подкрѣпляло и развивало во мнѣ всѣ сіи мнѣнія, мысли и понятія. Ужасныя происшествія, бывшія во Франціи во время революціи, заставляли меня искать средство къ избѣжанію подобныхъ, и сіе то произвело во мнѣ впослѣдствіи мысль о Временномъ Правленіи и о его необходимости, и всегдашніе мои толки о всевозможномъ предупрежденіи всякаго междоусобія.—Отъ монархическаго конституціоннаго образа мыслей былъ я переведенъ къ республиканской, главнѣйше слѣдующими предметами и соображеніями:—Сочиненіе Детю де-Траси на французскомъ языкѣ очень сильно подѣйствовало на меня. Онъ доказываетъ, что всякое правленіе, гдѣ главою государства есть одно лицо, особенно ежели сей санъ наслѣдственъ, неминуемо кончится деспотизмомъ.—Всѣ газеты и политическія сочиненія такъ сильно прославляли возрастаніе благоденствія въ Сѣверныхъ Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, приписывая сіе государственному ихъ устройству, что сіе мнѣ казалось яснымъ доказательствомъ въ превосходствѣ республиканскаго правленія.—Новиковъ говорилъ мнѣ о своей республиканской конституціи для Россіи, но я еще спорилъ тогда въ пользу монархической, а

потомъ сталъ его сужденія себѣ припоминать и съ ними соглашаться.—Я воспоминалъ блаженныя времена Греціи, когда она состояла изъ республикъ, и жалостное ея положеніе потомъ. Я сравнивалъ величественную славу Рима во дни республики съ плачевнымъ ея удѣломъ подъ правленіемъ императоровъ. Исторія Великаго Новгорода меня также утверждала въ республиканскомъ образѣ мыслей. Я находилъ, что во Франціи и Англіи конституціи суть однѣ только покрывала, никакъ не воспрещающія министерству въ Англіи и королю во Франціи дѣлать все, что они пожелаютъ; и въ семъ отношеніи я предпочиталъ самодержавіе таковой конституціи, ибо въ самодержавномъ правительствѣ, разсуждалъ я, неограниченность власти открыто всѣмъ видна, между тѣмъ какъ въ конституціонныхъ монархическихъ тоже существуетъ неограниченность, хотя и медлительнѣе дѣйствуетъ, но зато и не можетъ такъ скоро худое исправить. Что же касается до обѣихъ палатъ, то онѣ существуютъ для одного только покрывала.—Мнѣ казалось, что главное стремленіе нынѣшняго вѣка состоитъ въ борьбѣ между массами народными и аристократіями всякаго рода, какъ на богатствѣ, такъ и на правахъ наслѣдственныхъ основанными. Я судилъ, что сіи аристократіи сдѣлаются, наконецъ, сильнѣе самого монарха, какъ то въ Англіи, и что онѣ суть главная препона государственному благоденствію и притомъ могутъ быть устранены однимъ республиканскимъ образованіемъ государства.—Происшествія въ Неаполѣ, Гишпаніи и Португаліи имѣли тогда большое на меня вліяніе. Я въ нихъ находилъ по моимъ понятіямъ неоспоримыя доказательства въ непрочности монархическихъ конституцій и полныя достаточныя причины къ недовѣрчивости къ истинному согласію монарховъ на конституціи, ими принимаемыя. Сіи послѣднія соображенія укрѣпили меня весьма сильно въ республиканскомъ и революціонномъ образѣ мыслей.

Изъ сего изволитъ Комитетъ усмотрѣть, что я въ семъ образѣ мыслей укрѣпленъ былъ какъ чтеніемъ книгъ, такъ и толками о разныхъ событіяхъ; а также и раздѣленіемъ со мною сего образа мыслей многими сочленами общества. Все сіе произвело, что я сдѣлался въ душѣ республиканецъ, и ни въ чемъ не видѣлъ большаго благоденствія и высшаго блаженства для Россіи, какъ въ Республиканскомъ Правленіи. Когда съ прочими членами, раздѣляющими мой образъ мыслей, разсуждалъ я о семъ предметѣ, то представляя себѣ живую картину всего счастія, коимъ бы Россія, по нашимъ понятіямъ, тогда пользовалась, входили мы въ такое восхищеніе и, сказать можно, восторгъ, что я и прочіе готовы были не только согласиться, но и предложить все то, что содѣйствовать бы могло къ полному введенію и совершенному укрѣпленію и утвержденію сего порядка вещей: обращая при томъ же большое вниманіе на устраненіе и предупрежденіе всякаго безначалія, безпорядка и междоусобія, коихъ я всегда показывалъ себя самымъ ревностнѣйшимъ врагомъ.—Объявивъ такимъ образомъ въ самомъ откровенномъ и признательномъ изложеніи весь ходъ либеральныхъ и вольнодумныхъ моихъ мыслей, справедливымъ бу-

детъ прибавить къ сему, что въ теченіе всего 1825 года сталъ сей образъ мыслей во мнѣ уже ослабѣвать, и я предметы началъ видѣть нѣсколько иначе, но поздно уже было совершить благополучно обратный путь. Русская Правда не писалась уже такъ ловко, какъ прежде. Отъ меня часто требовали ею поспѣшить и я за нее принимался, но работа уже не шла, и я ничего не написалъ въ теченіе цѣлаго года, а только прежде написанное коегдѣ переправлялъ. Я начиналъ сильно опасаться междуусобій и внутреннихъ раздоровъ и сей предметъ сильно меня къ цѣли нашей охладѣвалъ. Въ разговорахъ иногда, однакоже, воспламенялся я еще, но не надолго, и все ужъ не то было, что прежде. Наконецъ, опасеніе, что общество наше открыто правительствомъ, привело меня опять нѣсколько въ движеніе, но и тутъ ничего положительнаго не дѣлалъ и даже по полку оставался на сей счетъ въ совершенномъ бездѣйствіи до самаго времени моего арестованія. (Показанія въ 8-ми пунктахъ. Пунктъ 7-й).

— Какимъ образомъ революціонныя мысли и правила постепенно возрастали и укоренялись въ умахъ? и кто, гдѣ началъ и продолжалъ внушать и распространять оныя въ Государствѣ?

— На сей вопросъ весьма трудно отвѣчать, ибо отвѣтъ мой долженъ будетъ уже выходить собственно изъ круга сужденій о Тайномъ Обществѣ; не менѣе того, во исполненіе приказанія Комитета, постараюсь объяснить, какъ могу.

Политическія книги у всѣхъ въ рукахъ; политическія науки вездѣ преподаются, политическія извѣстія повсюду распространяются. Сіе научаетъ всѣхъ судить о дѣйствіяхъ и поступкахъ правительства: хвалить одно, хулить другое.—Происшествія 1812, 13, 14 и 15 годовъ, равно какъ предшествовавшихъ и послѣдовавшихъ временъ, показали столько престоловъ низверженныхъ, столько другихъ постановленныхъ, столько царствъ уничтоженныхъ, столько новыхъ учрежденныхъ, столько царей изгнанныхъ, столько возвратившихся или призванныхъ, и столько опять изгнанныхъ, столько революцій совершенныхъ, столько переворотовъ произведенныхъ, что всѣ сіи происшествія ознакомили умы съ революціями, съ возможностями и удобностями оныя производить. Къ тому же имѣетъ каждый вѣкъ свою отличительную черту. Нынѣшній ознаменовывается революціонными мыслями. Отъ одного конца Европы до другого видно вездѣ одно и то же, отъ Португаліи до Россіи, не исключая ни единаго государства, даже Англіи и Турціи, сихъ двухъ противоположностей. То же самое зрѣлище представляетъ и вся Америка. Духъ преобразованія заставляетъ, такъ сказать, вездѣ умы клокотать (fait bouillir les esprits). Вотъ причины, полагаю я, которыя породили революціонныя мысли и правила и укоренили оныя въ умахъ. Что же касается до распространенія духа преобразованія по государ.тву, то нельзя приписать сіе нашему обществу, ибо оно слишкомъ еще было малочисленно, дабы какое-нибудь имѣть на сей счетъ общее вліяніе, но приписать должно, полагаю я, ежели мысли сіи точно распространились, общимъ причинамъ, вышеизложеннымъ и дѣйствовавшимъ на прочіе умы точно такъ же, какъ и на умы членовъ общества.

Можетъ быть, что къ тому содѣйствовалъ также и духъ неудовольствія совершенно независимо отъ Тайнаго Общества. (Показанія 13 января 1826 года, пунктъ 6).

— Въ чемъ именно заключались главныя черты конституцій, написанныхъ: а) Вами и Сергѣемъ Муравьевымъ, b) Новиковымъ и с) Никитою Муравьевымъ, поелику всѣ оныя, по словамъ вашимъ, не были одобрены обществомъ, и гдѣ теперь находятся, какъ означенная конституція ваша, которую многіе изъ членовъ у насъ видѣли, такъ и законы или правила, у васъ же хранившіяся? (что комитету совершенно извѣстно) равно и статутъ, написанный вами въ 1816 или 1817 годахъ для союза спасенія?

— Статутъ первоначальнаго общества нашего въ 1816 или 1817 годахъ былъ не мною однимъ составленъ, но комиссіею, обществомъ назначенною изъ трехъ членовъ и секретаря. Члены были: князь Сергѣй Трубецкой, князь Илья Долгоруковъ и я, а секретарь — князь Шаховской. Вмѣстѣ съ учрежденіемъ Союза Благоденствія и составленіемъ Зеленой Книги былъ первый статутъ уничтоженъ и я не сохранилъ экземпляра онаго.

Законы или правила Союза Благоденствія послѣ преобразованія онаго въ 1821 году не были написаны, а оставались только словесными. Тогда было положено ничего не имѣть въ обществѣ писаннаго и твердо было внушено отнюдь ничего не писать. Сіе было исполнено въ отношеніи къ правиламъ объ образованіи союза; а посему и не сохранилъ я ничего о семъ писаннаго.

Изъ бумагъ моихъ о предметахъ политики я большую часть самъ сжегъ. Оставалось малое число оныхъ, между коими и начатое мною предположеніе о государственномъ образованіи. Сіи послѣднія бумаги отдалъ я въ концѣ ноября Крюкову 2-му, запечатанныя съ тѣмъ, чтобы спрятать оныя гдѣ-нибудь въ Тульчинѣ, а въ случаѣ опасности оныя предать огню. Что же онъ съ оными сдѣлалъ, я не знаю, но полагаю, что ихъ истребилъ.

Отличительная черта конституціи Новикова заключалась въ томъ, что она была республиканская, и Верховная власть въ оной находилась въ особомъ сословіи, коего предсѣдатель имѣлъ два голоса, а прочіе члены только по одному. Прочіе предметы опредѣлялись, какъ и во всѣхъ почти республиканскихъ конституціяхъ. Много было сходства съ Американскою.

Конституція Никиты Муравьева не была еще докончена, но четыре замѣчательнѣйшія черты оной были слѣдующія: 1) у него предполагался федеративный образъ правленія, какъ въ соединенныхъ областяхъ Сѣверной Америки. Это походило на древнюю удѣльную систему. На сей конецъ раздѣлялась у него Россія на 13 или 14 большихъ округовъ, которые назывались державами. Въ главномъ городѣ каждой державы были учреждены главныя мѣстныя правительства надъ державою. Сіи правительства такую большую власть имѣли, что даже законы могли дѣлать для своей державы. Верховной Власти по сему почти ничего не оставалось. 2) Второе основаніе состояло въ томъ, что права на занятіе должностей по государственной службѣ и на участіе въ дѣлахъ общихъ и государственныхъ посредствомъ представительнаго порядка осно-

ваны были оба на богатствѣ, такъ что для исполненія должностей даже въ уѣздныхъ правительствахъ нужно было богатство и для высшихъ должностей болѣе и болѣе. 3) Всѣ различныя сословія сливались въ одно общее сословіе гражданское. 4) Министерствъ было у него только четыре: иностранныхъ дѣлъ, военныхъ, морскихъ силъ и финансовъ. Прочія отрасли правленія не доходили до Верховной Власти и Верховнаго Правительства, но имѣли свои окончательныя инстанціи въ державахъ.

Онъ доставилъ ко мнѣ часть сей конституціи, извѣщая, что пишетъ оную въ монархическомъ смыслѣ, не потому чтобы онъ монархическаго правленія держался болѣе, чѣмъ республиканскаго, ибо онъ былъ въ 1820 году одинъ изъ тѣхъ членовъ, которые наиболѣе въ пользу сего послѣдняго говорили, но для того, чтобы сблизиться съ понятіями вновь вступающихъ въ общество членовъ. Сія конституція Никиты Муравьева многимъ членамъ общества весьма не нравилась по причинѣ федеративной его системы и ужасной аристократіи богатствъ, которая оною созидалась въ обширнѣйшемъ видѣ.

Мое предположеніе о государственномъ образованіи состояло большею частью въ однѣхъ еще только отрывкахъ. Цѣлаго я еще не сводилъ. Намѣревался же я мое сочиненіе представить по окончаніи онаго на судъ общества. Оно долженствовало состоять изъ десяти главъ:

Первая глава разсуждала о границахъ государства и о раздѣленіи земельнаго пространства онаго на области, областей на округи или губерніи, округовъ на уѣзды, уѣзды на волости и опредѣляла значеніе и составъ волостей.

Вторая глава разсуждала о жителяхъ Россіи, раздѣляя оные на коренной народъ русскій и на племена подвластныя и присоединенныя, и указывая на средства, коими можно слить всѣ сіи различные оттѣнки въ одинъ общій составъ такимъ образомъ, чтобы всѣ жители Россіи чрезъ нѣкоторое время составляли истинно только одинъ народъ.

Третья глава разсуждала о всѣхъ различныхъ сословіяхъ, въ государствѣ обрѣтающихся, указывая на права, преимущества и недостатки каждаго изъ оныхъ и представляя мѣры и дѣйствія, которыя бы надлежало въ каждомъ изъ оныхъ предпринять, дабы слить всѣ сословія въ одно общее сословіе гражданское.

Глава четвертая разсуждала о политическомъ или общественномъ состояніи народа, о правахъ гражданства, о равенствѣ всѣхъ передъ закономъ, и объ образѣ, коимъ устраивался представительный порядокъ въ избирательныхъ собраніяхъ.

Глава пятая разсуждала о гражданскомъ или частномъ состояніи народа, т. е. о главнѣйшихъ правилахъ и постановленіяхъ такъ называемаго гражданскаго частнаго права въ отношеніи лицъ, имуществъ и взаимныхъ между гражданъ сношеній.

Глава шестая долженствовала разсуждать о Верховной Власти и быть написана вдвойнѣ: одна въ монархическомъ, а другая въ республиканскомъ смыслѣ; любую можно было бы избрать и въ общее сочиненіе включить.

Глава седьмая долженствовала разсуждать объ образованіи правительственныхъ мѣстъ и начальствъ въ волостяхъ, уѣздахъ, округахъ и областяхъ, а равно и представить общее учрежденіе министерствъ, доказывая, что оныхъ должно быть десять, не болѣе и не менѣе.

Глава осьмая долженствовала разсуждать о частяхъ правленія, устраивающихъ государственную безопасность, какъ внѣшнюю, такъ и внутреннюю; т. е. объ юстиціи, полиціи, внѣшнихъ сношеніяхъ, военныхъ силахъ и морскихъ силахъ; говоря при томъ особенно о каждой изъ главныхъ отраслей каждой изъ сихъ частей правленія.

Глава девятая долженствовала разсуждать о частяхъ правленія, завѣдывающихъ общественнымъ благосостояніемъ, т. е. о финансахъ, народномъ хозяйствѣ или внутреннихъ дѣлахъ, просвѣщеніи и учебной системѣ, духовныхъ дѣлахъ и общемъ дѣлосводѣ, говоря подобнымъ же образомъ особенно о каждой изъ главныхъ отраслей каждой изъ сихъ частей правленія.

Глава десятая, наконецъ, долженствовала содержать родъ наказа для составленія общаго государственнаго свода законовъ или уложенія и представить главнѣйшія правила или, такъ сказать, оглавленіе (sommaire) сего полнаго и общаго государственнаго уложенія.

Первая, вторая и большая часть третьей главы были кончены; четвертая и пятая были начерно написаны; а послѣднія пять состояли въ разныхъ отрывкахъ. Статью о финансахъ и народномъ хозяйствѣ долженствовалъ написать Сергѣй Муравьевъ (показанія 13 января, п. 29).

— Съ общаго ли согласія южныхъ и сѣверныхъ членовъ, когда и гдѣ былъ написанъ и выпущенъ Катехизисъ Тайнаго Общества, ложно и преступно доказывающій, что существованіе царей въ государствахъ противно Богу и естественному закону. Кто составлялъ сей Катехизисъ и имѣете ли вы списокъ съ онаго?

— Политическій катехизисъ былъ составляемъ Никитою Муравьевымъ по собственному его преднамѣренію и, сколько мнѣ извѣстно, безъ предварительнаго сношенія о томъ съ другими членами. Сей катехизисъ, когда я его видѣлъ, не былъ еще конченъ. Проѣзжая Тульчинъ съ Лунинымъ въ 1820-мъ году, Муравьевъ читалъ намъ отрывки онаго. Списка съ онаго не имѣлъ и не имѣю (тоже, п. 30).

— Полковникъ Давыдовъ показываетъ, что составленная вами Русская Правда нѣкоторое время находилась въ деревнѣ у отца вашего. Поясните: зналъ ли отецъ вашъ о семъ политическомъ сочиненіи вашемъ или нѣтъ?

— Я нѣкоторыя статьи и краткія начертанія написалъ во время моего пребыванія въ Петербургѣ въ 1824 году и, когда поѣхалъ обратно къ полку, взялъ эти бумаги съ собою. На семъ возвратномъ пути заѣзжалъ я къ отцу, въ деревню, и онъ не только не зналъ ничего о моей Русской Правдѣ, но даже напротивъ того скрывалъ я эти бумаги отъ него, какъ можно секретнѣйшимъ образомъ. Отправляясь далѣе въ путь, взялъ я ихъ съ собою, и

безъ меня не оставались онѣ тамъ ни единой минуты (показанія 6 апрѣля, п. 42).

3. Общество Сыновъ Отечества (Союзъ Спасенія) и Союзъ Благоденствія.

— Кто именно были первоначальные основатели и члены тайныхъ обществъ въ Россіи?

— Первыя лицы, которыя говорили со мною объ учрежденіи тайнаго общества въ Россіи, были: Новиковъ, Никита Муравьевъ, князь Сергѣй Трубецкой и Федоръ Глинка. Сіе было осенью 1816-го года. Въ генварѣ 1817 года составилось въ Петербургѣ Общество Истинныхъ и Вѣрныхъ сыновъ отечества. Предсѣдателемъ избранъ былъ князь Сергѣй Трубецкой, надзирателями или блюстителями: князь Лопухинъ и Александръ Муравьевъ; секретаремъ Никита Муравьевъ. Прочіе тогдашніе члены были, сколько припомнить могу: Сергѣй Муравьевъ, Матвѣй Муравьевъ, князь Илья Долгоруковъ, князь Шаховской, Федоръ Глинка, Иванъ Шиповъ, Новиковъ, Лунинъ и я, а черезъ нѣсколько времени Бурцовъ и Михайло Муравьевъ.

Въ скорости послѣ того уѣхалъ я къ своему мѣсту въ первый корпусъ. Послѣ отъѣзда моего узнало наше общество, что подобное составилось въ Москвѣ, въ коемъ были Фонвизинъ, Калошинъ и Якушкинъ. Сей послѣдній пріѣзжалъ въ Петербургъ для соединенія обоихъ обществъ въ одно и имѣлъ о томъ пренія съ княземъ Лопухинымъ, какъ мнѣ потомъ пересказывали. Какимъ образомъ сіе соединеніе совершилось, я уже не знаю, но когда въ концѣ 1817 года пріѣзжалъ я въ Петербургъ, то уже было оное сдѣлано, и большая часть членовъ нашихъ находилась въ Москвѣ съ гвардіею. Тамъ переобразовали общество Сыновъ Отечества въ военное общество и раздѣлили членовъ на два отдѣленія. Въ одномъ былъ первенствующимъ членовъ Никита Муравьевъ, а въ другомъ Катенинъ. Сіе недолго продолжалось и учредили въ Москвѣ же Союзъ Благоденствія съ Зеленою Книгою, которую и къ намъ въ Петербургъ прислали. Мы ее приняли, и съ того времени началъ дѣйствовать Союзъ Благоденствія, а прежнее устройство съ его статутомъ было уничтожено. (Показанія 13 января 1826 г., п. 1.)

— Первоначальное общество, составившееся въ Петербургѣ въ 1816 году, вы называете обществомъ Истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества, а капитанъ Муравьевъ—Союзомъ Спасенія, иные же, принадлежавшіе къ сему обществу, не даютъ оному никакого наименованія. Поясните: какъ общество сіе дѣйствительно называлось большею частію членовъ?

— Я называлъ первоначальное общество, составившееся въ 1816 году: Обществомъ истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества, потому что Уставъ оного общества, принятой въ началѣ 1817 года, сіе имѣлъ заглавіе; о наименованіи же общества Союзомъ Спасенія никогда я не слыхалъ. (Показанія 6 апрѣля 1826 г., п. 1).

— Въ разсужденіи цѣли начальнаго общества члены говорятъ различно: одни, что оная была введеніе Монархическаго Конституціоннаго Правленія, другіе освобожденіе крестьянъ отъ крѣпости, нѣкоторые же просто введеніе новаго порядка вещей. Поясните: въ чемъ именно заключалась настоящая цѣль перваго общества?

— Настоящая цѣль перваго общества была введеніе Монархическаго Конституціоннаго Правленія; а одно освобожденіе крестьянъ отъ крѣпости было цѣлью при самомъ первомъ началѣ и весьма короткое время, но вмѣстѣ съ принятіемъ устава объ устройствѣ общества принята и цѣль Конституціи, о которой говорилось однакоже членамъ не прежде, какъ во второй степени, а въ первой при начальномъ принятіи говорилось только глухо о введеніи новаго порядка. (Тоже, п. 2.)

— Нѣкоторые члены показываютъ, что статутъ начальнаго общества отринутъ или ничтоженъ по множеству формъ и клятвъ, въ ономъ предполагавшихся, и потому, что проповѣдывалъ насиліе и слѣпое повиновеніе боярамъ. Поясните, въ какомъ точно духѣ былъ написанъ означенный статутъ и почему дѣйствительно былъ уничтоженъ?

— Статутъ перваго общества имѣлъ много клятвъ и формъ, потому что составленъ былъ въ духѣ масонскихъ учрежденій, формъ и клятвъ. Въ скорости, по принятіи обществомъ сего статута, разъѣхались члены, составлявшіе оный, то-есть князь Трубецкой, князь Долгоруковъ и я; а по сему и находили остальные члены разныя въ немъ недоумѣнія. Вслѣдствіе чего и уничтожили оный въ Москвѣ, когда были тамъ въ 1817 году зимою. (Тоже, п. 3.)

— Комитету извѣстно, что Зеленая Книга, служившая уставомъ Союза Благоденствія, состояла изъ двухъ частей и что члены коренного союза обязаны были каждый составить одну управу; управы были: дѣловыя, побочныя и главныя. Дѣловыя управы должны были состоять не менѣе, какъ изъ 10 членовъ, и получали первую часть законоположенія; побочныя управы назывались тѣ, которыя получали образованіе свое отъ другой управы; тѣ и другія, по основаніи 3-хъ побочныхъ управъ, получали названіе главныхъ управъ, и съ онымъ списокъ окончательнаго образованія союза, т. е. второй части законоположенія.

— Противу сего требуется подробное и опредѣлительное ваше показаніе: какія, гдѣ и кѣмъ именно основаны были управы со времени образованія Союза Благоденствія до разрушенія онаго, какъ далеко простирался кругъ дѣйствій каждой, какія вольныя общества ими завѣдывались, когда и кѣмъ составлена вторая часть Зеленой Книги, въ чемъ состояли главныя ея черты, у кого подлинный экземпляръ оной хранился и кому именно списки съ оной были сообщены?

— Раздѣленіе управъ на дѣловыя, побочныя и главныя опредѣлялось Зеленою Книгою, но въ дѣйствіе никогда приведено не было. Всѣ управы были одинаковаго значенія, исключая коренной управы, находившейся въ Петербургѣ и состоявшей всегда изъ налич-

выхъ членовъ коренного союза. Число управъ, въ Петербургѣ бывшихъ, совершенно мнѣ неизвѣстно, ибо я ни разу ни съ одною изъ нихъ никакого не имѣлъ сношенія и зналъ только одну коренную, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ коей состояли всѣ петербургскія управы. Московская управа основалась прежде еще петербургскихъ, ибо и Зеленая Книга была въ Москвѣ составлена. О дѣйствіяхъ же ея не имѣлъ я никогда никакихъ свѣдѣній и вообще ни въ малѣйшихъ не состоялъ сношеніяхъ ни съ кѣмъ изъ московскихъ членовъ.

Въ Тульчинѣ была управа учреждена мною и полковникомъ Бурцовымъ, о дѣйствіяхъ коей имѣлъ честь комитету подробно объяснить въ прежнихъ отвѣтахъ моихъ (см. ниже). Кромѣ же Петербурга, Москвы и Тульчина не было нигдѣ никакихъ управъ, по крайней мѣрѣ никогда ни отъ кого о томъ ни единаго слова не слыхалъ. Въ первомъ корпусѣ не было управы, но члены были въ союзъ приняты мною, какъ уже имѣлъ честь показывать. Новиковъ имѣлъ порученіе основать управу въ Малороссіи, но въ семъ не успѣлъ.—Зеленою Книгою было опредѣлено основать Вольныя Общества, но ни одно таковое нигдѣ не было основано.—Вторая часть Зеленой Книги не была составлена. Я, по крайней мѣрѣ, оной не видалъ и ни отъ кого про ея составленіе даже и не слыхалъ, а тѣмъ еще менѣе была она раздаваема. Въ первой части была сія вторая часть обѣщана, но осталась безъ исполненія. (Отдѣльный вопросный пунктъ 29 марта 1826 года. Дѣло № 5, стр. 163.)

— Для свѣдѣнія комитета объясните, кто именно былъ членомъ коренного союза общества или совѣта, а если вспомните, то покажите, кто и когда поступалъ въ оное?

— Первоначально были членами коренного союза или совѣта Союза Благоденствія: генералъ-маіоръ Фонвизинъ, полковники: Александръ Муравьевъ, князь Трубецкой, князь Илья Долгоруковъ, Шиповъ, Глинка и Бурцовъ, подполковники: Михайло Муравьевъ, Сергѣй и Матвѣй Муравьевы-Апостолы, ротмистръ Лунинъ, капитанъ Никита Муравьевъ, поручикъ Якушкинъ и я. А потомъ пріобщены къ оному: генералъ-маіоръ Орловъ, полковники Граббе и Брыгинъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Тургеневъ, графъ Толстой, Семеновъ и Калошинъ. Я не утверждаю, чтобы я здѣсь всѣхъ наименовалъ и даже вѣроятно, что нѣкоторыхъ пропустилъ, о коихъ не могъ вспомнить, а о другихъ, можетъ быть, и не зналъ, потому что во время существованія Союза Благоденствія, до его уничтоженія въ 1820 году, главное дѣйствіе общества происходило въ Петербургѣ, гдѣ я очень рѣдко бывалъ, и въ Москвѣ, гдѣ я вовсе не бывалъ. Генералъ-маіоръ Орловъ поступилъ въ коренной совѣтъ во время съѣзда въ 1820 году въ Москвѣ, когда же поступили въ оный Тургеневъ, Граббе, Брыгинъ, графъ Толстой, Семеновъ и Калошинъ мнѣ по истинѣ совершенно неизвѣстно, ибо я вообще очень малыя свѣдѣнія имѣлъ о пріобрѣтеніи членовъ въ общество по Петербургу и Москвѣ. Изъ всѣхъ же тульчинскихъ членовъ никто не былъ пріобщенъ къ коренному совѣту Союза Благоденствія до самаго

его уничтоженія въ 1820 году. Я здѣсь именую тульчинскими членами всѣхъ, принадлежавшихъ къ южному округу какъ до уничтоженія Союза Благоденствія, такъ и по возобновленіи онаго въ немъ оставшихся, сверхъ вышеназванныхъ.—Также неизвѣстно мнѣ время пріобщенія къ обществу князя Оболенскаго, Рылѣева, полковника Митькова (коего никогда и не видалъ), полковника Нарышкина, Семенова (егерскаго гвардейскаго полка) и князей Голицыныхъ (въ гв. Преображенскомъ полку служившихъ). О всѣхъ же членахъ, мною когда-либо принятыхъ или къ южному округу принадлежавшихъ, имѣлъ я честь комитету подробно донести въ прежнихъ моихъ показаніяхъ. (Отдѣльный вопросный пунктъ 11 мая 1826 года. Дѣло № 5).

— Знали ли вы о намѣреніи тайнаго общества покуситься на жизнь блаженной памяти Государя Императора въ бытность Его Величества въ Москвѣ въ 1817 году и о избранномъ къ совершенію сего злодѣйства Якушкинѣ?

— Въ 1817-мъ году въ бытность мою въ Петербургѣ получилъ князь Сергѣй Трубецкой изъ Москвы письмо отъ одного изъ членовъ, въ которомъ извѣщались члены въ Петербургѣ бывшіе, что члены, въ Москвѣ находящіеся, рѣшились дѣйствіе начать и потому требуютъ нашего согласія и нашего прибытія въ Москву. Князь Трубецкой въ тотъ же день испросилъ себѣ отпускъ въ Москву съ тѣмъ, чтобы туда отправиться и тамошнимъ членамъ сказать, что мы не соглашаемся на ихъ предложеніе, и ихъ удержать отъ исполненія онаго. Но между тѣмъ они сами уже сіе намѣреніе бросили. Оное возникло между ними по случаю извѣстій, ими полученныхъ, о тѣхъ ужасахъ, которые якобы происходили въ Новгородской губерніи при введеніи военныхъ поселеній. Жребій назначилъ Якушкина. Скорое оставленіе сего намѣренія доказываетъ, что оно произведено было минутнымъ остервененіемъ о слыханныхъ якобы ужасахъ, и подтверждаетъ мое замѣчаніе, въ 3 пунктѣ сдѣланное, что отъ намѣренія до исполненія весьма далеко. Слово и дѣло не одно и то же (показанія 13 января, п. 25).

— На счетъ заговора въ Москвѣ въ 1817 году противъ блаженной памяти Государя Императора, вы говорите, что поводомъ къ оному были извѣстія, полученныя тамъ о происходившемъ въ Новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ, но князь Трубецкой, письмо коего служило предлогомъ къ помянутому заговору, и другіе показываютъ, что московскимъ членамъ сообщено было ложное извѣстіе объ отдѣленіи Польскихъ губерній отъ Россіи и о свободѣ крестьянъ отъ крѣпости. Поясните: что дѣйствительно было поводомъ къ сему заговору?

— Объ отдѣленіи Польскихъ губерній отъ Россіи не слыхалъ я никогда ни отъ кого.—Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпости входило въ цѣль общества и слѣдовательно не могло, полагаю я, возбудить оное къ заговору. Мнѣ же говорили члены, бывшіе въ то время въ Москвѣ, и между прочимъ Никита Муравьевъ, что приступили къ составленію сказаннаго заговора по извѣстіямъ, полученнымъ о происходившемъ въ Новгородскихъ поселеніяхъ. Не бывъ самъ въ Москвѣ, говорю то, что слышалъ (показанія 6 апрѣля, п. 4).

— Въ чемъ именно заключались всѣ различныя и въ разныя времена предположенныя цѣли, или намѣренія, и мѣры къ исполненію ихъ со стороны Сѣвернаго и Южнаго Обществъ, и когда, въ какихъ мѣстахъ полагалось начать открытыя дѣйствія?

— Съ самаго начала говорено было о желаніи даровать свободу крѣпостнымъ крестьянамъ и для того пригласить большую часть дворянства къ поданію о томъ просьбы Государю Императору. О семъ было неоднократно и въ послѣдствіи повторяемо, но первоначальная мысль о семъ была кратковременна: ибо скоро получили мы убѣжденіе, что нельзя будетъ къ тому дворянство склонить. Въ послѣдствіи времени были мы еще болѣе въ томъ убѣждены, когда малороссійское дворянство совершенно отвергнуло похожее на то предложеніе своего военнаго губернатора. Вмѣстѣ съ учрежденіемъ Общества Сыновъ Отечества появились мысли конституціонныя, но весьма неопредѣлительныя, однакоже болѣе склонныя къ монархическому правленію. Сужденія и разговоры о семъ продолжались весь 1817, 1818 и 1819 годы.

Первую мысль о республиканскомъ правленіи подалъ проектъ конституціи Новикова. Наконецъ, въ началѣ 1820 года было назначено здѣсь, въ Петербургѣ, собраніе коренной думы Союза Благоденствія. Такъ называлось собраніе всѣхъ наличныхъ въ Петербургѣ коренныхъ членовъ Союза. Сія коренная дума, по правиламъ Зеленой Книги, имѣла законодательную власть Союза. Коренными членами назывались тѣ члены, которые присутствовали при учрежденіи Союза Благоденствія и первоначально въ оный вступили. Предсѣдателемъ союза былъ тогда графъ Толстой, а блюстителемъ князь Долгоруковъ. Присутствовали въ то время въ коренной думѣ, сверхъ предсѣдателя и блюстителя, еще Тургеневъ, Лунинъ, Глинка, Иванъ Шиповъ, Сергѣй, Матвѣй и Никита Муравьевы и я, да еще нѣкоторые другіе, о коихъ не упомню.

Князь Долгоруковъ, по открытіи засѣданія, которое происходило на квартирѣ у полковника Глинки, предложилъ думѣ просить меня изложить всѣ выгоды и всѣ невыгоды, какъ монархическаго, такъ и республиканскаго правленія, съ тѣмъ, чтобы потомъ каждый членъ объявлялъ свои сужденія и свои мнѣнія. Сіе такъ и было сдѣлано. Наконецъ, послѣ долгихъ разговоровъ было преніе заключено и объявлено, что голоса собираться будутъ такимъ образомъ, чтобы каждый членъ говорилъ, чего онъ желаетъ: монарха или президента; а подробности будутъ современемъ опредѣлены. Каждый при семъ объявлялъ причины своего выбора, а когда дѣло дошло до Тургенева, тогда онъ сказалъ по-французски: Le président sans phrases; то есть: Президентъ безъ дальнихъ толковъ. Въ заключеніе приняли всѣ единогласно республиканское правленіе. Во время преній, одинъ Глинка говорилъ въ пользу монархическаго правленія, предлагая императрицу Елисавету Алексѣевну. Сіе заключеніе коренной думы было сообщено всѣмъ частнымъ думамъ, а въ томъ числѣ и Тульчинской. Съ сего времени республиканскія мысли начали брать верхъ надъ монархическими.

Такимъ образомъ, и послѣ объявленія въ началѣ 1821 года въ Москвѣ объ уничтоженіи Союза Благоденствія продолжало рес-

публиканское правленіе быть цѣлью тѣхъ частей Союза Благоденствія, которыя сказанное уничтоженіе не признали. Но такъ какъ вообще въ Союзѣ съ самаго его начала до самаго конца ни одно правило не было постояннымъ образомъ въ дѣйствіи и ни одна мысль не была постояннымъ образомъ въ памяти членовъ, весьма часто то, что сегодня было рѣшено, завтра опять поступало на сужденіе и споръ, то и нельзя никакъ удостовѣрительно сказать, какой образъ правленія Союзъ въ самомъ дѣлѣ наконецъ бы избралъ. Сіе болѣе бы всего зависѣло отъ обстоятельствъ; и вотъ причина, почему имѣлъ я намѣреніе написать главу о Верховной Власти вдвойнѣ: одну монархическую, а другую республиканскую, и почему я въ одномъ изъ прежнихъ моихъ показаній говорилъ, что сей предметъ въ Союзѣ еще не созрѣлъ и что показанія по оному членовъ должны быть весьма разногласны, особенно, что касается объяснительныхъ статей и подробностей.

При семъ умѣстнымъ будетъ сказать, что при сужденіяхъ и разговорахъ о конституціяхъ и предполагаемомъ общемъ порядкѣ вещей весьма часто говорено было, что ежели самъ государь подаритъ отечество твердыми законами и постояннымъ порядкомъ дѣлъ, то мы будемъ его вѣрнѣйшими приверженцами и оберегателями; ибо намъ дѣло только до того, чтобы Россія пользовалась благоденствіемъ, откуда бы оное не произошло, и въ такомъ случаѣ готовы совершенно забыть о республиканскихъ мысляхъ.— (Показанія 13 января, п. 3) *)

— Въ дополненіе сказаннаго вами о совѣщаніи, происходившемъ въ 1820 году въ квартирѣ полковника Глинки, объясните: были ли при семъ совѣщаніи полковникъ фонъ-деръ Бригенъ, Павелъ Колошинъ, Нарышкинъ и Семеновъ (и какой именно?) а также, какого они были мнѣнія и какого рода подавали утвердительные или отрицательные голоса свои?

— Бригенъ и Колошинъ, сколько припомнить могу, находились при сказанномъ совѣщаніи. Нарышкина при ономъ не было, а касательно Семенова никакъ утвердительно сказать не могу, но кажется, что и онъ былъ при томъ. Сей Семеновъ есть статской чиновникъ, а иначе его описать не знаю. Всѣ присутствовавшіе при сказанномъ совѣщаніи подали голосъ въ пользу республиканскаго правленія, какъ то уже имѣлъ я честь комитету объяснить. Глинка говорилъ въ пользу монархическаго, но голосъ наконецъ далъ также въ пользу республиканскаго. (Отдѣльный вопросный пунктъ 8 февраля 1826 года. Дѣло № 5).

Очныя ставки по разсказу Пестеля о засѣданіи 1820 года въ квартирѣ полковника Глинки.

Очная ставка съ полковникомъ Глинкою.

1826-го года 10-го апрѣля въ присутствіи Высочайше утвержденнаго комитета по отрицанію полковника Глинки дана ему очная ставка съ полковникомъ Пестелемъ, который показалъ, что

*) Вторая половина этого пункта 3-го, содержащая отвѣтъ на вопросъ о „началѣ открытыхъ дѣйствій“, помѣщена ниже въ § 6-мъ.

въ началѣ 1820 года въ квартирѣ перваго было совѣщаніе членовъ коренной думы, гдѣ послѣ долгаго разсужденія о выгодахъ и невыгодахъ монархическаго и республиканскаго правленій, положено было, чтобы каждый изъ членовъ объявилъ, что онъ желаетъ: монарха или президента. Вслѣдствіе сего каждый изъ нихъ объяснилъ причины своего выбора, а когда дѣло дошло до Тургенева, то онъ сказалъ: «Le président sans phrases!»—Въ заключеніе всѣ единогласно приняли республиканское правленіе, не исключая и Глинки, который во время преній одинъ говорилъ въ пользу монархическаго правленія и предлагалъ Императрицу Елисавету Алексѣевну. Когда заключеніе сіе было сдѣлано коренною думою, яко законодательною властью союза, то положено было и сообщить объ оном̀ъ всѣмъ частнымъ думамъ. Онъ, Пестель, исполнилъ сіе по Тульчинской думѣ и полагаетъ, что оное также сдѣлано и по прочимъ думамъ. Съ того времени и по возобновленіи южнаго общества постоянною цѣлью онаго было республиканское правленіе и революціонные способы дѣйствій.—Напротивъ сего Глинка утвердительно отвѣчалъ, что показаннаго Пестелемъ совѣщанія вовсе не было и что вообще, сколько онъ помнитъ, ни опредѣлительныхъ собраній, ни правильныхъ засѣданій нигдѣ не было; но что, когда онъ и нѣкоторые изъ членовъ слушали курсы наукъ (означенныхъ въ отвѣтахъ его) съ намѣреніемъ приготовить себя къ службѣ на пользу отечества, то, по удобности квартиры его, дѣйствительно заѣзжали къ нему не болѣе трехъ разъ когда трое, когда четверо изъ членовъ, такъ называемаго, отдѣленія политическихъ наукъ, единственно съ тою цѣлью, чтобы лучше вразумиться въ сихъ наукахъ, заводили между собою разговоры и даже споры, гдѣ между прочими предметами были иногда простые разговоры о разныхъ системахъ и о формахъ правленія, но все сіе въ общемъ полемическомъ, или ученомъ смыслѣ. Подобные разговоры часто заводимы были между членами вездѣ, гдѣ они ни встрѣчались; равнымъ образомъ Государыню Императрицу въ такомъ смыслѣ, въ какомъ показалъ Пестель, онъ, Глинка никогда не предлагалъ, но говорилъ и печаталъ о добродѣтельныхъ дѣяніяхъ какъ Ея Величества, такъ покойнаго Государя Императора и Государыни Маріи Ѳеодоровны.

На сей очной ставкѣ утвердили: полковникъ Пестель утвердилъ показаніе свое съ проведеніемъ разныхъ доводовъ для подкрѣпленія своего показанія. Полковникъ Глинка, отрицая улику полковника Пестеля, остался при прежнемъ своемъ показаніи (10 апрѣля 1826 г. Дѣло № 82).

Очная ставка съ тит. сов. Семеновымъ.

Семеновъ*) показалъ, что въ 1819 или 1820 году въ коренном̀ъ совѣтѣ было разсуждаемо о выгодахъ и невыгодахъ разныхъ образовъ правленій. Пестель доказывалъ превосходство передъ прочими правленія Соединенныхъ Штатовъ Америки. Всѣ были согласны съ Пестелемъ, что правленіе Соединенныхъ Штатовъ луч-

*) Выпускаю изъ протокола очной ставки показаніе Пестеля, которое изложено такъ же, какъ въ очной ставкѣ съ Глинкою.

ше всѣхъ доселѣ извѣстныхъ правленій. Но когда начали разсуждать о томъ, можетъ ли сей образъ правленія введенъ быть въ Россіи, тогда мнѣніе большей части членовъ было отрицательное, и Глинка сильно доказывалъ, что въ Россіи, гдѣ монархическія начала вкоренены въ понятіяхъ народа, введеніе республиканскаго правленія невозможно. Споръ сей не былъ конченъ общимъ согласіемъ и положено было возобновить разсужденіе въ слѣдующемъ засѣданіи; только сего не было и вопросъ остался нерѣшеннымъ.

Произносилъ ли Тургеневъ—le président sans phrases, и предлагалъ ли Глинка Государыню Императрицу—не помнитъ, но знаетъ, что упомянутыя разсужденія членамъ здѣшней управы сообщены не были, и что мысли здѣшнихъ членовъ всегда были въ пользу монархическаго представительнаго правленія.

На сей очной ставкѣ утвердили: полковникъ Пестель утвердилъ свое показаніе, приведя нѣкоторые доводы къ подкрѣпленію своего показанія. Титулярный совѣтникъ Семеновъ остался при своемъ показаніи, присовокупляя, что, какъ помнится ему, князя Долгорукова на семъ совѣщаніи не было. (10 апрѣля 1826 г. Дѣло № 82.)

Очная ставка съ полковникомъ фонъ-деръ Бригеномъ.

Полковникъ Пестель, утвердивъ показаніе свое, подкрѣпилъ оное многими доводами.

Полковникъ фонъ-деръ-Бригенъ, при уликѣ г. Пестеля, сознался въ томъ, что означенное совѣщаніе было точно формальное засѣданіе думы, что князь Долгорукій отъ имени думы просилъ г. Пестеля изложить выгоды и невыгоды монархическаго и республиканскаго правленій, что было имъ и удовлетворено. Затѣмъ, при выслушаніи мнѣній каждаго, не помнитъ, чтобы Тургеневъ произнесъ означенныя слова, но утверждаетъ, что предметъ совѣщанія не былъ рѣшенъ, и что Глинка, такъ же какъ гр. Толстой и онъ, фонъ-деръ-Бригенъ, не дали рѣшительныхъ мнѣній своихъ, а первый изъ нихъ, Глинка, сказалъ, что какъ Россія всегда блаженствовала подъ правленіемъ императрицъ, то желательно бы имѣть императрицу на престолѣ. (10 апрѣля. Дѣло № 392.)

Очная ставка съ тит. сов. П. А. Колошинымъ.

Полковникъ Пестель утвердилъ показаніе свое, подтвердивъ оное приведеніемъ многихъ подробностей, сопровождавшихъ сіе засѣданіе и рѣшеніе.

Тит. сов. Колошинъ соглашался съ тѣмъ, что засѣданіе думы точно было формальное и что по просьбѣ оной г. Пестель изложилъ выгоды и невыгоды монархическаго и республиканскаго правленій; но прочаго, г. Пестелемъ показаннаго, совершенно не припомнитъ, хотя и не отрицаетъ онаго (12 апрѣля 1826 г. Дѣло № 65).

Очная ставка съ Никитою Муравьевымъ.

1826 года апрѣля 10-го дня въ присутствіи Высочайше учрежденнаго комитета, по разнорѣчію въ показаніяхъ, дана очная

ставка полковнику Пестелю съ капитаномъ Никитою Муравьевымъ въ томъ, что первый изъ нихъ показываетъ:

а) что въ началѣ 1820 года въ Петербургѣ, въ квартирѣ полковника Глинки, было собраніе членовъ коренной думы Союза Благоденствія, гдѣ и т. д. (см. выше) и

б) что Муравьевъ, отвѣтствуя на письмо его, Пестеля *), коимъ просилъ увѣдомить о своихъ дѣйствіяхъ, доставилъ къ нему чрезъ князя Волконскаго начатую имъ, Муравьевымъ, конституцію, о которой въ письмѣ увѣдомлялъ, что пишетъ оную въ монархическомъ смыслѣ, ради вновь принимаемыхъ членовъ (comme un rideau derrière lequel nous formerons nos colonnes), прибавляя, что онъ самъ лично остается тѣмъ же приверженцемъ республиканскаго правленія, каковымъ былъ и прежде; сей образъ мыслей онъ, Пестель, нашелъ въ Муравьевѣ и при личномъ свиданіи съ нимъ въ Петербургѣ въ 1824 году, когда Муравьевъ говорилъ ему то же, что прежде писалъ, а именно, что монархическія формы даны его конституціи ради вновь принимаемыхъ членовъ, причемъ отзывался съ сильнымъ негодованіемъ о лицахъ Императорской фамиліи и вмѣстѣ съ тѣмъ оспаривалъ разныя статьи конституціоннаго предположенія его, Пестеля.

Капитанъ же Никита Муравьевъ утверждалъ, что въ собраніи членовъ въ квартирѣ полковника Глинки, хотя и происходили разсужденія о правленіяхъ, но рѣшительно не была принята никакая форма оныхъ, т. е. ни монархическая, ни республиканская; что мнѣнія членовъ, тогда изъявленныхъ, не упомнитъ, но кажется Глинка говорилъ о монархическомъ, а упоминалъ ли при семъ Императрицу Елисавету Алексѣевну также не упомнитъ; что полковнику Пестелю дѣйствительно говорилъ, что онъ лично правленіе республиканское предпочитаетъ монархическому, но не хочетъ никого другого соглашать къ своему мнѣнію о семъ предметѣ.

На очной же ставкѣ утвердили

Полковникъ Пестель:	Капитанъ Муравьевъ:
1. Уличая Муравьева, повторилъ приведенное выше показаніе свое безъ всякой отмѣны; въ доказательство же истины онаго, напомнилъ Муравьеву, что прежде означеннаго совѣщанія у Глинки они условились быть тамъ одного мнѣнія.	1. Послѣ нѣкоторыхъ отрицаній сознался, что на совѣщаніи у Глинки, въ какомъ дѣлѣ всѣ присутствовавшіе согласились принять республиканское правленіе; но оное прочимъ думамъ объявлено не было.
2. Насчетъ писаннаго Муравьевымъ и потомъ лично подтвержденнаго мнѣнія о республиканскомъ правленіи Пестель	2. Что если онъ, Муравьевъ, и писалъ къ Пестелю въ томъ смыслѣ, какъ онъ показываетъ, но прямого намѣренія слѣдовать

*) Объ этомъ см. ниже § 5, о сношеніяхъ Южнаго Общества съ Сѣвернымъ.

подтверждалъ сдѣланное имъ показаніе, приводя въ улику Муравьева различные доводы. Полковникъ Пестель.

республиканскимъ мнѣніямъ его. Пестеля, никогда не имѣлъ. Капитанъ Муравьевъ *).

О засѣданіи въ квартирѣ полк. Шипова въ 1820 г.

— Въ собраніи Коренной Думы, происходившемъ въ 1820 году у полковника Шипова въ Преображенскихъ казармахъ, когда нѣкоторые изъ присутствовавшихъ изъявили опасенія свои на счетъ безначалія и безпорядковъ, могущихъ произойти при введеніи республиканскаго правленія, то вы возразили, что сіе могло отвратиться учрежденіемъ временнаго правленія, а потомъ вы уже слегка коснулись до необходимости цареубійства. Сія послѣдняя мысль возбудила сильный споръ между княземъ Долгоруковымъ, возставшимъ противъ оной, и Никитою Муравьевымъ, поддерживавшимъ предложеніе Ваше, на чемъ и самое собраніе окончилось, но въ отвѣтахъ своихъ объ ономъ ничего не говорите. Поясните: какимъ образомъ сіе происходило?

— У полковника Шипова происходило не собраніе Коренной Думы, но только съѣхались нѣкоторые члены для разговора объ обществѣ, не въ видѣ Думы, но какъ частные члены Союза. Насъ

*) Показаніе Пестеля о засѣданіи въ квартирѣ Глинки подтверждено было, кромѣ этихъ очныхъ ставокъ, также слѣдующими показаніями:

1) Лунина: „Въ собраніи, происходившемъ на квартирѣ полковника Глинки въ 1820 году, находился Пестель, точно излагалъ выгоды и невыгоды монархическаго и республиканскаго правленій. Не помню, было ли кѣмъ сказано: „Le Président sans phrases“, но и тутъ мое мнѣніе было конституціонное правленіе съ ограниченною исполнительною властью при монархѣ или президентѣ, полагая того и другого въ одинаковомъ видѣ“ (дѣло № 335).

2) Сергѣя Муравьева-Апостола: „Насчетъ совѣщанія, бывшаго на квартирѣ у полковника Глинки, я помню, что дѣйствительно оно такъ происходило, что Долгорукій предложилъ Пестелю объяснить выгоды и невыгоды того и другого правленія, и что послѣ сего изложенія, когда стали собирать голоса, Н. Тургеневъ сказалъ: „le président sans phrases“, прочіе же, кромѣ Глинки, были того же мнѣнія. Присутствовали тутъ члены—Долгорукій, Пестель, Никита Муравьевъ, Глинка, Шиповъ, (Иванъ) Лунинъ, Гр. Толстой и, кажется, Сергѣй Трубецкой; другихъ не упомню. Сколько упомню, также на семъ совѣщаніи ни слова не было говорено насчетъ мѣръ, къ коимъ прибѣгнуть нужно было противъ царствующаго тогда Государя и Высочайшей фамиліи, и что все совѣщаніе происходило въ полемическомъ разсужденіи о преимуществѣ правленія республиканскаго надъ монархическимъ“ (2 февраля).

Дополнительный вопросъ: На вопросъ о совѣщаніи, бывшемъ въ 1820 году въ квартирѣ полковника Глинки, вы показывали, что все совѣщаніе сіе о выгодахъ и невыгодахъ монархическаго и республиканскаго правленій происходило въ полемическомъ разсужденіи.

Поясните, по какому поводу и съ какимъ намѣреніемъ были между членами сіи ученыя разсужденія?

Отвѣтъ: „На совѣщаніи, бывшемъ въ 1820 году на квартирѣ полковника Глинки, тогдашній блюститель общества, князь Долгорукій, открылъ засѣданіе просьбою къ Пестелю изложить всѣмъ присутствующимъ членамъ выгоды и невыгоды, какъ монархическаго, такъ и республиканскаго правленія, и я разсужденіе оное назвалъ полемическимъ, ибо оно было безъ приложенія къ какой-нибудь сочиняемой обществомъ конституціи“. (28 марта 1826 г. Дѣло № 395).

было очень мало и даже предсѣдатель Думы не находился при томъ. Я о семъ происшествіи не упоминалъ, потому что не въ засѣданіи Коренной Думы сіе происходило, о которой я въ томъ пунктѣ говорилъ, и что таковыхъ съѣздовъ очень часто и очень много бывало: ибо гдѣ только члены сойдутся безъ постороннихъ лицъ, то почти всегда имѣли общества единственнымъ предметомъ своихъ разговоровъ. Опасенія на счетъ безначалія и безпорядковъ, при революціи произойти могущихъ, изъявлялъ я всегда самъ, и, говоря о необходимости временнаго правленія, приводилъ въ подкрѣпленіе сей необходимости всѣ опасенія на счетъ безначалія и безпорядковъ: мнѣніемъ полагая, что надежнѣйшее и единственное средство къ отвращенію оныхъ состояло бы въ учрежденіи временнаго правленія.

Что же касается до необходимости цареубійства, то напрасно мнѣ приписываютъ первую мысль и первое предположеніе объ ономъ: ибо въ сей день не въ первый разъ говорено было объ ономъ, какъ то уже доказываетъ Московскій заговоръ 1817 года. Мы всѣ имѣли несчастіе сію мысль раздѣлять долгое время прежде сего собранія, и въ числѣ раздѣлявшихъ сію мысль былъ также и князь Долгоруковъ. Ежели онъ началъ въ семъ случаѣ спорить о семъ съ Муравьевымъ, то сіе доказываетъ, какъ я уже неоднократно говорилъ, что часто члены спорили противу тѣхъ мнѣній, кои передъ тѣмъ сами раздѣляли, и кои потомъ опять своими объявляли. Споръ же сей сдѣлался сильнымъ отъ личныхъ колкостей, замѣнившихъ настоящій предметъ разговора (показ. 6 апрѣля, п. 6).

О томъ же изъ показаній Сергѣя Муравьева-Апостола:

„Помнится мнѣ, что вслѣдъ за симъ засѣданіемъ (въ квартирѣ Глинки) было другое и, если не ошибаюсь, на квартирѣ у Шипова, въ казармахъ Преображенскаго полка, гдѣ были всѣ тѣ же члены, кромѣ Глинки, гр. Толстого и, кажется, Н. Тургенева, гдѣ въ первый разъ было говорено о цареубійствѣ и которое кончилось большимъ споромъ между Н. Муравьевымъ и Долгорукимъ и гдѣ, по сему случаю, ничто не было рѣшено.—Послѣ же сего совѣщанія не упомню, чтобы были еще какія другія“. (2 февраля 1826 года).

Вопросъ С. Муравьеву-Апостолу, 3 февраля 1826 года: „Въ дополненіе вчерашняго показанія своего объясните съ свойственнымъ вамъ чистосердечіемъ сіе: кто какія дѣлалъ въ квартирѣ Шипова (Ивана) предложенія о совершеніи цареубійства, съ какою цѣлью и какимъ образомъ предполагалось исполнить сіе? Въ чемъ именно заключался означенный вами большой споръ, между Никитою Муравьевымъ и Долгорукимъ бывшій, и какого рода рѣшительнымъ предположеніемъ было кончено сіе совѣщаніе?“

„Сколько за давностію времени упомнить могу, совѣщаніе въ квартирѣ Шипова началось тѣмъ, что Н. Муравьевъ, говоря о средствахъ ввести въ Россіи народное правленіе, коснулся до необходимости смерти тогда царствующаго Государя, противъ чего Долгорукій возсталъ, говоря, что онъ на сіе никакъ не согласится, и вотъ отчего возникъ между нами споръ, о коемъ я показалъ; о средствахъ же исполненія предлагаемой Н. Муравьевымъ мѣры

ни слова не было говорено и кажется, что совѣщаніе сіе кончилось вышесказаннымъ споромъ, и что никакого не принято было рѣшительнаго предположенія.—

Теперь припоминаю, что вышесказанная предлагаемая Н. Муравьевымъ мѣра была еще разъ представлена членамъ и принята ими по голосамъ, но не упомню на совѣщаніи ли въ квартирѣ Шипова или на другомъ какомъ-либо. Помню только, что Долгорукаго тутъ не было, а изъ присутствовавшихъ членовъ помню себя, Н. Муравьева и Пестеля".

4. Южное Общество.

— По объявленіи мнимаго уничтоженія союза Благоденствія въ 1820 или 1821 году, кто именно изъ членовъ онаго на югѣ остались соединенными и рѣшились не прекращать своихъ дѣйствій и учредить свою думу? Что побуждало ихъ къ продолженію общества, предлагалъ ли Юшневскій объ опасности такого предпріятія, вы ли убѣдили прочихъ членовъ къ удержанію общества на югѣ и въ какомъ точно значеніи или духѣ?

— Въ первомъ Союзѣ Благоденствія отличались отъ прочихъ членовъ, такъ называемые, коренные члены, то есть тѣ члены, которые къ сему союзу принадлежали съ самаго начала его введенія и образованія. Когда зимою съ 1820 на 1821 годъ назначался съѣздъ въ Москву для совѣщанія о преобразованіи Союза, тогда были къ сему съѣзду приглашены всѣ коренные члены, а Думы должны были назначить депутатовъ. Отъ Тульчинской Думы посланъ былъ Комаровъ, какъ депутатъ, а Бурцовъ поѣхалъ, какъ коренной членъ. По возвращеніи Бурцова и Комарова изъ Москвы узнали мы все тамъ происшедшее отъ Комарова, прежде нежели Бурцовъ по порученію о томъ въ Думѣ объявилъ. Посему прежде собранія Думы былъ у насъ о томъ разговоръ съ Юшневскимъ. Изъ неудовольствія всѣхъ членовъ нашей Думы о московскомъ происшествіи видно уже было, что большая часть склонна не признать объявленнаго уничтоженія Союза. По сему обстоятельству говорилъ мнѣ Юшневскій прежде собранія думы, что онъ намѣренъ въ оной представить обо всѣхъ опасностяхъ и трудностяхъ предпріятія, дабы испытать членовъ и удалить всѣхъ слабосердыхъ, говоря, что лучше ихъ теперь отъ Союза при семъ удобномъ случаѣ удалить, нежели потомъ съ ними возиться. Когда Дума была собрана, и Бурцовъ объявилъ о московскомъ уничтоженіи Союза, а потомъ вышелъ, и за нимъ Комаровъ, тогда Юшневскій проговорилъ свою рѣчь, которая не только никого не удалила отъ союза, но напротивъ того самолюбіе каждаго подстрекнула, и полковникъ Аврамовъ первый сказалъ, что ежели всѣ члены оставятъ союзъ, то онъ будетъ его считать сохраненнымъ въ себѣ одномъ. Послѣ его всѣ члены объявили намѣреніе оставаться въ Союзѣ, и тутъ было замѣчено, что Московская чрезвычайная Дума имѣла порученіе преобразовать Союзъ и потому преступила границы своей власти, объявляя Союзъ уничтоженнымъ, а потому Тульчинская Дума признаетъ Союзъ существующимъ съ прежнею цѣлью и въ прежнемъ значеніи. То и другое

было подтверждено, и при томъ сдѣланы нѣкоторыя перемѣны въ образованіи Союза. Всѣ, тогда присутствовавшіе, члены приняли названіе Бояръ Союза и выбрали въ предсѣдатели Юшневскаго, меня и Никиту Муравьева, предполагая, что онъ, подобно намъ, не признаетъ уничтоженія Союза, ибо онъ не былъ въ Москвѣ. Вотъ самое вѣрнѣйшее и подробнѣйшее повѣствованіе всего сего происшествія. Вскорѣ послѣ того получили мы извѣстіе отъ Никиты Муравьева, что многіе члены въ Петербургѣ точно такъ же поступили, какъ Тульчинская Дума.

Вотъ начало Сѣвернаго и Южнаго округовъ того же самаго Союза Благоденствія, продолженнаго и притомъ исправленнаго. Членами Тульчинской Управы были тогда Юшневскій, Аврамовъ, Вольфъ, Ивашевъ, адъютанты Крюковъ 1, князь Барятинской и Басаргинъ, свитской Крюковъ 2, князь Волконскій, Василій Давыдовъ и я. Князь Волконскій и Давыдовъ, хотя и не присутствовали при семъ случаѣ, но, узнавъ о происшедшемъ, объявили, что они во всемъ съ Думою согласны и остаются членами общества.

На контрактахъ 1822 года присоединился Сергѣй Муравьевъ къ Южному округу, а черезъ него въ 1823 году на контрактахъ же былъ принятъ Бестужевъ-Рюминъ. На обоихъ контрактахъ находились Юшневскій, Давыдовъ, князь Волконскій, Сергѣй Муравьевъ и я.

Въ 1823 году раздѣлился Южный округъ на три управы: Тульчинская осталась въ прежнемъ составѣ. Сергѣй Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ съ ихъ членами составили Васильковскую Управу, которая называлась лѣвою, а Давыдовъ и князь Волконскій составили Каменскую Управу, которая называлась правою. Всѣ три находились подъ вѣдѣніемъ Тульчинской Директоріи.

Каменская управа пріобрѣла только Лихарева, графа Полиньяка и отставного Поджіо. Подполковникъ Янтальцовъ былъ мною въ оную переданъ, а прежде того онъ принятъ былъ въ союзъ полковникомъ Аврамовымъ. По прибытіи маіора Поджіо, брата отставного, изъ Петербурга, гдѣ онъ принятъ былъ въ общество, поступилъ онъ въ Каменскую управу и принялъ капитана Фохта. Лихаревъ принялъ Бошняка, а черезъ сего послѣдняго начались сношенія съ графомъ Виттомъ. Князь Волконскій въ 1824 году ѣздилъ на Кавказъ и привезъ оттуда нѣкоторыя свѣдѣнія о кавказскомъ обществѣ. Маіоръ Поджіо ѣздилъ въ томъ же году осенью въ Орелъ, съ намѣреніемъ тамъ видѣться съ какими то двумя князьями Голицыными, въ отставкѣ находящимися, и посредствомъ ихъ узнать о духѣ войскъ, тамъ расположенныхъ; но возвратясь, говорилъ, что онъ ихъ не засталъ, не видалъ и потому ничего тамъ не сдѣлалъ. Какіе же это князья Голицыны, я въ точности не знаю, но полагаю, что одинъ изъ нихъ служилъ прежде въ лейбъ-гвардіи Преображенскомъ полку. Генералъ-маіоръ Кальмъ убылъ съ полкомъ 1820 году изъ 2-й арміи въ 1-ую и въ Москвѣ узналъ объ объявленіи, что общество уничтожено. Возвратясь ко второй арміи въ 1821 году, имѣлъ я

съ нимъ въ обществѣ разговоры, но онъ скоро заболѣлъ, ѣздилъ потомъ въ чужіе краи и такимъ образомъ въ обществѣ съ того времени не участвовалъ.—Вотъ всѣ дѣйствія и происшествія по Каменской управѣ.

Тульчинская управа съ самаго 1821 года впала въ бездѣйствіе, и съ того времени всѣ ея пріобрѣтенія въ теченіе пяти лѣтъ состояли въ нѣкоторыхъ свитскихъ офицерахъ, а именно: Фаленбергъ, Бобрищевы-Пушкины 1-й и 2-й, Черкасовъ, Загорецкій, Аврамовъ, Заикинъ и покойникъ Филиповичъ. Сверхъ того былъ еще принятъ въ общество маіоръ Мартыновъ 36-го егерскаго полка, который чрезвычайно боленъ и находится при своемъ братѣ, командирѣ Пермскаго полка. Вмѣстѣ съ Лореромъ принялъ я полковника Лемана, а черезъ Майбороду—Старосельскаго. Маіоръ Лореръ, принятый въ Петербургѣ княземъ Оболенскимъ и полковникомъ Нарышкинымъ, пріобщенъ былъ къ Тульчинской же управѣ, равно какъ и Леманъ. Лореръ принялъ полковника Канчіалова. Съ Непенинымъ же и маіоромъ Раевскимъ никакихъ совершенно не было у насъ сношеній. Объ уничтоженіи общества въ Москвѣ было имъ сообщено покойнымъ капитаномъ Охотниковымъ, находившимся при генералъ-маіорѣ Орловѣ въ Кишиневѣ. Вотъ всѣ дѣйствія и всѣ происшествія по Тульчинской управѣ.

Васильковская управа была гораздо дѣятельнѣе прочихъ двухъ и дѣйствовала гораздо независимѣе отъ директоріи, хотя и сообщала къ свѣдѣнію то, что у нея происходило; но сношенія директоріи съ сею управою были рѣже и затруднительнѣе. Сею управою были приняты полковники Швейковскій, Тизенгаузенъ, Артамонъ Муравьевъ, Враницкой, оберъ-квартирмейстеръ 3 корпуса, Фроловъ, капитанъ Норовъ, что нынѣ въ отставкѣ подполковникомъ, гусарскаго принца Оранскаго полка, ротмистръ Жуковъ, Пыхачевъ, да еще нѣсколько другихъ, о коихъ припомнить не могу, ибо ихъ имена не болѣе, какъ по одному разу слыхалъ. Сія управа пріобщила къ своему составу открытыхъ ею членовъ общества Соединенныхъ Славянъ, человѣкъ до 15, какъ мнѣ Бестужевъ говорилъ. Сія управа, узнавши образъ мыслей Семеновскихъ солдатъ, имѣла на нихъ надежду. Она первоначально открыла сношенія съ поляками. Князь Сергѣй Трубецкой, по прибытіи въ Кіевъ, дѣйствовалъ съ сею управою. Къ ней также принадлежалъ Матвѣй Муравьевъ. Вотъ что относится до Васильковской управы.

Въ прошедшемъ году въ ноябрѣ мѣсяцѣ предложилъ я Юшневскому пріобщить Сергѣя Муравьева къ директоріи: ибо смѣшно, говорилъ я, что онъ въ числѣ предсѣдателей, когда его управа гораздо значительнѣе и сильнѣе обѣихъ другихъ вмѣстѣ, да и ради нашей отвѣтственности передъ союзомъ; ибо Васильковская управа гораздо независимѣе прочихъ двухъ дѣйствуетъ, надо, чтобы Сергѣй Муравьевъ принадлежалъ къ директоріи. Юшневскій согласился на то, и тогда былъ Сергѣй Муравьевъ къ директоріи пріобщенъ (показанія 13 января п. 19).

— Въ отвѣтѣ на 19-й пунктъ вопросовъ (предыдущій) рѣшимость Тульчинскихъ членовъ продолжать дѣйствія общества вы

относите къ неудовольствію ихъ, изъявленному по возвращеніи изъ Москвы Комарова и Бурцова, и къ впечатлѣнію, которое сдѣлала на нихъ рѣчь Юшневскаго; но полковникъ Бурцовъ и Юшневскій утверждаютъ, что когда Бурцовъ въ собраніи Тульчинскихъ членовъ объявилъ объ уничтоженіи союза, то вы первые, возвыся голосъ, доказывали, что московскіе члены не имѣли права прекращать онаго, и что вы рѣшились продолжать его; по отзыву же прочихъ, тутъ присутствовавшихъ, ваши доказательства и вліяніе и рѣчь Юшневскаго были главнымъ для нихъ убѣжденіемъ.

— Комаровъ, прибывъ изъ Москвы, объявилъ намъ объ уничтоженіи союза прежде Бурцова, говоря притомъ, что отъ Московскаго засѣданія поручено Бурцову объявить о томъ думѣ. Посему знали о семъ всѣ члены прежде, нежели дума собралась для выслушанія отъ Бурцова объ объявленіи. Въ сіе время показывали всѣ члены неудовольствіе свое на счетъ уничтоженія союза московскимъ засѣданіемъ, и изъ сего неудовольствія ихъ, изъявленнаго прежде объявленія Бурцовымъ о разрушеніи союза, видна была склонность ихъ не признавать уничтоженія общества. Когда Бурцовъ объявилъ о семъ думѣ, тогда я, какъ предсѣдатель, сказалъ, что дума будетъ о томъ имѣть свое сужденіе. Послѣ сего Бурцовъ вышелъ, и въ его присутствіи не было никакого сужденія.

Если бы я въ сіе время сталъ говорить въ пользу уничтоженія общества и притомъ бы объявилъ, что оное признаю и отъ общества удаляюсь и отстаю, да если бы къ тому же и Юшневскій меня въ томъ поддержалъ, то я точно полагаю, что мы успѣли бы прочихъ членовъ уговорить общество прекратить, и я, конечно, долженъ всегда въ томъ себя упрекать, что сіе не сдѣлалъ. Однако же, прежде еще собранія думы для выслушанія Бурцова показывали уже всѣ члены свое неудовольствіе о томъ, что въ Москвѣ было рѣшено, и въ то же время показывалъ и я свое о томъ же неудовольствіе, а потому, ежели сіе на нихъ такъ сильно подѣйствовало, какъ они говорятъ, то тѣмъ сильнѣе дѣлается моя скорбь, что однимъ вліяніемъ своимъ вовлекъ ихъ въ несчастный путь тайнаго общества; но, какъ мнѣ кажется, то по ихъ тогдашнему расположенію духа было достаточно на то рѣшимости въ нихъ самихъ (показанія 6 апрѣля, п. 8).

— Въ семъ же пунктѣ отвѣтовъ (19-мъ, см. выше) вы говорите, что Тульчинская дума рѣшилась продолжать союзъ благоденствія съ прежнею цѣлію и въ прежнемъ значеніи, но въ чемъ именно то и другое заключалось—не объясняете; полковникъ же Аврамовъ, князь Барятинской, ротмистръ Ивашевъ, штабъ-лѣкарь Вольфъ и другіе показываютъ, что при возобновленіи общества въ Тульчинѣ въ 1821 году принято было цѣлью его разрушеніе существующаго порядка вещей во что бы то ни стало, хотя бы послѣдствіемъ того было упраздненіе престола. Средства же къ достиженію сей цѣли предоставлены избраннымъ предсѣдателямъ (Вамъ и Юшневскому) съ полною надъ членами властію. Здѣсь поясните: а) кто именно предложилъ цѣль сію и средство къ ея достиженію?

b) Кромѣ избранія предсѣдателей и принятія цѣли общества, какія еще въ Тульчинѣ одобрены были предложенія? c) Кто изъ находившихся тамъ членовъ присутствовалъ въ собраніяхъ Думы?

— Я въ 19 пунктѣ прежнихъ отвѣтовъ не объяснялъ въ подробности прежняго значенія и прежней цѣли, съ коею Тульчинская Управа рѣшилась продолжать Союзъ Благоденствія, потому что они уже были объяснены выше 19 пункта.

Прежнее значеніе было революціонный способъ дѣйствія, а прежняя цѣль была республиканское правленіе, принятое обществомъ въ 1820 году. Сверхъ того пояснялъ я и то въ 19 пунктѣ, что при рѣшеніи Думы о продолженіи Союза были подтверждены какъ республиканское правленіе, такъ и революціонный способъ дѣйствія. Симъ не новая цѣль вводилась, но старая, прежде уже принятая, продолжалась.

Предсѣдателямъ была дана полная власть для управленія обществомъ до того времени, когда оно дойдетъ до готовности къ дѣйствію, но прежде начатія онаго должны были бояре быть собраны на общее окончательное совѣщаніе, имѣющее предшествовать начатію дѣйствія. Я, какъ предсѣдатель, предлагалъ предметы на совѣщаніе, а мнѣнія заключались по общимъ сужденіямъ. Когда разсуждали о цѣли, тогда первый вопросъ былъ, измѣняетъ ли общество прежнюю республиканскую цѣль или нѣтъ? Всѣ единодушно и безъ противорѣчія подтвердили продолженіе оной, причемъ я самъ въ пользу оной говорилъ.

Кромѣ избранія предсѣдателей и принятія цѣли общества, былъ еще одобренъ и рѣшительный революціонный способъ дѣйствія съ упраздненіемъ престола и, въ случаѣ крайности, съ изведеніемъ тѣхъ лицъ, которыя представятъ въ себѣ непреодолимыя препоны. Члены Тульчинской Думы, бывшіе тогда на-лицо, суть: Юшневскій, Аврамовъ, Ивашевъ, Крюковъ 1 и 2, князь Барятинской, Басаргинъ, Вольфъ и я (показанія 6 апрѣля, п. 9) *).

— Изъ показаній многихъ, принадлежавшихъ къ Союзу Благоденствія, членовъ извѣстно, что наружною цѣлію сего было распространеніе просвѣщенія въ смыслѣ Союза, дабы общее мнѣніе, постепенно приготовленное, предшествовало мѣрамъ преобразованія въ государствѣ, но что вы, Никита Муравьевъ, Сергѣй и Матвѣй Муравьевы-Апостолы и нѣкоторые коренные члены, почитая способъ сей слишкомъ медлительнымъ и обширнымъ, желали ускорить исполненіе цѣли своей, и на сей конецъ въ 1821 году были созваны въ Москву депутаты отъ всѣхъ управъ; увидѣвъ же несогласіе на то большей части прочихъ членовъ, рѣшились объявить уничтоженіе Союза Благоденствія, дабы, избавившись отъ противомыслящихъ членовъ, свободнѣе слѣдовать принятымъ ими началамъ. Объясните: справедливы ли таковыя показанія?

— Сіе показаніе несправедливо: 1) потому что изъ названныхъ здѣсь членовъ союза ни одинъ не былъ въ Москвѣ, а слѣдовательно и не участвовалъ въ разрушеніи союза; 2) потому что назначеніе съѣзда въ Москвѣ было сдѣлано безъ всякаго участія съ

*) Объ этихъ лицахъ см. Введеніе.

моей стороны, и я о семъ назначеніи узналъ, когда Якушкинъ пріѣхалъ въ Тульчинъ для объявленія объ ономъ и приглашенія туда прибыть; 3) потому что мы не признали сего уничтоженія и укоряли имъ членовъ, оное сдѣлавшихъ, говоря, что они не имѣли на то права; 4) потому что ежели бы мы имѣли таковую цѣль, то радовались бы уничтоженію союза на мѣсто того, что мы о томъ изъявляли неудовольствіе; 5) потому что наружная цѣль Союза Благоденствія была и безъ того за наружную извѣстна, и никакимъ дѣйствіямъ союза не мѣшала, чему служитъ доказательствомъ заключеніе Коренной Думы въ началѣ 1820 года о Республиканскомъ Правленіи.

Настоящая причина разрушенія союза въ концѣ 1820 года состоитъ въ томъ, что члены, тамъ бывшіе, не могли между собою согласиться, что генералъ Орловъ объявилъ свое отступленіе отъ союза, и что всѣ сіи несогласія и разногласія между членами, бывшими на Московскомъ съѣздѣ, ихъ самихъ побудили приступить къ разрушенію союза и объ ономъ объявить. Такъ по крайней мѣрѣ я полагаю: но ежели они имѣли сверхъ того еще какія-нибудь причины другія, то мнѣ таковыя остались неизвѣстными до сихъ поръ (показанія 6 апрѣля, п. 7).

— Члены, отклонившіеся отъ Союза Благоденствія въ 1821 году, не составили ли особенныхъ отдѣльныхъ обществъ, кромѣ южнаго, гдѣ, въ какое время и подъ какими наименованіями?

— По объявленіи въ 1821 году объ уничтоженіи въ Москвѣ Союза Благоденствія, продолжался оный союзъ въ Тульчинѣ и въ Петербургѣ. О продолженіи онаго въ Петербургѣ увѣдомилъ меня Никита Муравьевъ. Но что касается до членовъ, отклонившихся отъ союза въ Москвѣ, то ничего не могу сказать о томъ, составили ли они особое общество или нѣтъ. Сего не знаю. Наименованіе въ Петербургѣ и въ Тульчинѣ осталось прежнее, но образованіе общества получило словесныя измѣненія; письменнаго же новаго статута не было (показанія 13 января 1826 г., п. 2).

— Вы ли и полковникъ Бурцовъ были начальниками и основателями Союза Благоденствія на югѣ и кто были первые члены онаго?

— Я прежде полковника Бурцова находился въ Тульчинѣ и потому прежде его тамъ дѣйствовалъ. По прибытіи же Бурцова дѣйствовали мы вмѣстѣ. Первоначальные члены были: свитской подполковникъ Комаровъ, докторъ Вольфъ, полковникъ, что нынѣ генералъ-маіоръ, Кальмъ, полковникъ, что нынѣ оберъ-прокуроромъ въ Сенатѣ, Краснокуцкой. А потомъ Юшневскій, полковникъ Аврамовъ и адъютантъ Ивашевъ. Чрезъ генералъ-маіора же Кальма полковникъ Непенинъ и подполковникъ Хотяинцевъ. Я сихъ членовъ называю первоначальными, потому что они приняты были въ продолженіе 1819 года (то же, п. 18).

Правила Южнаго Общества.

— Сіе, вновь составленное на югѣ, общество какую въ сношеніяхъ своихъ имѣло разность съ прежде существовавшимъ Союзомъ Благоденствія?

— Вся разница состояла въ нѣкоторыхъ только измѣненіяхъ внутренняго образованія союза и въ томъ, что Южная Управа перестала отъ сего времени считать себя въ зависимости отъ Петербургской. Новаго же общества не составлялось, ибо нельзя принять за новое общество то, что было продолженіемъ и исправленіемъ прежняго Союза Благоденствія (показанія 13 января, п. 20).

— Въ чемъ заключалось внутреннее образованіе Южнаго общества и степени, присвоенныя членамъ онаго, т. е. что значили званія друга, брата, мужа и бояра, какія имѣли они права и кому изъ нихъ открывалась главнѣйшая цѣль и планъ общества?

— Южный округъ Союза Благоденствія управлялся Главною Управою или Директоріею, члены раздѣлялись на братья, мужья и бояре. Братьями назывались члены, не имѣющіе права принимать другихъ членовъ. Мужья имѣли сіе право. Бояре присоединялись къ Директоріи для рѣшенія важныхъ случаевъ. Друзьями назывались лица, въ союзъ не принятыя, но на которыхъ имѣлись виды. Цѣль и планъ открывались сполна мужьямъ и боярамъ. Каждый членъ долженствовалъ передъ членомъ, имъ принятымъ, таить имена всѣхъ прочихъ ему извѣстныхъ членовъ. Вотъ главныя правила, которыя были постановлены, но ни одно изъ нихъ не было исполняемо (то же, п. 21).

— Вы ли съ Юшневскимъ, или еще кто, кромѣ васъ, составляли ту невидимую директорію (directoire occulte), которая таинственно дѣйствовала на всѣхъ прочихъ, и какъ далеко простиралась власть ваша въ дѣлѣ общества?

— Точно такъ и члены Директоріи Южнаго округа долженствовали быть извѣстными однимъ боярамъ, но между тѣмъ всѣмъ были извѣстны. Сія Директорія состояла, какъ уже сказано въ 19 пунктѣ, изъ Юшневскаго и меня. Власть наша состояла въ надзорѣ за исполненіемъ установленныхъ обществомъ правилъ, въ сохраненіи связи между членами и Управами, въ назначеніи предсѣдателей по Управамъ, въ принятіи членовъ въ бояре и въ присоединеніи къ Директоріи новыхъ членовъ или предсѣдателей (то же, п. 22).

— Отъ всѣхъ ли, вступавшихъ въ общество, требовалась клятва или честное слово въ сохраненіи тайны о существованіи онаго, и къ чему еще обязывала помянутая клятва?

— Отъ каждаго новаго члена требовалась или клятва или честное слово въ сохраненіи тайны и въ елико возможномъ содѣйствіи Союзу. Опредѣлительнаго ничего не говорилось, ибо принимался уже тотъ, коего образъ мыслей былъ сходенъ съ образомъ мыслей Союза. Обыкновенно довольствовались честнымъ словомъ (показанія 13 января, п. 23).

— Полковникъ Леманъ показываетъ, что вы, принявъ его въ общество и обязавъ клятвою хранить тайну онаго, грозили ему, что малѣйшая измѣна или нескромность наказаны будутъ ядомъ или кинжаломъ. Нѣкоторые изъ членовъ общества точно такъ же увѣряли принимаемыхъ ими, что ядъ и кинжалъ вездѣ найдетъ измѣнника. Поясните, сія угроза была ли общимъ правиломъ для

всѣхъ членовъ общества, или позволялась только нѣкоторымъ, и точно ли вы произнесли таковую Леману?

— Сіи угрозы не входили въ правила общества съ самаго времени уничтоженія перваго союза въ 1817 году. Въ первомъ же обществѣ входили они въ правила устава, будучи приняты изъ масонскихъ статутовъ и формъ. Можетъ быть, что въ разговорахъ объ обществѣ и о цѣломъ ходѣ онаго съ самаго его начала я о сихъ угрозахъ разсказывалъ полковнику Леману, но при его принятіи и не думалъ ихъ произносить, и не клятву съ него бралъ, а честное слово (показанія 6 апрѣля, п. 27).

На очной ставкѣ 12 апрѣля 1826 года полковникъ Леманъ остался при своемъ показаніи. Полковникъ Пестель, утвердивъ свое показаніе, присовокупилъ, что онъ при пріемѣ Лемана не дѣлалъ ему никакихъ угрозъ, чего не дѣлалъ онъ и другимъ, принятымъ имъ въ общество, но что въ разговорахъ съ нимъ, можетъ быть, разсказывалъ ему о бывшихъ въ прежнемъ обществѣ подобныхъ угрозахъ, но безъ всякаго примѣненія къ Леману.

Соединенные Славяне.

— Общество подъ названіемъ Соединенныхъ Славянъ не принадлежало ли къ Южному, гдѣ находилась управа или дума его, въ какихъ сношеніяхъ было оное съ прочими обществами и кто именно составлялъ главное число членовъ его?

— Тайное общество соединенныхъ славянъ не принадлежало къ южному округу Союза Благоденствія и никакихъ съ нимъ сношеній не имѣло. Все, что мнѣ о семъ обществѣ извѣстно, я слышалъ отъ Бестужева-Рюмина, и оное заключается въ томъ, что артиллерійскій офицеръ 3 корпуса, по имени, кажется, Борисовъ, не знаю которой роты и бригады, былъ принятъ въ сіе общество въ Петербургѣ и, возвратившись изъ столицы, пріобрѣлъ между другими офицерами до 15 или 16 членовъ въ общество соединенныхъ славянъ. Именъ сихъ офицеровъ я не знаю. Бестужевъ открылъ сіе отдѣленіе общества соединенныхъ славянъ и перевелъ ихъ всѣхъ въ наше общество въ Васильковскую Управу. Вотъ все, мнѣ извѣстное (показанія 13 января, п. 41).

— Въ чемъ именно заключались значительныя сношенія Муравьева съ обществомъ Соединенныхъ Славянъ, о которыхъ имѣли вы самыя вѣрныя и подробныя свѣдѣнія, введя Муравьева въ предсѣдатели Думы изъ опасенія, чтобы онъ не отошелъ отъ вашего общества; который изъ Муравьевыхъ производилъ сіи сношенія и что было прямою ихъ цѣлью?

— Всѣ свѣдѣнія, которыя я когда-либо имѣлъ объ обществѣ Соединенныхъ Славянъ, заключаются въ томъ, что мною уже объяснено на сей счетъ въ 41 пунктѣ (предыдущій). Сергѣй Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ находились всегда вмѣстѣ; и потому, что одинъ дѣлалъ, то было извѣстно и другому. Причины же, по которымъ Муравьевъ былъ причисленъ къ Директоріи, объяснены мною въ 19 пунктѣ (выше) со всею точностію (показанія 13 января, п. 42).

Высшіе правители надъ Обществомъ.

— Не имѣли ли сіи общества высшихъ надъ собою правителей, дѣйствовавшихъ сокровенно или таинственно, и кто были таковыми?

— Южный округъ Союза Благоденствія никакихъ не имѣлъ высшихъ надъ собою правителей, дѣйствовавшихъ сокровенно или таинственно, и до отъѣзда моего изъ Петербурга въ 1824 году не имѣлъ также и сѣверный округъ таковыхъ, да и послѣ того не слыхалъ я, чтобы таковые появились или установились въ немъ (показанія 13 января, п. 4).

— Не считали ли общества своими покровителями кого-либо изъ высшихъ лицъ въ государственной службѣ, которыя или знали о существованіи оныхъ, или по правиламъ и образу мыслей подавали надежду на содѣйствіе, или же на одобреніе намѣреній общества?

— Я никого не зналъ и теперь не знаю такового лица изъ высшихъ чиновъ въ государственной службѣ; а ежели Петербургскій округъ былъ съ кѣмъ-нибудь изъ таковыхъ лицъ въ сношеніи или получилъ на кого-либо надежду, то сіе должно было случиться незадолго передъ симъ: ибо намъ въ Южномъ округѣ не было ничего о томъ сообщено (то же, п. 5).

— Нѣкоторымъ членамъ общества вы разсказывали, что многія изъ лицъ, ближайшихъ къ Государю, думаютъ и желаютъ другого образованія въ государствѣ, хотя они и не члены общества; и Василью Давыдову говорили, что Петербургское общество намѣрено назначить членами временнаго правленія адмираловъ Мордвинова и Синявина, и что третьимъ членомъ хотя и предполагаемъ былъ генералъ Раевскій, но отринутъ. Здѣсь поясните: 1) кто именно изъ лицъ близкихъ къ Государю думалъ и желалъ другого образованія въ государствѣ и какимъ образомъ сдѣлался вамъ извѣстнымъ образъ мыслей ихъ? и 2) кто сообщилъ вамъ о намѣреніи общества назначить Мордвинова и Синявина членами временнаго правленія и на чемъ именно сіе предположеніе общества основывалось?

— Я не знаю никого изъ лицъ близкихъ къ Государю и ничей образъ мыслей мнѣ не извѣстенъ. Я никогда никого изъ нихъ и не называлъ. А разсуждали не я одинъ, но многіе и почти всѣ, что когда революція возьметъ свой ходъ, тогда вѣрно много покажется людей, которые присоединятся къ революціи, особенно при хорошемъ успѣхѣ, а можетъ быть и изъ высшихъ чиновниковъ. Сіе было одно только гадательное предположеніе, при коемъ никого не называли и никого не имѣли въ виду.

Бестужевъ-Рюминъ, видѣвшись въ Кіевѣ съ кн. Трубецкимъ и полковникомъ Брыгинымъ, пріѣзжалъ потомъ ко мнѣ въ Линцы и сказывалъ мнѣ, что онъ отъ Трубецкого и Брыгина извѣстился о намѣреніи Сѣвернаго Общества назначить адмираловъ Мордвинова и Синявина членами временнаго правленія и что прежде хотѣли назначить и Раевскаго, но потомъ его отринули, а производителемъ дѣлъ при нихъ долженствовалъ быть Николай Тургеневъ.

Какъ мнѣ сіе сказалъ Бестужевъ, такъ точно и я передалъ Давыдову (показанія 6 апрѣля, п. 24).

Распространеніе Обществъ и дѣйствіе на войска.

— До какой степени общества успѣли умножить своихъ сообщниковъ во всѣхъ сословіяхъ и родахъ службы государственной?

— Всѣ дѣйствія Союза Благоденствія ограничивались до сихъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, однимъ сословіемъ дворянства и службою военною. Ежели и приняты въ общество гражданскіе чиновники, то весьма мало (показаніе 13 января, п. 16).

— До какой степени и въ какихъ наиболѣе войскахъ (не исключая и нижнихъ чиновъ) и въ прочихъ государственныхъ сословіяхъ распространенъ былъ преступный духъ преобразованія и безначалія?

— Духъ преобразованія былъ духомъ Союза Благоденствія, и потому былъ распространенъ тамъ, гдѣ общество имѣло своихъ членовъ и именно между сочленами. Слѣдовательно, наиболѣе въ гвардіи, потомъ въ 3 корпусѣ, потомъ во 2 арміи. Что же до нижнихъ чиновъ касается, то между ними духъ преобразованія не былъ распространенъ, а существовалъ духъ сильнаго неудовольствія, изъявляемый особенно Семеновскими солдатами, служащими въ 3 корпусѣ, какъ о томъ я слышалъ отъ Бестужева-Рюмина (то же, п. 17).

— На чемъ именно основалась надежда Южнаго общества на содѣйствіе 1-го, 2-го и 3-го корпусовъ, т. е. было ли въ предварительныхъ сношеніяхъ съ чинами оныхъ, и имѣло ли какое-либо удостовѣреніе о ихъ готовности къ произведенію революціи и вообще стремилось ли общество всѣхъ начальниковъ войскъ исподволь обратить къ своей цѣли?

— Общество имѣло желаніе какъ можно болѣе начальниковъ войскъ обратить къ своей цѣли и принять въ свой союзъ, особенно полковыхъ командировъ, предоставляя каждому изъ нихъ дѣйствовать въ своемъ полку, какъ самъ наилучше найдетъ. Желало также и прочихъ начальниковъ въ общество пріобрѣсти: генераловъ, штабсъ-офицеровъ, разныхъ командировъ. Надежда на 3-й корпусъ была двойная: во-первыхъ, на членовъ общества изъ штабсъ- и оберъ-офицеровъ, а во-вторыхъ, на Семеновскихъ солдатъ, которые своимъ жребіемъ весьма недовольны и притомъ вліяніе имѣютъ на другихъ солдатъ. О семъ узнали члены Васильковской Управы во время лагеря 1825 года. Они говорили съ Семеновскими солдатами о ихъ положеніи и замѣтили сильный между ними духъ неудовольствія. Такъ, по крайней мѣрѣ, о семъ мнѣ разсказывалъ Бестужевъ-Рюминъ. На 1 и 2 корпусъ надѣялись потому, что въ оныхъ находятся Семеновскіе солдаты, о коихъ полагали, что они вѣрно въ томъ же духѣ, какъ и солдаты 3 корпуса. Сношеній съ ними не имѣли, но изъ Семеновскаго происшествія видно было единодушіе прежнихъ солдатъ сего полка (тоже, п. 28).

Въ позднѣйшихъ показаніяхъ 6 апрѣля 1826 года:

Сіе и нынѣ подтверждаю; другихъ же извѣстій о сихъ солдатахъ я никакихъ не имѣлъ. Если же къ возмущенію готовы бы-

ли Семеновскіе солдаты 3 корпуса, то по единодушному поведенію ихъ во время семеновскаго происшествія заключили мы, что надѣяться можно и на тѣхъ, которые находятся въ 1 и 2 корпусахъ (п. 46).

— Въ начальныхъ отвѣтахъ, данныхъ въ Тульчинѣ *), вы отрицались, что на приготовленіе нижнихъ чиновъ къ возмутительнымъ дѣйствіямъ никого не соглашали, ни сами никакого направленія солдатамъ не давали; но по изысканнымъ открытіямъ извѣстно:

а) что по вступленіи въ командованіе Вятскимъ полкомъ вы оказывали явное послабленіе нижнимъ чинамъ, но во время ожиданія смотра при г. Барѣ, выведя весь полкъ, приказывали бить палками всѣхъ, замѣченныхъ въ ошибкахъ по фронту, и когда удивленные сею перемѣною нѣкоторые офицеры спросили о причинѣ, то вы сказали: «Я хочу дать солдатамъ чувствовать, что чѣмъ далѣе отъ нихъ Государь, тѣмъ начальники къ нимъ снисходительнѣе, но чѣмъ Онъ ближе, тѣмъ имъ хуже»;

б) что послѣ маневровъ 1824 года, когда вы съ Поджіо, Лореромъ, Фохтомъ и Майбородою разсуждали о средствахъ приготовленія солдатъ къ цѣли общества, и когда изъ нихъ Фохтъ предложилъ свое мнѣніе, чтобы, раздѣливъ солдатъ на гласныхъ и безгласныхъ, стараться привязывать къ себѣ первыхъ, а за ними уже не смѣютъ не итти послѣдніе, тогда вы, одобривъ мысль сію, совѣтовали Майбородѣ привесть оную въ исполненіе и

в) сему же Майбородѣ по лѣту 1825 г. вы настоятельно поручали начать приготовленіе роты его и доносить вамъ ежедневно о успѣхѣ; но онъ уклонился отъ исполненія того. Обстоятельства сіи показываютъ, что вы точно имѣли намѣреніе развратить солдатъ своего полка, на который, по словамъ князя Волконскаго, вы много надѣялись.

— Вступая въ командованіе вятскимъ полкомъ, желалъ я довести полкъ кротостью до желаемаго состоянія, но потомъ убѣдился, что сего невозможно по причинѣ закоренѣлой лѣности, въ семъ полку бывшей. Сверхъ того не могъ я по справедливости сначала строгость употреблять, ибо не были солдаты выучены и не имѣли учителей. Посему и поступалъ я такъ, какъ въ тульчинскихъ отвѣтахъ показалъ. Послѣ же смотра въ Барѣ корпуснымъ командиромъ рѣшился я свою манеру обращенія перемѣнить, удостовѣрясь, что такъ какъ всѣ средства и способы даны были солдатамъ къ полнымъ познаніямъ по фрунту, одна ихъ лѣность и нерадивость препятствовали желаемымъ успѣхамъ. Послѣдствія оправдали мое заключеніе. Приведенныя здѣсь слова могъ бы я говорить только члену общества; въ 1823 году не былъ принятъ ни Майборода, ни Старосельскій. Я можетъ быть впослѣдствіи говорилъ, что нижніе члены взоровъ своихъ не распространяютъ далѣе полкового начальства, и что строгость передъ Высочайшимъ смотромъ, усилившаяся во всѣхъ полкахъ отъ стремленія, чтобы все было хорошо, не возбудила мысли у солдатъ, что терпимая

*) См. ниже „Показанія, данныя въ Тульчинѣ“

ими строгость есть послѣдствіе служебнаго направленія, исходящаго отъ Вышняго и Верховнаго начальства, но что они все приписываютъ полковому. Перемѣнилъ же я свое обращеніе потому, что къ оному служебными причинами принужденъ былъ, впослѣдствіи оправдавшими сію перемѣну. Въ то же время, когда въ лагеряхъ ожидался Высочайшій смотръ, все мое вниманіе и стремленіе обращены были единственно на то, чтобы успѣшно смотръ отбыть, и въ то время объ обществѣ мало я и думалъ.

Фохтъ объяснялъ упоминаемое здѣсь мнѣніе, и мы разсуждали, что солдаты послѣдуютъ за тѣмъ начальникомъ, кого лично любятъ, и что дабы на ихъ содѣйствіе и послѣдованіе надѣяться, достаточно ихъ къ себѣ лично привязать, особенно тѣхъ, коихъ Фохтъ называлъ главными. Майборода поѣхалъ въ Москву въ октябрѣ 1824 года и возвратился въ маѣ или началѣ іюня 1825 г. Явившись ко мнѣ, отдалъ онъ мнѣ бумаги по службѣ и разсказалъ о Булгари; объ обществѣ же нашемъ мы тутъ ни слова не говорили. Послѣ того имѣлъ я свои причины быть имъ весьма недовольнымъ и съ того времени весьма сухо съ нимъ обходился, такъ что послѣ его возвращенія ни разу съ нимъ объ обществѣ не говорилъ. Сіе яснымъ служитъ доказательствомъ, сколь несправедливо сіе показаніе Майбороды.

Я въ полку ни солдатъ, ни офицеровъ не развращалъ и, за исключеніемъ Майбороды и Старосельскаго, обходился со всѣми прочими такъ, какъ-будто бы самъ никогда къ тайному обществу не принадлежалъ и никакихъ намѣреній не имѣлъ. Я въ семъ ссылаюсь на всѣхъ начальниковъ, даже на Лорера и наконецъ на самый полкъ, какъ о томъ объяснялъ въ тульчинскихъ отвѣтахъ. Преемникъ мой въ вятскомъ полку увидитъ на дѣлѣ справедливость сихъ словъ моихъ.—Лореръ можетъ также сказать, что я прямой надежды на полкъ не имѣлъ и имѣть не могъ, ибо не таково было мое обращеніе въ полку. Признательно же скажу, что ежели бы я видѣлъ основательное приближеніе времени къ начатію дѣйствія, то конечно бы постарался увѣриться въ полкѣ, но до самаго времени моего арестованія ничего мною по полку для цѣли общества предпринято не было. (Показанія 6 апрѣля, п. 22).

Вопросы объ отдѣльныхъ членахъ Общества.

— Когда, гдѣ и кѣмъ именно былъ принятъ въ тайное общество квартирмейстерской части поручикъ Аврамовъ, въ коихъ сношеніяхъ съ кѣмъ изъ членовъ находился и какое принималъ участіе въ дѣйствіяхъ общества?

— Поручикъ Аврамовъ находился въ сношеніяхъ съ членами общества Тульчинской управы и, сколько мнѣ извѣстно, не принималъ никакого особеннаго участія въ дѣйствіяхъ общества, то-есть никого самъ, кажется, въ общество не принялъ, а только былъ членъ, раздѣляющій образъ мыслей и желающій конституціоннаго правленія. Имѣлъ и я съ нимъ разговоры объ обществѣ, но не болѣе двухъ или трехъ разъ и то разговоръ общій безъ упоминанія о какихъ-либо подробностяхъ. Принятъ онъ въ общество въ 1823 году поручикомъ Крюковымъ 2.

Всѣ вообще молодые офицеры квартирмейстерской части главнаго штаба 2 арміи находились довольно долгое время въ Немировѣ при окончаніи карты Подольской съемки. Между ими былъ и Крюковъ 2. Черезъ него пріобщены къ обществу большая ихъ часть. Но такъ какъ я тогда уже не находился въ Тульчинѣ, то и оставался безъ подробныхъ свѣдѣній, кто изъ нихъ кѣмъ именно принятъ изъ нихъ же. Сіе показаніе относится къ нимъ всѣмъ. Члены же Тульчинской управы наименованы мною въ отвѣтахъ моихъ на тетрадь вопросныхъ пунктовъ. Свитскіе офицеры наиболѣе были въ сношеніяхъ между собою (отдѣльный вопросъ 19 марта; дѣло № 425).

— Комитету извѣстно, что вы поручали подпоручику Лихареву писать различныя статьи въ духѣ общества и между прочимъ о военныхъ поселеніяхъ и что подобное порученіе сдѣлано отъ васъ свитскимъ офицерамъ 2 арміи о составленіи плана, по которому можно было бы образовать часть квартирмейстерскую. Поясните, какія именно сочиненія были написаны для васъ Лихаревымъ и другими свитскими офицерами, и какое сдѣлано изъ оныхъ употребленіе?

— Лихаревъ самъ предложилъ составить записку о всѣхъ замѣчательныхъ происшествіяхъ, случившихся въ военныхъ поселеніяхъ Харьковской и Херсонской губерній; однакоже, онъ сей записки не кончилъ и я оной не видалъ.

Свитскимъ офицерамъ и въ особенности старшему Бобрищеву-Пушкину поручилъ я составить записку о состояніи квартирмейстерской части съ присовокупленіемъ предположенія о ея усовершенствованіи. Сія записка не была составлена и я оной не видалъ (показаніе 6 апрѣля, п. 25).

— Упоминаемый въ прежнемъ показаніи вашемъ полковникъ Хотяинцевъ вами ли только или, какъ онъ говоритъ, вмѣстѣ съ генераломъ Кальмомъ принятъ въ тайное общество? При свиданіи же съ нимъ, Хотяинцевымъ, въ Кіевѣ въ 1823 году вы сказывали ли ему, что общество продолжается и далъ ли онъ вновь согласіе принадлежать оному?

— Полковникъ Хотяинцевъ былъ принятъ въ общество г.-м. Кальмомъ, а потомъ со мною, какъ членъ, ознакомленъ. Въ Кіевѣ 1823 года я ему сказывалъ о продолженіи общества и онъ далъ свое согласіе о принадлежаніи къ оному. Послѣ того онъ чаще видѣлся съ Сергѣемъ Муравьевымъ (показанія 19 января, п. 1).

— Принадлежали ли къ Тайному Обществу поручики Бобрищевы-Пушкины 1-й и 2-й и штабъ-лѣкарь Вольфъ, о коихъ въ прежнемъ показаніи вы ничего не упоминаете, гдѣ и кѣмъ именно были приняты какъ Пушкины и Вольфъ, такъ названные вами въ числѣ членовъ общества 5-й роты капитанъ Пыхачевъ и командиръ артиллерійской роты—подполковникъ Фроловъ 4-й?

— Вольфъ принятъ мною, а Пушкины въ Тульчинѣ, но кѣмъ именно не знаю, ибо сіе случилось, когда меня уже въ Тульчинѣ болѣе не было. Я былъ уже въ полку. Пыхачевъ и Фроловъ приняты Сергѣемъ Муравьевымъ и Бестужевымъ-Рюминымъ (показанія 19 января, п. 3).

— Сказывали вы нѣкоторымъ членамъ, что Южное общество весьма много обязано полковнику Бурцову, оказавшему услугу тѣмъ, что когда при пересмотрѣ въ Главномъ Штабѣ 2 арміи бумагъ, отобранныхъ 32 Егерскаго полка у маіора Раевскаго, нечаянно упалъ со стола списокъ членамъ тайнаго общества, то Бурцовъ, сіе замѣтившій, тихонько поднялъ оный съ полу, измялъ въ рукѣ, и положилъ въ мундирный рукавъ, а послѣ сжегъ. Отвѣчайте: точно ли такъ сіе случилось?

— Я о семъ происшествіи слышалъ въ томъ же видѣ, какъ оно здѣсь писано, отъ Юшневскаго, доктора Вольфа и полковника Аврамова, которые въ 1822 году, когда Раевскаго дѣло началось, имѣли свое пребываніе въ Тульчинѣ, а я былъ тогда уже при полку (показанія 13 января, п. 52).

— Подобно сему, когда одинъ изъ членовъ вопросилъ васъ, не принадлежитъ ли къ обществу генералъ криксъ-коммисаръ Путята, то вы отвѣчали, что нѣтъ, а вотъ его служащій по квартирмейстерской части—вашъ т. е. членъ общества, поясните и о семъ обстоятельствѣ съ откровенностію?

— О принятіи въ Петербургѣ въ общество молодого Путяты, находившагося, ежели не ошибаюсь, адъютантомъ при генералъ-адъютантѣ Закревскомъ, слышалъ я отъ одного изъ членовъ, прибывшихъ изъ Петербурга, но сіе пріобрѣтеніе столь мнѣ казалось маловажнымъ, что я на оное весьма малое обратилъ вниманіе; и потому въ точности никакъ опредѣлить не могу, кто мнѣ о томъ сказывалъ, но кажется, что я о томъ слышалъ или отъ князя Волконскаго, бывшаго въ Петербургѣ въ концѣ 1824 года, или отъ Бестужева, который оное слышать могъ отъ князя Трубецкого. Впрочемъ, это суть только догадки и я вторично объясняю, что никакой нѣтъ возможности, при всемъ искренномъ желаніи, съ точностію всѣ тѣ мелочи помнить, которыя происходили въ обществѣ въ теченіе цѣлыхъ девяти лѣтъ его существованія (показанія 13 января, п. 53).

— Сверхъ того объясните: принадлежитъ ли къ Южному Обществу, или, не бывъ членомъ, содѣйствуетъ ли намѣреніямъ онаго и въ чемъ именно служащій при генералъ-интендантѣ Юшневскомъ 7 класса Гене?

— Гене обществу не принадлежалъ и ни въ чемъ оному не содѣйствовалъ (то же, п. 54).

— Комитету извѣстно, что Тульчинская директорія не позволяла принимать въ общество генераловъ безъ особеннаго ея разрѣшенія и что въ 1825 году она отклонила принятіе одного приготовленнаго уже генерала. Поясните, кто былъ сей готовый, но не принятый въ общество генералъ, кромѣ графа Витта?

— Готоваго къ принятію генерала кромѣ графа Витта не было никого, сколько мнѣ извѣстно, и правила не существовало, чтобы генераловъ не принимать безъ разрѣшенія директоріи. Поводомъ же къ сему показанію служило, полагаю я, слѣдующее: Давыдовъ или кн. Волконскій, не помню навѣрно, который изъ двухъ, сообщилъ директоріи слышанное имъ отъ Сергѣя Муравьева и Бестужева-Рюмина, что полковникъ Враницкій имъ предла-

галъ стараться о приготовленіи генерала Ридигера, съ коимъ онъ давно знакомъ. Не имѣя достаточно довѣренности въ сужденіи Враницкаго о генералѣ Ридигерѣ, было дано знать отъ директоріи, чтобы они сего дѣйствія не предпринимали, потому что навѣрно въ своихъ ожиданіяхъ ошибутся. Такъ дѣло сіе и кончилось (показанія 6 апрѣля, п. 28).

— Комитету извѣстно, что въ Кіевѣ на контрактахъ 1823 года былъ революціонный обѣдъ, на которомъ присутствовали до 30 полковниковъ и до 5 генераловъ, и что вы находились въ числѣ первыхъ изъ нихъ. Поясните, у кого былъ обѣдъ сей, кто именно тутъ присутствовалъ и что происходило въ такомъ значительномъ избраніи революціонистовъ?

— Сей обѣдъ происходилъ у Василья Давыдова и на ономъ находились полковники: Швейковскій, Тизенгаузенъ и Враницкій, князь Барятинскій, Лихаревъ и я. На короткое время заходили оба Поджіо и князь Волконскій, а также и генералъ Александръ Давыдовъ. Послѣ обѣда пришелъ генералъ Орловъ. Замѣчательнаго на семъ обѣдѣ ничего не происходило и даже мало было разговоровъ объ обществѣ по причинѣ людей и посѣщенія генерала Давыдова, хотя и приходилъ онъ на короткое время. Во время присутствія генерала Орлова завелся съ нимъ разговоръ Политической Теоріи, но не объ обществѣ и не о революціонныхъ предметахъ (показанія 6 апрѣля, п. 23).

— Комитету достовѣрно извѣстно, что года съ полтора тому назадъ, когда Вятскій пѣхотный полкъ проходилъ чрезъ Гайсинъ, то въ сіе время на квартирѣ вашей замѣченъ былъ старикъ съ бѣлыми волосами, который очень долго съ вами работалъ и вмѣстѣ съ нимъ вы писали какіе-то іероглифы; но коль скоро вошелъ исправникъ, то вы работу свою прекратили, и означенный старикъ послѣ того отправился въ Николаевъ. Объясните откровенно, кто именно былъ тотъ сѣдовласый старикъ, который работалъ съ вами въ Гайсинѣ, что именно вы съ нимъ писали и какіе іероглифы были предметомъ вашей работы? у кого оные изъ васъ двухъ остались? куда и зачѣмъ старикъ сей отправился изъ Гайсина и гдѣ онъ теперь находится?

— Я съ Вятскимъ полкомъ не проходилъ чрезъ Гайсинъ, и въ Гайсинѣ бывалъ только проѣздомъ, останавливаясь на почтѣ для перемѣны лошадей. Сверхъ того былъ я разъ въ Гайсинѣ у генералъ-маіора Берхмана и другой разъ у полковника Бурцова. Съ сѣдовласымъ же старикомъ никогда не видался и іероглифовъ съ нимъ не составлялъ. Ничего даже не могу придумать, что бы служить могло поводомъ къ сему показанію (показанія 15 апрѣля, п. 1).

5. Сношенія Южнаго Общества съ Сѣвернымъ.

— Какого рода были тѣ предложенія, кои были сдѣланы Сѣверному обществу отъ Южнаго посредствомъ васъ, князя Сергѣя Волконскаго, Василія Давыдова и полковника Швейковскаго? Когда и какіе получены были отзывы, и почему вы утверждаете, что общества сіи тотчасъ соединились между собою?

— Я утверждалъ, что Сѣверное и Южное общество составляютъ одно потому, что они оба суть продолженіе Союза Благоденствія, что въ самой начальной перепискѣ съ Никитою Муравьевымъ мы себя признавали за одно общество, что оба округа имѣли твердое намѣреніе не иначе дѣйствовать, какъ вмѣстѣ, что когда я былъ въ 1824 году въ Петербургѣ, то отъ всѣхъ членовъ слышалъ, что никогда не считали иначе наши два округа, какъ отдѣленія одного и того же общества, и что всѣ сѣверные члены, прибывавшіе въ Южный Округъ, были всегда изъ Петербурга къ намъ адресованы, какъ наши члены, и точно также нами были принимаемы.

Полковнику Швейковскому, ѣздившему въ Петербургъ, никакого порученія не было дано. Князь Сергѣй Волконскій и Василій Давыдовъ ѣздили по своимъ дѣламъ и при семъ случаѣ имѣли порученіе сообщить о происходящемъ у насъ и освѣдомиться о происходящемъ у нихъ. Отзывы, чрезъ нихъ полученные, состояли въ томъ, что у нихъ дѣла идутъ своимъ чередомъ, что число членовъ по возможности умножается и что особеннаго происшествія никакого не случилось. Я ѣздилъ въ Петербургъ по своимъ же дѣламъ, видѣлся съ членами и имѣлъ съ ними разговоры объ обществѣ, о членахъ и преимущественно о необходимости рѣшить окончательнымъ образомъ всѣ подробности цѣли, дабы перестать ходить въ туманѣ. Разговаривали и опять разъѣхались (показанія. 13 января, п. 32).

— На вопросъ о сношеніяхъ, какія Южное общество имѣло съ Сѣвернымъ, вы отозвались, что князь Волконскій, Давыдовъ и вы сами, ѣздивши въ Петербургъ по дѣламъ своимъ, видѣлись съ тамошними членами, поговорили—и разъѣхались, но умалчиваете, какъ о томъ, въ чемъ состояли взаимные переговоры ваши, такъ и о князѣ Барятинскомъ, имѣвшемъ отъ васъ порученіе, подобно Волконскому и Давыдову.

Между тѣмъ, изъ показаній князя Волконскаго, Давыдова, Сергѣя и Матвѣя Муравьевыхъ, князя Барятинскаго, подполковника Поджіо и Бестужева-Рюмина извѣстно:

1) Что князь Барятинскій, бывшій въ Петербургѣ въ 1823 году, имѣлъ отъ васъ къ Никитѣ Муравьеву письмо, которымъ, извѣщая о послѣднихъ предположеніяхъ Южнаго Общества (республика и истребленіе Императорской фамиліи), вы требовали отъ него рѣшительнаго увѣдомленія: какія пріобрѣтены успѣхи въ пріемѣ членовъ, на какія силы Сѣверное общество надѣется, отвѣчаетъ ли Муравьевъ за оныя и будутъ ли готовы къ начатію дѣйствій по первому вашему требованію? Муравьевъ, медлившій отвѣтомъ на сіе, говорилъ младшему Поджіо: «на Югѣ Богъ знаетъ что затѣваютъ—хотятъ всѣхъ», однакоже, по настоянію Барятинскаго, писалъ вамъ тогда же съ нимъ. 2) Что князь Волконскій и Давыдовъ также имѣли отъ васъ письма къ Никитѣ Муравьеву, и доставили къ вамъ на оныя отвѣты его. По словамъ ихъ, цѣль сношеній съ Муравьевымъ была соединеніе Сѣвернаго и Южнаго обществъ. 3) Что Волконскій, узнавъ отъ князя Оболенскаго о успѣхѣ Сѣвернаго общества въ приготовленіи нижнихъ

чиновъ многихъ гвардейскихъ полковъ къ цѣли его, передалъ сіе Тульчинской Директоріи. 4) Что по увѣренію князя Волконскаго предсѣдатели Сѣверной управы (въ бытность вашу въ Петербургѣ), хотя не явно для всѣхъ членовъ, но рѣшительно положили дѣйствовать единодушно съ обществомъ Южнымъ. 5) Что по словамъ его же, князя Волконскаго, и подполковника Поджіо, Сѣверная управа (во время бытности вашей въ Петербургѣ въ 1824 году) приняла преступное предположеніе Южнаго общества, въ Кіевѣ начатое, а въ Каменкѣ у Давыдова утвержденное въ 1823 году, о введеніи республиканскаго правленія силою и о истребленіи всей Императорской фамиліи. 6) Что по возвращеніи вашемъ изъ Петербурга въ 1824 году вы удостовѣрительно разсказывали младшему Поджіо, Лореру и Майбородѣ: а) что хотя въ сношеніяхъ вашихъ съ сѣверными членами и много встрѣтили сопротивленія, но, наконецъ, вы успѣли согласить ихъ на всѣ свои предположенія, ударивъ по столу рукою и сказавъ имъ рѣшительно: «такъ будетъ же республика» и b) что хотя также много спорили въ Петербургѣ противъ написанной вами Русской Правды, а нѣкоторые не соглашались на покушеніе противъ жизни Императрицы Елисаветы Алексѣевны, но силою доводовъ своихъ вы убѣдили сѣверныхъ членовъ принять вашу Конституцію и согласиться на все безъ изъятія, и что Никита Муравьевъ долженъ былъ сжечь Конституцію, имъ написанную.

Здѣсь объясните съ полнымъ чистосердечіемъ:

а) Въ чемъ именно заключались письма ваши къ Никитѣ Муравьеву, посыланныя съ Волконскимъ, Давыдовымъ и Барятинскимъ, и какого содержанія были привезены ими отвѣты Муравьева, а Волконскимъ отъ кн. Оболенскаго? б) Когда, гдѣ и кто именно изъ членовъ Сѣвернаго общества приняли предположенія Южнаго общества о введеніи въ государствѣ республики и о истребленіи всей Императорской фамиліи и были ли со стороны ихъ извѣщены о томъ всѣ прочіе? в) Подобно сему, кто именно изъ предсѣдателей Сѣверной Управы рѣшительно условился съ вами дѣйствовать единодушно, какія между вами предназначены мѣры къ началію дѣйствій и гдѣ должны были оныя открыться? г) Кто изъ сѣверныхъ членовъ оспаривалъ введеніе Русской Правды, и кто не соглашался на покушеніе противъ жизни Императрицы Елизаветы Алексѣевны? д) Гдѣ именно происходило то совѣщаніе, въ которомъ вы, ударивъ по столу, сказали рѣшительно «такъ будетъ же республика», и кто изъ сѣверныхъ членовъ тутъ присутствовалъ? е) Кромѣ письма, посланнаго съ Давыдовымъ къ Муравьеву, какія именно еще поручены были ему отъ васъ бумаги?

— Первое мое письмо къ Никитѣ Муравьеву, посланное съ княземъ Волконскимъ, ничего не заключало особеннаго. Я его просилъ быть откровеннымъ съ княземъ Волконскимъ и сообщить намъ о своихъ дѣйствіяхъ. Съ отвѣтомъ отъ Муравьева привезъ князь Волконскій начатую Муравьевымъ конституцію, о которой говорилъ онъ мнѣ въ письмѣ своемъ, что пишетъ ее въ монархическомъ смыслѣ, ради вновь вступающихъ членовъ: comme

un rideau derrière lequel nous formerons nos colonnes, прибавляя, что онъ самъ лично остается тѣмъ же приверженцемъ республиканскаго правленія, каковымъ былъ и прежде*). Въ февралѣ мѣсяцѣ 1823 писалъ я съ Давыдовымъ къ Никитѣ Муравьеву предлинное письмо, въ которомъ оспаривалъ разные пункты его конституціи и предлагалъ главныя черты своей. Наконецъ, когда князь Барятинскій ѣхалъ въ Петербургъ въ 1823 году въ іюнѣ мѣсяцѣ, я находился въ Липовцѣ съ ротою для встрѣчи г. Главнокомандующаго, передъ которымъ ѣхалъ Барятинскій. А по сему и успѣлъ я въ скорости только нѣсколько словъ къ Муравьеву написать. Я его просилъ откровенно говорить съ Барятинскимъ и упрекалъ въ недѣятельности, говоря, что лучше совсѣмъ разойтиться, нежели бездѣйствовать и все-таки опасностямъ подвергаться. Съ Барятинскимъ онъ на лоскуткѣ мнѣ отвѣчалъ, что дѣлаетъ все, что только можно. Къ князю Оболенскому я ни разу не писалъ, но отъ него въ 1824 году получилъ отъ князя Волконскаго письмо, въ которомъ онъ извѣщаетъ, что дѣла идутъ хорошо, что дѣйствуютъ на нижнихъ чиновъ, особенно унтеръ-офицеровъ, и просилъ ускорить присылкою Русской Правды.

Въ бытность мою въ Петербургѣ видѣлся я преимущественно съ тремя директорами. Никита Муравьевъ мнѣ тутъ говорилъ, какъ и прежде писалъ, доставляя начало своей конституціи, что монархическія формы имъ ей даны, ради вновь вступающихъ членовъ; причемъ отзывался съ сильнымъ негодованіемъ о лицахъ Императорской фамиліи, но вмѣстѣ съ тѣмъ оспаривалъ разныя статьи моего конституціоннаго предположенія. Оболенскаго, имѣвшаго прежде еще сношенія съ Матвѣемъ Муравьевымъ, нашелъ я болѣе всѣхъ на республику согласнымъ. Трубецкой рѣшительнаго образа мыслей не показывалъ: то былъ согласенъ на республику, то опять оспаривалъ ее. Нарышкина видѣлъ я только одинъ разъ у кн. Оболенскаго, и онъ такъ мало говорилъ, что настоящій его образъ мыслей остался мнѣ неизвѣстнымъ. Съ Рылѣевымъ видѣлся я только одинъ разъ и говорили про одно только раздѣленіе земель. Съ Тургеневымъ имѣлъ я также только одно свиданіе, и предметъ разговора былъ раздѣленіе земель, противъ котораго онъ спорилъ, но впрочемъ былъ въ республиканскомъ образѣ мыслей. Съ Краснокутскимъ видѣлся я раза два, и мы все время разсуждали о республикѣ и объ объявленіи новаго порядка вещей черезъ сенатъ. Вадковскій, Поливановъ, Свистуновъ, Анненковъ (всѣ четверо кавалергардскіе офицеры) и артиллерійскій Кривцовъ были со мною ознакомлены чрезъ Матвѣя Муравьева и находились въ полномъ революціонномъ и республиканскомъ духѣ.

За всѣми сими разногласіями и по опыту частой перемѣнчивости членовъ долженъ былъ я заключить, что ни цѣль, ни средства въ ихъ мнѣніяхъ не имѣютъ единства, а слѣдовательно, что сіи два предмета, какъ я прежде говорилъ, не дошли еще до созрѣлости. Условіе о единодушномъ дѣйствіи было заключено со всѣми тремя директорами, причемъ замѣчались нѣкоторые оттѣн-

*) Очная ставка съ Никитою Муравьевымъ по этому пункту см. выше въ § 3-мъ, въ ряду очныхъ ставокъ о засѣданіи въ квартирѣ Глинки.

ки: единодушнѣе всѣхъ съ кн. Оболенскимъ, а менѣе всѣхъ съ Никитою Муравьевымъ. Съ Трубецкимъ говорили между прочимъ, что ежели не республика будетъ принята, то избрать Александра Николаевича въ императоры при регентствѣ. Со всѣми же тремя положено было, что ежели они найдутся въ необходимости дѣйствіе начать, то мы ихъ должны поддержать и обратно они насъ. Если же необходимости не встрѣтится, то передъ приступомъ къ дѣйствію долженствовало предшествовать взаимное соглашеніе, по которому и рѣшится тогда, гдѣ, какъ и что дѣлать. При семъ было говорено и объ объявленіи черезъ сенатъ новаго порядка вещей. О сообщеніи ими сего заключенія прочимъ членамъ остался я въ безвѣстности, но сказывали они, что оное будетъ сдѣлано.

Прежде еще пріѣзда моего былъ Никита Муравьевъ принужденъ сжечь свою конституцію и онъ же спорилъ наиболѣе противъ моей, особенно противъ избирательной системы и раздѣленія земель. Трубецкой спорилъ преимущественно противъ Временнаго Правленія. Русская Правда не была тогда еще начата, и я тутъ вознамѣрился ее написать; къ чему особенно меня приглашали кн. Оболенскій и Матвѣй Муравьевъ. Тогда же началъ я краткія ея начертанія.

Что же касается до того, кто не соглашался на покушеніе противъ жизни Государыни Императрицы Елисаветы Алексѣевны, то сколько себѣ не припоминаю, и сколько бы не желалъ припомнить, но никакъ не могу придумать не только, кто этотъ былъ, но даже и чтобы о томъ была рѣчь. И потому не смѣшиваетъ ли членъ, сіе показывающій, это обстоятельство съ тѣмъ случаемъ, что Глинка въ 1820 году предлагалъ Государыню Императрицу Елисавету Алексѣевну, а не республику.

У Оболенскаго на квартирѣ съѣхались къ нему Трубецкой, Никита и Матвѣй Муравьевы, Нарышкинъ и я. Главнымъ предметомъ разговора было Временное Правленіе, противъ котораго говорили наиболѣе Трубецкой, а также и Никита Муравьевъ. Они много горячились, а я все время былъ хладнокровенъ до самаго конца, какъ ударилъ рукою по столу и всталъ, но не произнося сказанныхъ словъ, ибо въ то именно время происходило разногласіе о Временномъ Правленіи. Говорили и о прочихъ предметахъ, но ничего не положили на мѣру; и потому доносилъ я комитету, что разговаривали и разъѣхались.

Содержаніе письма моего, къ Никитѣ Муравьеву чрезъ Давыдова посланнаго, имѣлъ я честь комитету въ началѣ сего пункта объяснить. Другая же бумага, которую имѣлъ Давыдовъ, была краткое начертаніе Русской Правды, написанное на французскомъ языкѣ рукою Сергѣя Муравьева. Онъ ее взялъ, дабы показать графу Полиньяку съ тѣмъ, чтобы сей, имѣвъ о ней свѣдѣніе, могъ извѣстить насъ, находится ли сходство у нея съ французскими предначертаніями, и даже о ней говорить во Франціи, если сойдется съ французскимъ тайнымъ обществомъ (показанія 6 апрѣля, п. 18).

— Комитету извѣстно, что подполковникъ Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ по порученію же Южнаго Общества весьма продолжи-

тельно жилъ въ Петербургѣ (1823 и 1824) и находился въ непрерывныхъ сношеніяхъ какъ съ членами Сѣвернаго общества, такъ и съ пріѣзжавшими туда южными. Поясните: какія имѣлъ онъ порученія отъ Южной Директоріи, съ кѣмъ изъ Сѣверныхъ членовъ какіе производилъ переговоры и какіе пріобрѣлъ онъ тамъ успѣхи въ дѣлѣ, на него возложенномъ?

— Порученіе, Матвѣю Муравьеву данное, состояло въ содержаніи связи между Южнымъ и Сѣвернымъ округами, въ совмѣстномъ дѣйствіи и пріобрѣтеніи членовъ. Наиболѣе онъ имѣлъ сношеній съ тремя директорами и съ членами, въ предыдущемъ пунктѣ мною названными, а подъ конецъ особенно съ Оболенскимъ. Успѣховъ пріобрѣлъ онъ очень мало. Все сіе относится до времени прежде моего пріѣзда въ Петербургъ и во время пребыванія. Но что онъ дѣлалъ послѣ отъѣзда моего, о томъ онъ ничего мнѣ не сообщалъ ни самъ, ни чрезъ другихъ. А писалъ нѣсколько разъ ко мнѣ съ одними увѣреніями въ своей преданности къ обществу и его цѣли (то же п. 19).

— Князь Трубецкой показываетъ, что въ послѣднюю бытность въ Петербургѣ вы уговаривали его войти третьимъ членомъ въ главное управленіе съ тѣмъ, что такъ какъ Юшневскій мало занимается дѣлами, то онъ, Трубецкой, и вы будете дѣйствующими, но въ этомъ случаѣ Трубецкой долженъ былъ дать клятву дѣлать все, что товарищъ захочетъ, и повиноваться одинъ другому не связывая. Рылѣевъ же и младшій Поджіо поясняютъ, что сѣверные члены, отвергая Русскую Правду, опасались честолюбивыхъ ващихъ видовъ, или стремленія къ диктаторству, ибо вы требовали отъ нихъ слѣпого повиновенія одному Директору. Объясните: что побуждало васъ къ приведенному выше соглашенію князя Трубецкого? и дѣйствительно ли вы требовали отъ сѣверныхъ членовъ того слѣпого повиновенія, о которомъ говорятъ Рылѣевъ и Поджіо?

— Я говорилъ князю Трубецкому, что Южная Директорія состоитъ изъ двухъ членовъ, которые не клятву дали, но взаимно другъ друга разрѣшили (поелику въ разныхъ мѣстахъ находятся) дѣйствовать въ случаяхъ, нетерпящихъ отлагательства, именемъ директоріи безъ предварительнаго между собою сношенія, въ полной увѣренности, что другой членъ подтвердитъ его дѣйствіе и что при составленіи одной общей директоріи таковыя же отношенія и взаимныя разрѣшенія (а не клятвы) могли бы съ пользою установиться и между южнымъ и сѣвернымъ отдѣленіями директоріи. Одна общая директорія придала бы болѣе связности и единодушія обществу, а упоминаемое взаимное разрѣшеніе необходимо бы было для хода общества, ибо за отдаленностью не было бы возможности ожидать случая для сношенія.

Я никогда не требовалъ отъ сѣверныхъ членовъ слѣпого повиновенія одному директору, а предлагалъ имъ составить одну общую директорію. Они отозвались, что южные директоры назначены непремѣнные, а сѣверные на три года, и потому по окончаніи сихъ трехъ лѣтъ можно будетъ приступить къ составленію одной общей директоріи. Южный округъ имѣлъ уже двухъ непре-

мѣнныхъ директоровъ, слѣдовательно, по одной сей уже причинѣ не могъ я предлагать для всего общества только одного. Слѣпого повиновенія я также никогда не требовалъ, но говорилъ, что надобно единство въ дѣйствіи и порядокъ въ устройствѣ общества. Ихъ же директоры жаловались, что нѣтъ достаточнаго порядка за неимѣніемъ должнаго вліянія у директоріи надъ членами. Честолюбія моего напрасно они опасались, если справедливо, что имѣли сіе опасеніе, по словамъ Рылѣева и Поджіо, ибо отклоненіе себя отъ главныхъ должностей и намѣреніе по окончаніи революціи удалиться отъ свѣта не суть черты честолюбца. О семъ же самъ Поджіо показываетъ (то же п. 17).

— Бестужевъ-Рюминъ, по порученію вашему, сообщалъ князю Трубецкому, что вы на него полагаетесь, что онъ конечно въ Петербургѣ все приготовитъ, а вы начнете дѣйствія свои въ слѣдующемъ году (1826), къ чему побуждаютъ васъ изъ Петербурга князь Оболенскій, а изъ Москвы Нарышкинъ, которые къ Вамъ писали, что у нихъ дѣла идутъ хорошо и они ждутъ только возстанія вашего, чтобы оному содѣйствовать.

Объясните: когда именно и чрезъ кого вы получили означенныя письма отъ Оболенскаго и Нарышкина? въ какомъ точно видѣ они представляли вамъ состояніе Петербургскаго и Московскаго обществъ и что вы имъ на сіе отвѣтствов ли?

— Князь Оболенскій писалъ ко мнѣ только одинъ разъ чрезъ кн. Волконскаго въ концѣ 1824 года и объ этомъ письмѣ я имѣлъ честь объяснять комитету въ 18 пунктѣ своихъ отвѣтовъ. Я же къ нему ни разу не писалъ. Полковникъ Нарышкинъ никогда ко мнѣ не писалъ; а получилъ отъ него письмо Лореръ, чрезъ почту. Про сіе письмо говорилъ мнѣ Лореръ, что онъ изъ нѣкоторыхъ словъ заключаетъ, что дѣла общества идутъ хорошо въ Москвѣ. Я спрашивалъ Бестужева, не имѣютъ ли они изъ Москвы какихъ-нибудь извѣстій положительныхъ, изъ коихъ было можно заключить о словахъ письма Нарышкина къ Лореру.

Вотъ все. А Бестужевъ, повидимому, перетолковавъ сіи два письма своимъ манеромъ, вывелъ изъ нихъ то заключеніе, которое моимъ именемъ передалъ кн. Трубецкому (то же, п. 32).

Очная ставка съ В. Л. Давыдовымъ.

1826-го года мая 12 дня въ присутствіи Высочайше утвержденнаго комитета, по разнорѣчію въ показаніяхъ, дана очная ставка полковнику Пестелю съ полковникомъ Давыдовымъ, изъ коихъ первый, на вопросъ, какія бумаги посылалъ онъ съ Давыдовымъ въ Петербургъ, показывалъ, (см. выше) что, кромѣ письма къ Никитѣ Муравьеву, Давыдовъ имѣлъ отъ него краткое начертаніе Русской Правды, написанное на французскомъ языкѣ рукою Сергѣя Муравьева. Бумагу сію онъ взялъ, дабы показать графу съ тѣмъ, чтобы онъ, имѣвъ о ней свѣдѣніе, могъ извѣстить Южное общество, находится ли сходство у нея съ французскими предначертаніями, и даже о ней говорить во Франціи, если сойдется съ французскимъ тайнымъ обществомъ.

Напротивъ же того полковникъ Давыдовъ отрицаетъ: 1-е, что, кромѣ писемъ, никакихъ бумагъ съ собою не имѣлъ и графу Полиньяку не давалъ для сообщенія французамъ; 2-е, что въ первую поѣздку его въ Петербургъ Полиньякъ не принадлежалъ еще къ обществу, а въ другую кажется не было уже его въ Россіи; 3-е, что онъ, дѣйствительно, имѣлъ у себя нѣсколько времени сіе извлеченіе Сергѣя Муравьева, и что, можетъ быть, и давалъ читать графу Полиньяку (что даже очень вѣроятно), но это было въ деревнѣ, а не въ Петербургѣ, гдѣ онъ, Давыдовъ, не видалъ его съ 1815 года; и 4-е, что извлеченіе сіе возвращено имъ уже давно Сергѣю Муравьеву.

Полковникъ Пестель прежде очной ставки объяснилъ, что онъ и собственное показаніе сдѣлалъ въ томъ самомъ смыслѣ, какъ говоритъ полковникъ Давыдовъ (дѣло № 400).

Очная ставка съ Н. М. Муравьевымъ.

1826-го года мая 2 дня въ присутствіи Высочайше учрежденнаго Комитета, по разнорѣчію въ показаніяхъ, дана очная ставка капитану Муравьеву съ полковникомъ Пестелемъ въ томъ, что первый утвердительно показываетъ, что когда Пестель въ бытность свою въ Петербургѣ въ 1824 году зашелъ къ нему, то у нихъ началось преніе о конституціи. Онъ, Муравьевъ, сказалъ, что, кончивъ эту работу, намѣренъ онъ распущать ее повсюду и принимать всѣхъ тѣхъ, кои будутъ соглашаться на оную. Но Пестель возражалъ, что конституціонныя начала должны оставаться тайною управляющихъ обществомъ и не должны быть объявлены для избѣжанія преній, что правленіе общества должно сперва убить членовъ Императорской фамиліи, заставить Святѣйшій Синодъ и Сенатъ объявить оное временнымъ правительствомъ, которое должно быть облечено неограниченною властью; что временное правительство сіе, принявъ присягу отъ Синода, Сената и всей Россіи, раздавъ министерства, арміи корпуса и прочія начальства членамъ Общества, мало-по-малу въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ будутъ постепенно вводить новое образованіе; что между тѣмъ общество будетъ продолжаться, принимать членовъ и что никто, не поступивъ предварительно въ оное, не долженъ быть облеченъ никакою гражданскою или военною властью. На сіе онъ, Муравьевъ, замѣтилъ, что люди, обагренные кровью, будутъ посрамлены въ общемъ мнѣніи, которое не дастъ имъ послѣ того пользоваться похищенною ими властью. Но Пестель возразилъ ему, что избранные на сіе должны находиться внѣ общества, которое послѣ удачи своей пожертвуетъ ими и объявитъ, что оно мститъ за Императорскую фамилію.

Напротивъ того, полковникъ Пестель, сознаваясь, что истребленіе Императорской фамиліи предполагалъ онъ исполнить посредствомъ заговора, составленнаго изъ членовъ внѣ общества, и что, по совершеніи сего, должно было, по мнѣнію его, заставить Синодъ и Сенатъ издать два манифеста, первый отъ Синода всему народу русскому о присягѣ временному правленію, и второй отъ Сената, долженствовавшій дать понятіе народу, что времен-

ное правленіе обязывалось вводить (un cadre en grand de la constitution), прибавленіемъ къ коему предполагалъ онъ Русскую Правду,—присовокупляетъ, что на счетъ назначенія директоровъ членами временнаго правленія положительнаго мнѣнія онъ не имѣлъ и точнаго предположенія не дѣлалъ, а готовъ былъ съ своей стороны согласиться на то, что прочіе пожелаютъ. Дѣлая же различныя предположенія, могъ и оное говорить.

На сей очной ставкѣ подтвердили: капитанъ Муравьевъ по первому пункту объяснилъ, что онъ можетъ быть не понялъ мысли полковника Пестеля, не желавшаго распространять понятія о цѣли общества между людьми, въ томъ не состоящими; остальные же два пункта подтвердилъ. Полковникъ Пестель, отвергнувъ показаніе капитана Муравьева, объяснилъ, что всѣ дѣйствія его по южному округу служатъ тому доказательствомъ, и что хотя, по мнѣнію его, истребленіе Императорской фамиліи должны были производить люди, внѣ общества состоящіе, однако, онъ никогда не полагалъ ими пожертвовать по исполненіи, дабы очистить общество въ глазахъ народа (дѣло № 336).

6. Планы революціи.

— Въ чемъ именно заключались всѣ различныя и въ разныя времена предположенныя цѣли или намѣренія, и мѣры къ исполненію ихъ со стороны сѣвернаго и южнаго обществъ, и когда, въ какихъ мѣстахъ полагалось начать открытыя дѣйствія? (3-й пунктъ вопросовъ 13 января) *).

— Насчетъ времени и образа приведенія въ исполненіе намѣреній тайнаго общества много было различныхъ мнѣній и толковъ. Главнѣйшее мнѣніе состояло въ слѣдующемъ: во-первыхъ, надлежало рѣшить въ подробности, какой новый образъ правленія общество желаетъ, ибо ежели не будетъ сіе твердымъ образомъ постановлено, то легко родиться могутъ партіи и разныя козни: сего однако же до сихъ поръ сдѣлано въ обществѣ не было. Во-вторыхъ, надлежало обществу усилить число своихъ членовъ до таковаго количества, чтобы можно было посредствомъ членовъ ввести образъ мыслей Союза въ общее мнѣніе, и намѣренія Союза какъ можно болѣе передать въ общее желаніе, дабы общее мнѣніе революціи предшествовало; а вмѣстѣ съ тѣмъ, дабы членовъ Союза такъ по всему государству распространить, чтобы чрезъ нихъ можно было не только повсюду пресѣчь всякое сопротивленіе, но даже вездѣ устроить содѣйствіе, когда бы революція началась. Общество еще далеко было отъ таковаго положенія своихъ дѣлъ, ибо еще было весьма слабо. Въ третьихъ, наконецъ, приступая къ самой революціи, надлежало произвести оную въ Петербургѣ, яко средоточіи всѣхъ властей и правленій, а наше дѣло въ арміи и губерніяхъ было бы признаніе, поддержаніе и содѣйствіе Петербургу. Въ Петербургѣ же могло бы оное произойти возстаніемъ гвардіи, а также и флота, отправленіемъ особъ императорской фамиліи въ чужіе краи, исключая покойнаго государя,

*) 1-я половина отвѣтовъ на этотъ пунктъ помѣщена выше въ § 3, соотвѣтственно ея содержанію.

созваніемъ сената, дабы чрезъ него обнародовать новый порядокъ вещей, порученіемъ временному правленію оный ввести, или созваніемъ чрезъ сенатъ же народныхъ депутатовъ утвердить конституцію. Ежели-бы монархическое правленіе было выбрано, то временное правленіе составляло бы регентство, а Александръ Николаевичъ былъ бы признанъ императоромъ.

Изъ объясненія сего плана видно, что оный требовалъ еще много времени; и потому соединялось съ онымъ предположеніе, что удобно будетъ революцію начать послѣ естественной кончины государя императора Александра Павловича, коего смерти никто такъ скоро не ожидалъ. Впрочемъ, время начатія долженствовало опредѣлиться преимущественно обстоятельствами и силою общества, въ каковомъ случаѣ и насильственная смерть покойнаго государя могла оказаться надобною; но сіе только въ крайнемъ случаѣ, ибо охотнѣе дождались бы собственной его смерти, развѣ опасности общества при силѣ онаго и обстоятельства не позволили бы медлить. Вотъ образъ дѣйствія, о которомъ болѣе всего говорено было и съ которымъ всѣ члены общества, какъ въ южномъ, такъ и въ сѣверномъ округѣ, были согласны. Ежели о чемъ еще спорили, то единственно объ образѣ введенія новаго порядка: чрезъ временное ли правленіе, чрезъ соборъ ли депутатовъ, и тому подобное; но всѣ говорили, что революція не можетъ начаться при жизни государя императора Александра Павловича и что надобно или смерть его обождать, или рѣшиться оную ускорить, коль скоро сила и обстоятельства общества того требовать будутъ. Въ семъ точно поистинѣ были всѣ согласны.

Но справедливость требуетъ также и то сказать, что ни одинъ членъ изъ всѣхъ теперешнихъ мнѣ извѣстныхъ не вызывался сіе исполнить; а напротивъ того каждый въ свое время говорилъ, что хотя сіе дѣйствіе, можетъ статься, и будетъ необходимо, но что онъ не приметъ исполненіе онаго на себя, а каждый думалъ, что найдется другой для сего. Да и подлинно большая разница между понятіемъ о необходимости поступка и рѣшимостью оный совершить. Разсудокъ можетъ говорить, что для успѣха такого-то предпріятія нужна смерть такая-то; но еще весьма далеко отъ сего умозаключенія до самаго покушенія на жизнь: человѣкъ не скоро доходитъ до таковаго состоянія или расположенія духа, чтобы на смертоубійство рѣшиться; во всемъ соблюдается въ природѣ постепенность.—Дабы способнымъ сдѣлаться на смертоубійство, тому должны предшествовать не мнѣнія, но дѣянія, изъ всѣхъ же членовъ теперешняго Союза Благоденствія ни одинъ, сколько мнѣ извѣстно, ни въ какихъ отношеніяхъ не оказывалъ злобныхъ качествъ и злостныхъ поступковъ или пороковъ. Посему и твердо полагаю я, что ежели бы государь императоръ Александръ Павловичъ жилъ еще долго, то при всѣхъ успѣхахъ Союза революція не началась бы прежде естественной его смерти, которую бы никто не ускорилъ, несмотря на то, что всѣ бы находили сіе ускореніе можетъ быть полезнымъ для успѣха общества. Сію мысль объясняю я при полной увѣренности въ совершенной ея справедливости.

Другое предположеніе было слѣдующее: начать революцію во время ожиданнаго высочайшаго смотра войскъ 3 корпуса, въ 1826 году. Первое дѣйствіе долженствовало состоять въ насильственной смерти государя императора Александра Павловича. Потомъ изданіе двухъ прокламацій: одну войску, другую народу. Затѣмъ слѣдованіе 3-го корпуса на Кіевъ и Москву съ надеждою, что къ нему присоединятся прочія, на пути его расположенныя, войска безъ предварительныхъ даже съ ними сношеній, полагаясь на общій духъ неудовольствія. Въ Москвѣ требовать отъ сената преобразованія государства. Между всѣми сими дѣйствіями 3 корпуса надлежало всѣмъ остальнымъ членамъ Союза содѣйствовать революціи. Остальной части южнаго округа занять Кіевъ и въ ономъ оставаться. Сѣверному округу поднять гвардію и флотъ, препроводить въ чужіе краи всѣхъ особъ императорской фамиліи и то же сдѣлать требованіе сенату, какъ и 3 корпусъ. Потомъ ожидать отъ обстоятельствъ, что окажется нужнымъ къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ. 3-й корпусъ не требовалъ отъ остальной части южнаго округа никакого содѣйствія въ первоначальномъ дѣйствіи, но чтобы потомъ одинаковыя съ нимъ объявить чувства и намѣренія и завладѣть войскомъ.

Соображая сіе предположеніе съ силою южнаго округа, о коей подробно будетъ объяснено въ 19 пунктѣ, ясно видѣть можно, что сіе предположеніе никакъ не могло быть приведено въ исполненіе, ибо ни въ какомъ отношеніи не обѣщало ни малѣйшаго успѣха. Оно доказывало нѣкоторую нетерпѣливость, которая при сближеніи времени къ исполненію назначеннаго необходимо уступила бы разсудку.

Сіе предложеніе было еще сдѣлано въ 3 корпусѣ въ 1824 году. Я, Юшневскій, Давыдовъ, князь Волконскій и князь Барятинскій сильно тогда спорили противу онаго во время кіевскихъ контрактовъ 1825 года и совершенно оное тогда опровергнули. Во второй половинѣ 1825 года было оно опять возобновлено. А дабы лучше убѣдить въ невозможности оное исполнить, уже и потому, что сѣверный округъ не будетъ въ состояніи дѣйствовать такимъ образомъ, какъ сіе предположеніе отъ него ожидало, далъ я совѣтъ прежде всего обождать вѣрныхъ свѣдѣній о Петербургѣ. Князь Трубецкой ѣхалъ изъ Кіева въ Петербургъ и долженствовалъ привезти сіи свѣдѣнія; но прежде полученія таковыхъ былъ Союзъ открытъ.

Я повторяю, что сіе предположеніе слишкомъ было неосновательно, чтобы не уступить разсудку и не быть совершенно оставленнымъ при сближеніи времени къ его исполненію назначеннаго. Чѣмъ таковое время далѣе отстоитъ, тѣмъ все кажется возможнѣе, а чѣмъ оное ближе становится, тѣмъ явственнѣе усматривается невозможность. Я тѣмъ болѣе, съ своей стороны, былъ въ томъ увѣренъ, что имѣли мы уже подобный опытъ въ 1823 году, въ которомъ та же управа 3 корпуса вдругъ вздумала такимъ же образомъ дѣйствіе начать въ Бобруйскѣ, гдѣ 9 дивизія была на работѣ; и къ намъ написали, чтобы нѣсколько членовъ поспѣшно туда прибыли, не говоря для чего. Никто, однако же, не ѣз-

дилъ и потомъ, обдумавъ положительнѣе дѣло, оставили они сами сіе намѣреніе безъ всякаго исполненія. То же бы случилось и въ семъ разѣ. Къ тому же сдѣланное выше замѣчаніе насчетъ покушенія на жизнь Государя Императора Александра Павловича отнесено быть можетъ также и къ сему предположенію.

Вообще замѣтить можно, что два главные существовали оттѣнка во всѣхъ предположеніяхъ. По первому располагалось начальное дѣйствіе въ Петербургѣ, а отъ арміи и губерніи ожидалось содѣйствіе. По второму располагалось начальное дѣйствіе въ арміи, гдѣ-нибудь, а отъ Петербурга ожидалось содѣйствіе. Что же касается до подробностей, то по онымъ сіи два главныя предположенія раздѣлялись на весьма большое количество: ибо весьма часто о томъ говорили, и каждый разъ что-нибудь прибавляли, убавляли, однимъ словомъ иное толковали. И хотя съ первымъ вышеобъясненнымъ предположеніемъ и были всѣ члены согласны, но согласіе состояло въ главныхъ только чертахъ, какъ я уже объяснилъ. А точнаго, подробнаго, положительнаго, полнаго и неукоснительнаго предположенія общество до самаго конца еще не составило. Сіе уже доказывается и тѣмъ, что второе предположеніе могло возникнуть (показанія 13 января, п. 3).

— Намѣревалось ли Южное общество при начатіи открытыхъ дѣйствій его выпустить двѣ прокламаціи: одну къ народу, а другую къ войскамъ, и какого содержанія?

— Составленіе сихъ двухъ прокламацій входило во второе предположеніе, въ 3 пунктѣ (предыдущемъ) объявленное. Онѣ написаны не были, и члены, то предположеніе сдѣлавшіе, говорили о нихъ только то, что надо двѣ прокламаціи выпустить въ духѣ намѣреній общества. О содержаніи оныхъ сказано и толковано не было (то же, п. 31).

— Изъ данныхъ вами здѣсь отвѣтовъ видно, что тайное общество, предполагавшее Императорскую фамилію перевести въ чужіе краи, имѣло въ семъ случаѣ надежду на здѣшній флотъ, съ чиновниками коего былъ въ сношеніяхъ Рылѣевъ; а нѣкоторые изъ членовъ показываютъ, что участіе флота должно было имѣть цѣлію воспрепятствовать отъѣзду священныхъ особъ Царствующей фамиліи изъ Россіи; и потому поясните сіи два обстоятельства сколь можно опредѣлительнѣе, также, на чемъ именно основывалась сія надежда, т. е. кто изъ чиновниковъ флота былъ готовъ содѣйствовать намѣреніямъ общества? имѣло ли оно на сіе какія удостовѣренія, въ чемъ оныя состояли, и какія мѣры предназначались къ совершенію такого предпріятія?

— Членъ общества Рылѣевъ имѣлъ сношенія съ чиновниками здѣшняго флота, изъ коихъ онъ нѣкоторыхъ принялъ въ общество, но сколько и кого именно, я не знаю, ибо ни одного имени ни разу не слыхалъ. Сіи сношенія Рылѣева происходили съ флотомъ еще въ 1824 году, а послѣ того сказывалъ мнѣ Бестужевъ-Рюминъ, что сіи сношенія идутъ съ хорошимъ успѣхомъ. Ему же о семъ говорилъ пріѣзжавшій незадолго передъ симъ въ Кіевъ отставной полковникъ Брыгинъ (фонъ-деръ-Бригенъ), служившій прежде въ л.-гв. Измайловскомъ полку, членъ тайнаго общества по Сѣверному округу.

Мѣры для препровожденія Императорской фамиліи въ чужіе краи состояли бы въ томъ, что назначенный для того корабль подошелъ бы Невою ко Дворцу, принялъ бы всѣхъ особъ Императорской фамиліи и перевезъ бы ихъ въ чужіе краи. Впрочемъ, о подробностяхъ сего дѣйствія не было еще говорено.

Если бы флотъ не былъ на нашей сторонѣ, то могъ бы содѣйствовать къ тому, чтобы при отбытіи по собственной волѣ особъ Императорской фамиліи въ чужіе краи, вся казна, въ Петербургской крѣпости сохраняемая, также увезена была. О сей казнѣ слухи носились, что она чрезвычайно значительна и потому желали оную непремѣнно сохранить. Имѣя уже флотъ на своей сторонѣ, общество надѣялось, что сіе не могло бы произойти. Вотъ единственная причина, какъ я полагаю, почему нѣкоторые члены могли сказать, что флотъ долженствовалъ препятствовать отбытію особъ Императорской фамиліи въ чужіе краи. Сіе обстоятельство служитъ доказательствомъ, какъ я справедливо говорилъ, что въ умахъ членовъ общества понятія о цѣли и дѣйствіяхъ, особенно касательно подробностей, весьма еще сбивчивы и неопредѣлительны, и что каждый еще толкуетъ по-своему, принимая иногда, какъ въ семъ напримѣръ случаѣ, гадательное предположеніе за намѣреніе и цѣль (показанія 13 января, п. 48).

Принятіе Южнымъ Обществомъ республиканской программы Пестеля.

Дополнительныя показанія 8 апрѣля 1826 года по вопросамъ комитета въ разъясненіе пункта 3-го отвѣтовъ 13 января.

— Когда я возвратился изъ Петербурга въ 1820 году, въ концѣ мая или началѣ іюня, тогда Тульчинская Дума не имѣла еще своихъ засѣданій устроенными и не имѣла ни предсѣдателя, ни блюстителя. Бурцовъ и я, какъ коренные члены, завѣдывали прочими членами. Устроеніе засѣданія думы завелось въ концѣ 1820 года, мѣсяца за два или полтора до назначенія Московскаго съѣзда.

Во время моего возвращенія изъ Петербурга не принадлежали еще къ обществу Басаргинъ, кн. Барятинской и оба Крюкова. Касательно Аврамова не припомню въ точности, былъ ли онъ тогда уже принятъ или нѣтъ. Всѣ сіи лица поступили въ общество въ теченіе лѣта 1820 года, до сентября мѣсяца.

Пріѣхавъ изъ Петербурга, сообщилъ я о заключеніи Коренной Думы на счетъ республиканскаго правленія Юшневскому, Вольфу, Ивашеву, Комарову и Бурцову, а потомъ узнали о семъ заключеніи также и Аврамовъ, Басаргинъ, князь Барятинской и оба Крюковы, когда были въ общество приняты. Объявить же именно, въ какое время кому было сіе сообщено, я никакъ не могу, ибо о таковыхъ подробностяхъ не въ силахъ вспомнить. Также, было ли сіе каждому изъ нихъ первоначально сообщено лично мною, или кѣмъ изъ другихъ членовъ, никакъ припомнить не могу, но очень помню, что каждый изъ нихъ зналъ о семъ до устройства засѣданій Думы, а слѣдовательно и до отъѣзда еще

Бурцова и Комарова въ Москву. Никто не противорѣчилъ сему заключенію Коренной Думы, исключая одного Бурцова, который показывалъ сомнѣніе въ возможности ввести въ Россію республиканское правленіе.

Постановленіями общества послѣ его возобновленія опредѣлены были три степени: бояре, мужья и братья; друзьями назывались члены пріуготовляемые, но еще не принятые: братьямъ объявляться долженствовало просто намѣреніе ввести новый конституціонный порядокъ безъ дальнѣйшихъ объясненій; мужамъ—открывать цѣль республиканскаго правленія. Притомъ могъ вновь принимаемый членъ поступать прямо въ мужи, минуя степень братьевъ, если по образу своихъ мыслей былъ склоненъ къ принятію республиканскаго правленія за цѣль. Всѣ члены тульчинской, каменской и всѣ, мнѣ извѣстные, васильковской управъ знали о цѣли республиканскаго правленія. Изъ сего числа исключаю подполковника Фаленберга и маіора Мартынова, о коихъ не могу я сего утверждать, ибо навѣрное не знаю.

Въ отвѣтахъ на вопросы отъ 13 января показывалъ я, что два главныя предположенія существовали, изъ коихъ одно заключалось въ томъ, что первоначальное дѣйствіе революціи долженствовало начаться въ столицѣ чрезъ сѣверное общество, коему южное всѣми силами содѣйствовало бы; а второе заключалось въ томъ, что главное и первоначальное дѣйствіе революціи долженствовало начаться въ арміи, а содѣйствіе и дѣйствіе по столицѣ производилось бы сѣвернымъ обществомъ. Я здѣсь называю главнымъ и первоначальнымъ дѣйствіемъ: открытіе революціи съ упраздненіемъ престола. Тульчинская Дума при возобновленіи союза предполагала первый образъ дѣйствія, а не второй, и такъ была увѣрена, что и въ Петербургѣ общество будетъ продолжаться, что третьимъ предсѣдателемъ выбрала Никиту Муравьева, который, проѣзжая Тульчинъ въ 1820-мъ году, познакомился тогда почти со всѣми тульчинскими членами. Его назначеніе въ предсѣдатели пришло потомъ само собою въ забвеніе.

Аврамовъ, Юшневскій, Ивашевъ, Крюковъ 1 и 2, Басаргинъ, кн. Барятинскій и Вольфъ раздѣляли всѣ со мною и цѣль, и способы достиженія ея, и единогласно всѣ безъ изъятія и безъ всякихъ оговорокъ и противорѣчій опредѣлили и подтвердили то и другое. Они же присутствовали всѣ въ засѣданіи Думы и участвовали всѣ въ возобновленіи общества и въ совѣщаніи о цѣли и способѣ достиженія оной. Засѣданія сіи происходили у меня на квартирѣ и одно ли или два ли оныхъ было, сего по истинѣ не припомню: но ежели и было два, то въ два дни одинъ за другимъ непосредственно послѣдующихъ, въ которые и было все рѣшено (показанія 8 апрѣля, п. 1).

— Штабъ-лѣкарь Вольфъ сознается, что по возобновленіи общества въ Тульчинѣ однажды собрались у васъ Аврамовъ, Юшневскій, князь Барятинскій, Ивашевъ, Крюковы 1 и 2, Басаргинъ и онъ, Вольфъ; что вы, имѣя всегда господствующею цѣлью введеніе республиканскаго правленія, требовали отъ нихъ рѣшительнаго согласія, какъ на введеніе въ Россіи республики, такъ и на

упраздненіе Царствующаго дома посредствомъ военной силы; и что всѣ тутъ бывшіе имѣли несчастіе на то согласиться. Справедливо ли сіе показаніе Вольфа?

— Разговоръ о сихъ предметахъ могъ происходить между мною и сказанными лицами, но несправедливо, чтобы я тогда отъ нихъ требовалъ рѣшительнаго согласія на республиканское правленіе и на революціонное дѣйствіе посредствомъ военной силы, ибо: 1) республиканское правленіе было обществомъ за цѣль принято въ 1820-мъ еще году, и при возобновленіи или продолженіи союза было оное, яко цѣль общества, подтверждено; слѣдовательно, послѣ этого не имѣлъ я даже и надобности вновь ихъ согласія требовать; 2) революціонный способъ дѣйствія, во что бы то ни стало, составлялъ предположеніе, обществомъ принятое, какъ въ прежнемъ пунктѣ объяснено; слѣдовательно, на сіе также я не имѣлъ надобности ихъ согласія вновь требовать.

Въ семъ случаѣ Вольфъ напрасно утверждаетъ, что я такъ много прилагалъ старанія, чтобы его соблазнить. Ни одинъ членъ такъ не проповѣдывалъ кровопролитія, какъ Вольфъ: не показывая даже опасеній на счетъ междоусобной войны, и дѣлалъ сіе еще въ 1820-мъ году прежде разрушенія Союза. Сіе многіе подтвердить могутъ, между прочимъ, князь Барятинскій, который однажды самъ мнѣ это сдѣлалъ замѣчаніе. Слѣдовательно, кто такъ говорилъ въ 1820 году, тотъ не долженъ былъ утверждать, что имѣлъ несчастіе на то согласиться въ 1821 году. Что же до революціи и республики касается, то я и прежде сознавался съ полною откровенностью, что сіи два предмета входили въ мой образъ сужденія (показанія 6 апрѣля, п. 10).

— Въ 3-мъ пунктѣ отвѣтовъ (см. выше) вы объясняете, что южное общество насчетъ введенія въ государствѣ преобразованія имѣло два предположенія: одно въ духѣ республиканскомъ, а другое монархическомъ, но оба не были еще рѣшительно приняты и оставались болѣе разсужденіями членовъ, нежели опредѣленною цѣлію.

Сергѣй же и Матвѣй Муравьевы, князь Волконскій и Давыдовъ утверждаютъ: а) что въ 1822 г. на контрактахъ въ Кіевѣ вы, согласивъ ихъ на продолженіе Тайнаго Общества и бывъ избраны (съ Юшневскимъ) директорами, тутъ же изъясняли главныя черты составляемой вами Русской Правды, и b) что тамъ же въ 1823 году оная была одобрена, и вы первые предложили ввести въ Россіи республиканское правленіе посредствомъ революціи, или вооруженною силою, а они на сіе согласились, и съ того времени таковой образъ правленія былъ уже господствующею и всѣмъ членамъ извѣстною цѣлію. Сіе послѣднее подтверждаютъ также Бестужевъ-Рюминъ, князь Барятинскій, подполковникъ Поджіо и Янтальцовъ и штабсъ-капитанъ Поджіо, поясняя изъ нихъ трое послѣдніе и подпоручикъ Лихаревъ, что по собственнымъ словамъ вашимъ предположеніемъ о республикѣ въ Россіи вы постоянно занимались болѣе семи лѣтъ. Полковникъ же Тизенгаузенъ говоритъ, что онъ видѣлъ васъ въ лагерѣ 1824 г., гдѣ вы съ жаромъ объяснялись съ нимъ о новомъ образованіи въ госу-

дарствѣ, которое надѣялись ввести въ слѣдующемъ году (1825 г.). Поясните: такъ ли сіе происходило?

— Въ 3 пунктѣ отвѣтовъ моихъ объяснялся я не насчетъ одного южнаго общества, но насчетъ всего общества вообще, какъ южнаго, такъ и сѣвернаго округовъ, а потому говорилъ, что существовали два предположенія. Я же сіи два округа не раздѣлялъ на два различныя общества, тѣмъ болѣе, что оба округа согласились не дѣйствовать иначе, какъ вмѣстѣ, и во всякомъ случаѣ одинъ другому содѣйствовать, и что я самъ всегда утверждалъ, что безъ сѣвернаго округа и полнаго взаимнаго согласія къ дѣйствію приступить нельзя. Южное общество продолжало существовать съ республиканскою цѣлью, которая въ 1820 году коренною думою была объявлена, а въ сѣверномъ явились опять монархическія предположенія; почему и объяснялъ я, что два предположенія въ обществѣ существовали. А такъ какъ я твердо намѣренъ былъ, съ своей стороны, не дѣйствовать безъ сѣвернаго общества, то и имѣлъ я полную причину говорить, что сіи два предположенія не были еще рѣшительно приняты, особенно имѣя въ виду, какъ часто члены перемѣняли свой образъ мыслей и свои мнѣнія, и какъ ничего не было положительнаго. О томъ же, что южное общество держалось всегда республиканской цѣли, имѣлъ я честь комитету доносить въ 19 пунктѣ прежнихъ отвѣтовъ, говоря, что оно продолжалось съ прежнею цѣлью и въ прежнемъ значеніи.

Когда въ 1821 году тульчинская дума объявила продолженіе союза съ республиканскою цѣлью, тогда видѣлся я съ княземъ Волконскимъ прежде контрактовъ 1822 года, и, сказавъ ему о продолженіи союза, получилъ отъ него отвѣтъ, что онъ также остается членомъ; а въ скорости потомъ увѣдомилъ онъ, прежде контрактовъ 1822 года, что и Давыдовъ остается въ обществѣ. При семъ было сказано, что цѣль остается та же самая: республиканская. Совершенно то же самое было объявлено и Сергѣю Муравьеву, когда онъ къ южному округу присоединился въ 1822, а не въ 1823 году.

Посему и остается непостижимымъ для меня, какъ они могли все это забыть и говорить, что въ 1823 году я первый предложилъ республику; особенно, какъ можетъ сіе говорить Сергѣй Муравьевъ, который самъ присутствовалъ въ коренной думѣ въ Петербургѣ въ 1820 году, когда республика была принята за цѣль общества, и сія цѣль продолжалась послѣ продолженія общества, а не вновь составлялось нѣчто новое, передъ тѣмъ не бывавшее. Какъ въ 1822, такъ и въ 1823 году было разсуждаемо о республиканскомъ правленіи, и я при томъ объяснялъ свои мысли и свой планъ конституціи; но все сіе не было тогда новое предположеніе, но разговоры о старомъ, давно уже въ Петербургѣ еще принятомъ и при возобновленіи общества продолженномъ. Названіе же Русской Правды далъ я моему плану конституціи въ 1824 году.

Бестужевъ могъ еще говорить, что отъ меня перваго слышалъ о республикѣ, хотя гораздо вѣроятнѣе, что первый ему говорилъ о томъ тотъ, который его въ общество принялъ, т. е. Сер-

гѣй Муравьевъ; но что касается до Барятинскаго, Янтальцова, Лихарева и обоихъ Поджіо, то они ничего не могутъ показывать, что происходило между нами на контрактахъ 1823 года: ибо ни одинъ изъ нихъ съ нами тогда не былъ, а были только я, Юшневскій, Волконскій, Давыдовъ, Муравьевъ и Бестужевъ. О политическихъ же моихъ занятіяхъ сознался я самъ передъ комитетомъ во всѣхъ прежнихъ моихъ показаніяхъ.

Что касается до свиданія моего съ полковникомъ Тизенгаузеномъ, то оное происходило слѣдующимъ образомъ. По пріѣздѣ моемъ въ Бѣлоцерковь, на возвратномъ пути изъ Петербурга видѣлся я въ Бѣлоцеркви съ Сергѣемъ Муравьевымъ, Бестужевымъ, Швейковскимъ и Тизенгаузеномъ. Въ первый вечеръ не было разговора съ Тизенгаузеномъ объ обществѣ. На другой день, отъѣзжая, обѣдали мы всѣ четверо у Швейковскаго. Прежде, нежели къ Швейковскому поѣхали, просили меня Бестужевъ и Муравьевъ въ разговорѣ съ Тизенгаузеномъ прилагать много жару и говорить о началѣ дѣйствія въ 1825 году; ибо они мнѣ сказывали, что Тизенгаузенъ непремѣнно ожидаетъ начала дѣйствія въ 1825 году. А имъ для управленія васильковскими членами необходимо, чтобы и я въ семъ духѣ говорилъ съ Тизенгаузеномъ: ибо по его характеру сіе имъ нужно. Посему и исполнилъ я сіе, согласно ихъ желанію (показанія 6 апрѣля, п. 12).

Очныя ставки о принятіи Южнымъ Обществомъ республиканской программы (22 апрѣля 1826 года).

1826 года апрѣля 22 дня въ присутствіи Высочайше учрежденнаго комитета, по разнорѣчію въ показаніяхъ, дана очная ставка полковнику Пестелю съ штабъ-лѣкаремъ Вольфомъ, изъ коихъ первый показывалъ:

а) что онъ, Пестель, по пріѣздѣ изъ Петербурга въ 1820 году о заключеніи Коренной Думы, сдѣланномъ въ Петербургѣ насчетъ введенія Республиканскаго Правленія, сообщилъ Юшневскому, Вольфу и Ивашеву, а потомъ узнали о семъ Аврамовъ, Басаргинъ, князь Барятинскій и Крюковъ 1-й и 2-й коль скоро были приняты въ общество; когда же именно сіе имъ сообщено, не помнитъ. Сему заключенію Коренной Думы никто изъ нихъ не противорѣчилъ;

б) что для достиженія сей цѣли существовали тогда два главныя предположенія: одно, чтобы первоначальное дѣйствіе революціи начать въ арміи; содѣйствіе же по столицѣ производилось бы сѣвернымъ обществомъ;

в) что при возобновленіи Союза въ Тульчинѣ, когда члены разсуждали о цѣли, тогда былъ первый вопросъ: измѣняетъ ли общество прежнюю республиканскую цѣль или нѣтъ? Всѣ единодушно и безъ противорѣчій подтвердили продолженіе оной, причемъ онъ самъ говорилъ въ пользу оной;

г) что кромѣ избранія предсѣдателей и принятія цѣли общества, былъ еще одобренъ и рѣшительный революціонный способъ дѣйствія съ упраздненіемъ престола и, въ случаѣ крайности, съ

изведеніемъ тѣхъ лицъ, которыя представятъ въ себѣ непреодолимыя препоны; и

д) что Аврамовъ, Юшневскій, Ивашевъ, Крюковы 1-й и 2-й, Басаргинъ, князь Барятинскій и Вольфъ единогласно раздѣляли съ нимъ цѣль и способы достиженія оной, и всѣ безъ изъятія и безъ всякихъ оговорокъ и противорѣчій опредѣлили и подтвердили сіе. Всѣ они присутствовали въ засѣданіи думы и всѣ же участвовали въ возобновленіи общества и въ совѣщаніи о цѣли и способѣ достиженія оной; засѣданія же происходили у него на квартирѣ.

Напротивъ сего штабъ-лѣкарь Вольфъ показывалъ: 1) что въ 1819 году по предложенію Юшневскаго вступилъ онъ въ общество, которое имѣло извѣстную уже ему цѣль, попеченіе и распространеніе просвѣщенія и гражданскихъ добродѣтелей; но съ продолженіемъ времени члены начали болѣе и болѣе касаться до узаконеній, говорили о необходимости улучшенія законовъ и о конституціи. 2) Здѣсь невинная цѣль Союза начала исчезать и изъ онаго дѣлалось политическое общество, получившее цѣль стараться о введеніи конституціи посредствомъ общаго ускоренія образованія и пріобрѣтенія членовъ. Сіе происходило въ 1820 и 1821 годахъ. 3) Потомъ неоднократно говорили въ обществѣ, чтобы перемѣнить законы въ Россіи, и въ одномъ изъ засѣданій упоминали, чтобы достигать сей цѣли во что бы то ни стало. Умы непримѣтно были увлечены и приготовлены вліяніемъ полковника Пестеля, коего господствующая мысль была введеніе Республиканскаго Правленія, и 4) въ одномъ же изъ собраній тульчинскихъ членовъ, когда Пестель говорилъ, что они уже согласны въ цѣли общества и что сіе надобно утвердить рѣшительно общимъ собраніемъ, то всѣ имѣли несчастіе согласиться съ предложеніемъ ввести въ Россіи республику съ упраздненіемъ царствующаго дома, принявъ способами къ тому пріобрѣтеніе военной силы.

Штабъ-лѣкарь Вольфъ, не допуская до очной ставки, подтвердилъ показаніе полковника Пестеля, выше сего изложенное. Штабъ-лѣкарь Вольфъ. (Дѣло № 413.)

Поручикъ Басаргинъ показывалъ: 1) что по пріѣздѣ въ Тульчинъ узналъ онъ, что цѣль общества была водвореніе свободнаго правленія въ Россіи; о средствахъ же ничего положительно сказать не можетъ, 2) что послѣ возобновленія общества въ собраніи тульчинскихъ членовъ для избранія начальниковъ общества или директоровъ онъ, Басаргинъ, былъ; но и тогда не было говорено о средствахъ достиженія цѣли, которая оставалась прежняя, то-есть водвореніе свободнаго правленія въ Россіи, съ мѣрами болѣе рѣшительными, и положено ограничиться умноженіемъ членовъ, оставивъ дальнѣйшія дѣйствія въ распоряженіи директоровъ, коими избраны Пестель и Юшневскій, и 3) впрочемъ, все, что говорено въ семъ собраніи, было говорено Пестелемъ, и онъ увлекъ всѣхъ силою своихъ разсужденій.

Поручикъ Басаргинъ, не допуская до очной ставки съ полковникомъ Пестелемъ, согласился съ вышеприведеннымъ показаніемъ его, полковника Пестеля, не упоминая подробностей. Поручикъ Басаргинъ. (Дѣло № 420.)

Поручикъ Крюковъ 2-й, не допуская до очной ставки съ полковникомъ Пестелемъ, объявилъ, что онъ согласенъ съ вышеприведеннымъ показаніемъ его, Пестеля. (Дѣло № 408).

Поручикъ Крюковъ 1-й показывалъ: 1) что начальная цѣль общества была распространеніе просвѣщенія и нравственности; 2) что по возобновленіи онаго въ 1821 году, въ одномъ изъ собраній тульчинскихъ членовъ, гдѣ и онъ находился, предположено было цѣлію общества введеніе въ государствѣ конституціоннаго правленія, съ удаленіемъ Верховной власти, средства же къ достиженію сей цѣли предоставлены избраннымъ начальникамъ или предсѣдателямъ управы, съ полною надъ членами властью; о чемъ первый предложилъ полковникъ Пестель, и 3) что о введеніи въ Россіи республиканскаго правленія и о покушеніи противъ всѣхъ священныхъ особъ Императорской фамиліи онъ, Крюковъ, не слыхалъ и не знаетъ.

На очной же ставкѣ:

Полковникъ Пестель, уличая поручика Крюкова 1-го, повторилъ въ подробности вышеприведенное свое показаніе съ различными доводами, оное подкрѣпляющими. Полковникъ Пестель.

Поручикъ Крюковъ 1-й утверждаетъ прежнее свое показаніе, что о конституціонномъ правленіи, съ удаленіемъ верховной власти, узналъ со времени возобновленія общества въ Тульчинѣ, но прежде того о заключеніи Коренной Думы, въ Петербургѣ сдѣланномъ, не слыхалъ, равно какъ не слыхалъ ни отъ кого ни о республиканскомъ правленіи, ни объ истребленіи Императорской фамиліи. Кавалергардскаго полка поручикъ Крюковъ Александръ. (Дѣло № 414).

Полковникъ Аврамовъ показывалъ, что въ концѣ 1821 года, или въ началѣ 1822 года, однажды Пестель въ бывшемъ у него собраніи всѣхъ наличныхъ тульчинскихъ членовъ отбиралъ мнѣнія о правленіяхъ. Мнѣнія сіи были разныя, но наиболѣе насчетъ конституціоннаго правленія, съ удаленіемъ Императорской фамиліи; онъ же объявилъ, что предпочитаетъ всякому монархическое съ твердымъ сводомъ законовъ. Не припомнитъ онъ, чтобы Пестель при семъ объявилъ свое мнѣніе, а на мнѣнія другихъ не дѣлалъ замѣчаній, вѣроятно, потому, какъ онъ теперь понимаетъ, дабы желаніемъ соединить мнѣнія не сдѣлать уменьшенія числа членовъ въ первый разъ ихъ сбора; разговоромъ же самъ онъ далъ отдаленное понятіе, что общество имѣетъ политическую цѣль.

На очной же ставкѣ:

Полковникъ Пестель, уличая полковника Аврамова, совершенно подтвердилъ вышеизложенное свое показаніе и приводилъ въ подкрѣпленіе онаго различные доводы Полковникъ Пестель.

Полковникъ Аврамовъ утверждаетъ, что до 1821 года, когда Бурцовъ удалился изъ общества, онъ не зналъ о цѣли республиканскаго правленія; но со времени возобновленія общества въ Тульчинѣ, онъ согласился съ показаніемъ полковника Пестеля о принятой цѣли и способахъ. Но помнитъ, что на Импе-

раторскую фамилію мнѣнія своего не подавалъ. Полковникъ Аврамовъ. (Дѣло № 416.)

Предположеніе истребить всю Императорскую фамилію.

— Съ котораго времени южное общество предприняло намѣреніе ввести въ государствѣ республиканское правленіе и достигнуть сего посредствомъ революціи? Кто первый предложилъ мысль сію и кто наиболѣе стремился къ ея исполненію? Тогда ли, или уже впослѣдствіи общество сіе предположило истребить безъ остатка всѣхъ священныхъ особъ августѣйшей царствующей фамиліи?

— Изъ отвѣта на третій вопросъ (предыдущій) видно, какимъ образомъ республиканскія мысли дошли до южнаго края. Революціонныя же мысли существовали въ тайномъ обществѣ прежде еще учрежденія онаго на югѣ и въ нихъ-то состояло главное средство, обществомъ предполагаемое для достиженія своей цѣли. Сіи мысли всѣ члены безъ всякаго изъятія въ равной степени раздѣляли, ибо въ нихъ-то и состояла сущность Тайнаго Общества. Что же касается до истребленія всѣхъ священныхъ особъ императорской фамиліи, то общество никогда сего не предполагало: во-первыхъ, потому, что, какъ я уже объяснилъ выше, оно до самаго конца еще не утвердило рѣшительнымъ образомъ своего плана дѣйствія. Во-вторыхъ, потому, что, по плану дѣйствія, который наиболѣе ходу имѣлъ, и который мною объясненъ первымъ предположеніемъ въ отвѣтѣ на 3 пунктъ (предыдущій), надлежало всю императорскую фамилію перевезти въ чужіе краи. Въ-третьихъ, потому, что южный округъ твердо намѣренъ былъ не дѣйствовать иначе, какъ вмѣстѣ съ сѣвернымъ округомъ, слѣдовательно, и долженъ былъ съ нимъ въ дѣйствіи совѣщаніемъ согласиться. Въ-четвертыхъ, наконецъ, потому, что южный округъ, по причинѣ мѣстъ его пребыванія, даже и не могъ бы сіе исполнить, ибо отъ императорской фамиліи слишкомъ былъ удаленъ.

Въ разговорахъ о трудностяхъ предпріятія и о средствахъ сіи затрудненія уменьшить весьма легко могло быть говорено и о томъ, что ежели бы существовалъ одинъ государь и не было бы великихъ князей, то успѣхъ менѣе бы встрѣчалъ препонъ; но разговоровъ объ обществѣ чрезъ девять лѣтъ такъ было много, что никакъ нельзя всего того исчислить, что когда-либо говорено быть могло, а тѣмъ менѣе можно все то принять за намѣреніе общества, что когда-либо говорено было. Вѣрно то, что смерть великихъ князей никогда не входила въ планъ общества; ибо, кромѣ естественнаго отвращенія отъ таковаго поступка, присоединяться должно было и то соображеніе, что таковое кровопролитіе поставитъ общее мнѣніе противъ революціи, а тѣмъ самымъ отыметъ у нея главнѣйшую подпору, и случай породитъ ко многимъ партіямъ и кознямъ. Увѣрялись еще притомъ, что гвардія вовсе не предана къ великимъ князьямъ, и что они посему не составятъ своими особами сильнаго сопротивленія и препятствія исполненію и преуспѣванію революціи, и что коль скоро они оставятъ Россію, то и скоро забудутъ о нихъ при большомъ числѣ

новыхъ предметовъ, коими всѣ умы заняты будутъ, и при улучшеніи положенія и состоянія какъ гражданъ, такъ и войска. Внѣшней же войны не опасались, во-первыхъ, потому, что 1812 г. отнялъ навѣрно у всѣхъ охоту въ Россію входить, а во-вторыхъ, потому, что при открытіи революціи въ Россіи, чужестранные кабинеты слишкомъ бы опасались собственныхъ своихъ земель, гдѣ умы еще болѣе къ переворотамъ склонны, дабы о чемъ-нибудь помышлять иномъ, какъ о предупрежденіи революціи у себя самихъ. Что же касается въ особенности до особъ женскаго пола императорской фамиліи, то на сей счетъ ни малѣйшаго не было сомнѣнія. Предполагалось имъ отбыть въ чужіе краи и тамъ пребывать, подобно великимъ княгинямъ Маріи Павловнѣ и Аннѣ Павловнѣ (показанія 13 января, п. 24).

— Кто именно были тѣ 15 человѣкъ, которые выбрались отъ южнаго общества итти въ Таганрогъ и извести тамъ блаженной памяти Государя Императора, и не принадлежалъ ли кто изъ нихъ къ обществу подъ названіемъ Соединенныхъ Славянъ?

— Сіе показаніе совершенно несправедливо. Я о семъ намѣреніи ни отъ кого никогда ни малѣйшаго слова не слыхалъ (показанія 13 января, п. 27 *).

— Въ 24 пунктѣ отвѣтовъ вы отрицаете, что покушенія на жизнь всѣхъ священныхъ особъ августѣйшей императорской фамиліи никогда предполагаемо не было, что предметъ сей заключался въ однихъ разговорахъ о трудности введенія новаго порядка вещей и что даже въ случаѣ принятія обществомъ республиканскаго правленія предполагалось императорскую фамилію перевезти въ чужіе краи.

Но князь Волконскій, Давыдовъ, Сергѣй Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ положительно говорятъ, что истребленіе всей императорской фамиліи вы первые предложили на контрактахъ 1823 г. въ Кіевѣ, гдѣ Юшневскій, Давыдовъ и Волконскій согласились съ вами, Бестужевъ одобрялъ истребленіе одного государя, а Сергѣй Муравьевъ не допускалъ онаго ни противъ кого; но послѣ смотра войскъ въ томъ же году, въ бытность вашу въ деревнѣ Каменкѣ, у Давыдова предложеніе сіе было возобновлено, всѣми присутствовавшими единодушно принято, и осталось господствующею цѣлью общества, какъ и республиканское правленіе.

Дѣйствительность сего предположенія въ особенности подтверждаютъ Бестужевъ-Рюминъ, Янтальцовъ и подполковникъ Поджіо, дополняя изъ нихъ: первый, что при самомъ вступленіи Сергѣя Муравьева и его, Бестужева, въ общество вы предложили имъ присягнуть на истребленіе всѣхъ священныхъ особъ августѣйшей императорской фамиліи, но они не согласились; потомъ же, согласивъ прочихъ членовъ на введеніе республики посредствомъ революціи, вы успѣли уговорить ихъ и на истребленіе всей императорской фамиліи, убѣждая въ особенности тѣмъ, что ,если останутся великіе князья, то неминуемо произойдетъ междоусобная война, что не только въ войскахъ, но и въ народѣ найдется

*) Объ этомъ признаніи см. ниже.

много лицъ, которыя сдѣлаютъ частные бунты или волненіе, и что это воспрепятствовало бы ввести новый порядокъ вещей, особенно въ провинціяхъ, и второй, что вы, уговаривая его къ содѣйствію въ намѣреніяхъ общества, отзывались съ сильнымъ негодованіемъ противъ всѣхъ священныхъ особъ императорской фамиліи и явно показывали себя рѣшившимся покуситься на самую жизнь ихъ, утверждая, что средство сіе для революціи необходимо.

— Въ 24 пунктѣ моихъ отвѣтовъ говорилъ я не объ одномъ южномъ округѣ, но о цѣломъ обществѣ, и объяснялъ, что истребленіе всей императорской фамиліи не входило въ планъ общества, главнѣйше потому, что южное общество не могло бы даже сіе исполнить, ибо въ отдаленности находилось отъ мѣстопребыванія царствующей фамиліи, что, такъ какъ мы долженствовали дѣйствовать въ согласіи и совокупности съ сѣвернымъ обществомъ и оно дѣйствія бы производило въ Петербургѣ, то при успѣхѣ зависѣло бы отъ него принятіе мѣръ въ отношеніи къ императорской фамиліи, и наконецъ, что сѣверное общество не рѣшилось еще единодушно въ избраніи образа правленія, ибо мнѣнія раздѣлялись между монархическимъ и республиканскимъ предположеніями. Я же считалъ дѣйствительнымъ планомъ общества только то, насчетъ чего была хоть вѣроятность, что уже перемѣнъ болѣе не послѣдуетъ.

Что же касается до упоминаемыхъ сужденій, то признательно сознаюсь, что между сказанными членами и мною они происходили, и притомъ являлся я въ сихъ разговорахъ не такъ, какъ убѣждающее всѣхъ прочихъ лицо, но какъ о томъ разсуждающее наравнѣ съ ними. Они же возгагаютъ на меня одного, яко дѣятельнѣйшаго директора, то, что со мною въ равной степени раздѣляли, и весьма многіе съ гораздо большею противъ моего рѣшимостью, какъ о томъ комитетъ вѣрно изволилъ самъ уже замѣтить. Но впрочемъ не въ оправданіе сихъ сужденій сіе говорю, въ коихъ мое полное участіе совершенно сознаю. Одна изъ главныхъ причинъ, почему столь много предметовъ мнѣ одному членами общества приписывается, состоитъ въ томъ, что, бывши предсѣдателемъ, долженъ я былъ всякій предметъ на сужденіе предлагать и слѣдовательно первый его называть.

Янтальцовъ съ жестокою несправедливостью говоритъ, будто бы я себя показывалъ рѣшившимся покуситься на самую жизнь особъ императорской фамиліи. Я никогда сей рѣшимости не показывалъ и никогда бы не былъ въ состояніи таковое дѣйствіе предпринять, и кто меня хоть нѣсколько только зналъ и справедливымъ быть захочетъ, тотъ вѣрно подтвердитъ сіи слова мои. Отъ сужденій до совершеній весьма далеко (показанія 6 апрѣля, п. 13).

— Въ 13 пунктѣ отвѣтовъ (предыдущемъ) вы признательно сознаетесь, что упоминаемыя въ вопросѣ сужденія между сказанными членами и вами происходили и при томъ въ разговорахъ ихъ вы являлись не такъ, какъ убѣждающее всѣхъ прочихъ лицо, но какъ о томъ разсуждающее наравнѣ съ ними, но не объясняете положительно ни времени, ни мѣстъ, гдѣ сужденія сіи

происходили, ни того, кто первый начиналъ таковыя, или дѣлалъ предложеніе, кто дѣйствительно въ тѣхъ сужденіяхъ участвовалъ, и предъявляли ли вы причины, требовавшія предлагаемаго истребленія, о коихъ показываетъ Бестужевъ. Ибо наименованныя въ вопросѣ лица первое совѣщаніе о семъ предметѣ относятъ къ контрактамъ 1823 года въ Кіевѣ, гдѣ присутствовали вы, Юшневскій, Давыдовъ, князь Волконскій, Сергѣй Муравьевъ и Бестужевъ, и гдѣ послѣдніе двое были противнаго мнѣнія, а второе (совѣщаніе) утверждаютъ бывшимъ въ Каменкѣ у Давыдова, гдѣ находились вы, Давыдовъ, князь Волконскій, С. Муравьевъ и Бестужевъ, и гдѣ, по словамъ Волконскаго, предложеніе, въ первомъ совѣщаніи вами сдѣланное, было возобновлено тѣмъ самымъ Муравьевымъ, который прежде оному противился. Слѣдственно точное опредѣленіе времени, мѣстъ и наименованіе предлагавшихъ и согласившихся лицъ здѣсь совершенно необходимо.

— Князь Волконскій объявилъ мнѣ въ теченіе 1821 года, какъ о томъ, что онъ самъ остается членомъ общества, такъ чрезъ нѣкоторое время и о томъ, что Давыдовъ остается членомъ общества. На контрактахъ 1822 года присоединился къ намъ и Сергѣй Муравьевъ. Въ сіе время контрактовъ 1822 года начались уже упоминаемыя въ 13 пунктѣ сужденія, и такъ какъ мы въ сіе время болѣе разсуждали о республикѣ, а гораздо менѣе о революціи, то и забыли о томъ, можетъ быть, сказанные члены. Не менѣе того было о томъ уже и въ 1822 году разсуждаемо; причемъ князь Волконскій, Давыдовъ, Юшневскій и я, мы въ мнѣніяхъ нашихъ были согласны, а Сергѣй Муравьевъ яснаго образа мыслей не показывалъ, болѣе обращая разговоръ на планъ правленія и общество. Въ 1823 году присутствовалъ при сихъ же сужденіяхъ и Бестужевъ-Рюминъ. Въ сіе время сказанныя сужденія производились съ большею силою и долѣе. С. Муравьевъ объявлялъ тутъ противное мнѣніе, а Бестужевъ разсуждалъ противъ одного Государя Императора. Въ сихъ двухъ свиданіяхъ (какъ мною, кажется, сказано въ 13 пунктѣ отвѣтовъ) предлагалъ я, какъ предсѣдатель, предметы на сужденіе, ибо членами, тутъ присутствовавшими, былъ избранъ въ предсѣдатели на время сужденій объ обществѣ, о цѣли его и способахъ дѣйствія.

Третье сужденіе между мною, Давыдовымъ, княземъ Волконскимъ, С. Муравьевымъ и Бестужевымъ происходило въ Каменкѣ у Давыдова въ ноябрѣ 1823 года. Въ сіе время объявилъ Сергѣй Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ, что они мнѣнія свои перемѣнили и нынѣ совершенно такъ же судятъ, какъ и мы, прочіе, судили на контрактахъ 1823 года. О семъ начали говорить они, и кажется, что именно С. Муравьевъ, а потомъ участвовали и мы всѣ остальные въ семъ разговорѣ, продолжая держаться прежнихъ нашихъ сужденій контрактовъ 1823 года.

Предъявлялъ ли я, во время сихъ сужденій, тѣ именно причины, о коихъ упоминаетъ Бестужевъ, или нѣтъ, сіе въ точности припомнить не могу; но впрочемъ, можетъ быть, что и упоминалъ и предъявлялъ оныя. Каждый изъ членовъ, присутствовавшихъ на сихъ сужденіяхъ, предъявлялъ свои причины, коихъ я ни ис-

числить, ни припомнить не могу, потому что говорилось многое, и что я всегда держался заключенія въ мнѣніи и сужденіи, не сохраняя въ памяти различныхъ толковъ, до оныхъ доводящихъ; но повторяю, что очень могъ сказанныя причины предъявлять, о коихъ я не упомянулъ въ особенности въ отвѣтѣ на 13 пунктъ, потому что въ семъ отвѣтѣ сознавался въ томъ, что вообще сужденія, въ вопросѣ названныя, происходили между мною и названными членами (показанія 8 апрѣля, п. 2).

Очныя ставки съ С. И. Муравьевымъ-Апостоломъ, съ М. П. Бестужевымъ-Рюминымъ, съ В. Л. Давыдовымъ и кн. Г. С. Волконскимъ по предшествующему показанію Пестеля.

1826-го года, апрѣля 26-го дня, въ присутствіи Высочайше учрежденнаго комитета, по разнорѣчію въ показаніяхъ, дана очная ставка подполковнику Сергѣю Муравьеву-Апостолу съ полковникомъ Пестелемъ въ томъ, что первый изъ нихъ показывалъ: а) что на совѣщаніяхъ, происходившихъ въ Кіевѣ на контрактахъ 1823 года, Пестелемъ предложенъ былъ вопросъ объ образѣ поступленія со всѣми священными особами Августѣйшей Императорской фамиліи при установленіи временнаго правленія, и что на истребленіе всѣхъ изъявили согласіе Пестель, Юшневскій, кн. Волконскій и Давыдовъ; Бестужевъ одобрялъ лишеніе жизни одного Государя, а онъ, Муравьевъ, не согласился посягнуть ни противъ кого; б) что слѣдствіемъ возникшаго пренія по сему предмету было оставленіе до другого времени самаго вопроса, который послѣ уже не возобновлялся, и в) что впослѣдствіи онъ, Муравьевъ, присоединился къ мнѣнію о лишеніи жизни Государя, не по убѣжденію въ необходимости сей политической мѣры, а потому, что оно было господствующее мнѣніе въ обществѣ; на истребленіе же всей Императорской фамиліи онъ, Муравьевъ, не только никогда не соглашался, но ссылается на всѣхъ членовъ, съ коими о семъ предметѣ говорилъ, что онъ всегда разумѣлъ мнѣніе сіе, какъ сумасброднѣйшее.

Напротивъ же того полковникъ Пестель утверждалъ, что третье совѣщаніе между имъ, Давыдовымъ, княземъ Волконскимъ, Сергѣемъ Муравьевымъ-Апостоломъ и Бестужевымъ происходило въ Каменкѣ у Давыдова въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1823 года, гдѣ Сергѣй Муравьевъ и Бестужевъ объявили, что они мнѣнія свои перемѣнили и совершенно уже судятъ такъ, какъ судили и прочіе члены на контрактахъ 1823 года, о чемъ начали говорить они сами и, кажется, что именно Сергѣй Муравьевъ, а потомъ участвовали въ семъ разговорѣ и прочіе присутствовавшіе на совѣщаніи, продолжая держаться прежнихъ своихъ сужденій (на контрактахъ 1823 года бывшихъ) о истребленіи всей Императорской фамиліи.

На очной же ставкѣ:

Полковникъ Пестель утвердилъ прежнее вышеизложенное свое показаніе.

Подполковникъ Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ утвердилъ вышеозначенное прежнее свое показаніе (Дѣло № 395).

1826 года, апрѣля 22-го дня, въ присутствіи Высочайше учрежденнаго комитета, по разнорѣчію въ показаніяхъ, дана очная ставка полковнику Пестелю съ подпоручикомъ Бестужевымъ-Рюминымъ, изъ коихъ первый утверждалъ: что третіе совѣщаніе между имъ, Пестелемъ, Давыдовымъ, княземъ Волконскимъ, Сергѣемъ Муравьевымъ и Бестужевымъ происходило въ Каменкѣ, у Давыдова, въ ноябрѣ 1823 года, гдѣ Сергѣй Муравьевъ и Бестужевъ объявили, что они перемѣнили мнѣнія свои и совершенно уже судятъ такъ, какъ судили прочіе члены на контрактахъ 1823 года, о чемъ начали говорить они сами; и кажется, что именно Сергѣй Муравьевъ, а потомъ участвовали въ семъ разговорѣ и прочіе, присутствовавшіе на совѣщаніи, продолжая держаться прежнихъ своихъ сужденій, на контрактахъ 1823 г. бывшихъ, о истребленіи всей Императорской фамиліи.

Напротивъ же сего подпоручикъ Бестужевъ показывалъ: а) полковникъ Пестель, преобразовавъ общество на югѣ, уговорилъ оное на истребленіе всей царской фамиліи; но Сергѣй Муравьевъ и онъ, Бестужевъ, всегда возставали противъ столь ужасной мѣры, для чего имъ, Бестужевымъ, была сочинена особенная рѣчь, извѣстная всему обществу, и б), что на совѣщаніи въ Каменкѣ, у Давыдова онъ, Бестужевъ, былъ увлеченъ доводами Пестеля и Юшневскаго, и далъ свое согласіе на преступное ихъ мнѣніе о необходимости смерти Государя, для введенія представительнаго правленія; но не могъ согласиться на пролитіе крови остальныхъ особъ Императорской фамиліи.

На очной же ставкѣ:

Полковникъ Пестель подтвердилъ прежнее вышеизложенное свое показаніе.

Подпоручикъ Бестужевъ-Рюминъ подтвердилъ прежнее показаніе безъ отмѣны (Дѣло № 396).

1826 года, апрѣля 22-го дня, въ присутствіи Высочайше учрежденнаго комитета, по разнорѣчію въ показаніяхъ, дана очная ставка полковнику Пестелю съ полковникомъ Давыдовымъ, въ томъ, что первый изъ нихъ показывалъ, что третіе совѣщаніе между имъ, Давыдовымъ, княземъ Волконскимъ, Сергѣемъ Муравьевымъ и Бестужевымъ происходило въ Каменкѣ (у Давыдова) въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1823 года, гдѣ Сергѣй Муравьевъ и Бестужевъ объявили, что они мнѣнія свои перемѣнили и совершенно уже судятъ такъ, какъ судили прочіе члены на контрактахъ 1823 года, о чемъ начали говорить они сами, и кажется именно Сергѣй Муравьевъ, а потомъ участвовали въ семъ разговорѣ и прочіе присутствовавшіе на томъ совѣщаніи, продолжая держаться прежнихъ своихъ сужденій (бывшихъ на контрактахъ 1823 года, насчетъ истребленія всей Императорской фамиліи).

Напротивъ же сего полковникъ Давыдовъ показывалъ: а) что предложеніе о республикѣ и о преступномъ способѣ достиженія сей цѣли сдѣлано полковникомъ Пестелемъ въ Кіевѣ, на контрактахъ, гдѣ, какъ онъ, Давыдовъ, такъ и нѣкоторые другіе члены имѣли несчастную слабость ему, Пестелю, не противорѣчить; но Сергѣй Муравьевъ насчетъ способа (истребленія) былъ про-

тивнаго мнѣнія, и б) что хотя онъ, Давыдовъ, и не отрицаетъ, чтобы въ деревнѣ его, Каменкѣ, онъ же, Пестель, опять не говорилъ о семъ предметѣ и чтобы прочіе члены опять ему не потакали, но утверждаетъ, что сіе не было уже предложеніе, которое прежде было имъ сдѣлано и не отринуто; отъ Сергѣя же Муравьева подобнаго онъ, Давыдовъ, никогда не слыхалъ.

На очной ставкѣ:

Полковникъ Пестель объявилъ, что онъ въ первомъ своемъ показаніи насчетъ совѣщанія или разговора въ Каменкѣ, бывшаго о семъ предметѣ, не упоминалъ, потому что не былъ увѣренъ въ истинѣ сего случая, но послѣ сдѣланнаго ему вопроса съ показанія князя Волконскаго ему казалось, что въ Каменкѣ разговоръ сей былъ, теперь же, видѣвъ противные отзывы Сергѣя Муравьева, Бестужева и особенно Давыдова, онъ долженъ признаться, что не увѣренъ твердо въ дѣйствительности происходившихъ въ Каменкѣ и имъ объявленныхъ при послѣднихъ отвѣтахъ сужденій, хотя оныхъ и не отрицаетъ.

Полковникъ Давыдовъ подтвердилъ вышеприведенное свое показаніе (Дѣло № 395).

1826 года, апрѣля 23-го дня, въ присутствіи Высочайше учрежденнаго комитета, по изъявленному полковникомъ Пестелемъ, при очной ставкѣ съ Давыдовымъ, сомнѣнію, что онъ не увѣренъ твердо въ дѣйствительности сужденій, происходившихъ въ Каменкѣ, у Давыдова, въ концѣ 1823 года (о коихъ показалъ во 2 пунктѣ дополнительныхъ отвѣтовъ своихъ на вопросы отъ 8-го апрѣля), хотя, впрочемъ, и не отрицаетъ оныхъ, дана ему, Пестелю, очная ставка съ генералъ-маіоромъ княземъ Сергѣемъ Волконскимъ, который положительно утверждалъ: а) что сообщеніе преступной мысли, посягнуть на всѣхъ священныхъ особъ Августѣйшей Императорской фамиліи, и принятіе сей мысли было въ личномъ присутствіи его, Волконскаго, въ Каменкѣ въ концѣ 1823 года, б) что разговоръ о семъ начатъ былъ тогда Сергѣемъ Муравьевымъ и принятъ единогласно имъ, Волконскимъ, В. Давыдовымъ, Пестелемъ и Бестужевымъ-Рюминымъ; не помнитъ только, были ли тутъ еще кто другіе члены общества, и в) что таковое предложеніе Сергѣя Муравьева всѣхъ присутствовавшихъ на семъ совѣщаніи весьма удивило, ибо въ совѣщаніи, происходившемъ въ Кіевѣ, въ началѣ того же года, онъ, Муравьевъ, былъ противнаго мнѣнія тому, что въ Каменкѣ самъ предложилъ, и сверхъ того, по поводу употребленнаго полковникомъ Пестелемъ неопредѣлительнаго выраженія, что Южное общество съ подтвержденіемъ прежней республиканской цѣли приняло и «рѣшительный революціонный способъ дѣйствія», пояснялъ, что какъ имъ, Пестелемъ, такъ и всѣми, согласившимися съ нимъ, членами, пріобщена къ цѣли общества мысль о покушеніи на жизнь всѣхъ священныхъ особъ Императорской фамиліи и принята безъ двусмысленностей.

На очной ставкѣ:

Генералъ-маіоръ князь Волконскій, утверждая прежнее свое показаніе, приводилъ въ улику Пестеля разныя обстоятельства, оное подкрѣпляющія.

Полковникъ Пестель объявилъ, что онъ вышеприведеннаго показанія князя Волконскаго не можетъ положительно ни утвердить, ни отвергнуть, ибо совершенно не помнитъ, чтобы сужденіе о семъ предметѣ въ Каменкѣ происходило.

7. Планы приступа къ дѣйствіямъ.

Планъ возмущенія въ маѣ 1826 года. Бѣлоцерковскій планъ, обсуждавшійся въ 1825 году на контрактахъ въ Кіевѣ и въ лагерѣ при Лещинѣ).*

— Раздѣляли ли вы предположенія южнаго общества возобновить покушеніе на жизнь Государя въ маіѣ мѣсяцѣ 1826 года во время осмотра Государемъ 3-го корпуса, о которомъ упоминаете вы въ своихъ отвѣтахъ? и кто именно тѣ изъ членовъ, которые подъ видомъ солдатъ, прибывшихъ въ роты и поставленныхъ на часы въ саду графини Браницкой, назначились къ исполненію цареубійства?

— Отвѣтъ на сей вопросъ сдѣланъ уже мною въ 3 пунктѣ (см. выше). Что же касается до членовъ, которые долженствовали быть переодѣты въ солдатъ, то о семъ говорено было въ предположеніи 1824 года въ концѣ онаго, но назначены они не были, ибо предположеніе рѣшительно было отвергнуто, какъ я въ 3 пунктѣ объяснилъ. Во второй же половинѣ 1825 года о семъ распоряженіи не было уже упомянуто (показанія 13 января, п. 26).

— Въ 26 пунктѣ отвѣтовъ 13 января (предыдущемъ) вы говорите, что предположеніе южнаго общества о покушеніи противъ блаженной памяти Государя Императора во время смотра войскъ при Бѣлой Церкви рѣшительно было отвергнуто, но гдѣ и кѣмъ именно—сего не объясняете.

Давыдовъ же, Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ, Лореръ, старшій Поджіо и Бестужевъ-Рюминъ показываютъ, что предпріятіе сіе дѣйствительно существовало, но осталось безъ исполненія по встрѣченнымъ препятствіямъ, что совѣщаніе о произведеніи онаго было начально между вами и Бестужевымъ, а потомъ въ Каменкѣ у Давыдова и въ деревнѣ Бороздиной, и что для нанесенія удара имѣлись ужъ въ виду рѣшительные люди, имена коихъ, по словамъ Поджіо, записаны были у Бестужева. Причемъ описываютъ подробно и планъ сего предпріятія.

Показанія сіи свидѣтельствуютъ, что отзывъ вашъ по настоящему предмету не имѣлъ должной искренности.

— Въ отвѣтахъ моихъ на вопросы отъ 13 генваря въ томъ пунктѣ 3-мъ (см. выше) я подробно изъяснялъ всѣ различныя цѣли и предложенія къ дѣйствію, во второй половинѣ того пункта описалъ я подробно все относящееся до Бѣлоцерковскаго предположенія и объяснялъ, что на контрактахъ 1825 года въ Кіевѣ было оно отвергнуто какъ мною, такъ и Юшневскимъ, кн. Волконскимъ, Давыдовымъ и кн. Барятинскимъ, и ежели комитету

*) Пестель называетъ его Бѣлоцерковскимъ, потому что покушеніе на Государя предполагалось во время смотра войскъ при Бѣлой Церкви въ 1826 году. Вкратцѣ объ этомъ планѣ см. выше.

угодно будетъ приказать пересмотрѣть мои отвѣты на вопросы отъ 13 генваря, то изволитъ въ нихъ точно найти все описаніе Бѣлоцерковскаго предположенія во второй половинѣ 1825 года. Въ сіе время говорилъ я Бестужеву, что прежде сдѣланія окончательнаго заключенія о семъ предположеніи надо знать, что происходитъ въ Петербургѣ, каковыя свѣдѣнія можетъ намъ сообщить кн. Трубецкой, намѣревавшійся тогда ѣхать въ столицу.

Первоначальное совѣщаніе объ ономъ происходило не между мною и Бестужевымъ, но между Бестужевымъ и Сергѣемъ Муравьевымъ; а Бестужевъ сообщилъ мнѣ объ ономъ, какъ о планѣ, уже сдѣланномъ, дабы я съ своей стороны согласился на содѣйствіе къ оному. Въ деревнѣ у Бороздиной и въ Каменкѣ послѣ 1823 года я ни разу не былъ и о совѣщаніи тамъ свѣдѣнія не имѣлъ. Что же касается до списка, который, по показанію Поджіо, имѣлся у Бестужева, то я сего списка не видалъ.

Въ 24 пунктѣ (?) я имѣлъ честь объясняться насчетъ намѣренія переодѣть нѣкоторыхъ членовъ въ солдаты. Сіе предположеніе существовало въ 1824 году, но въ 1825 не было о немъ упомянуто. Сверхъ того, въ 1824 году Васильковская управа просила, чтобы нѣкоторые тульчинскіе члены прибыли къ нимъ, дабы надѣть полковые офицерскіе мундиры и стать во фрунтѣ. Полковые же командиры долженствовали отдать наканунѣ въ своихъ приказахъ, что такіе-то переведены къ нимъ въ полки. Сію мысль далъ Швейковской. Въ 1825 же году Васильковская Управа и сего болѣе не требовала отъ насъ, считая себя довольно сильною все произвести по 3-му корпусу безъ всякаго нашего содѣйствія, а какъ предоставляла дѣйствіе по 2 арміи, дабы потомъ занять Кіевъ (показаніе 6 апрѣля, п. 21).

— Сергѣй Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ показываютъ, что свѣдѣніе о предназначенномъ въ 1826 году соединеніи и смотрѣ 3 и 4 корпусовъ они получили отъ васъ. Поясните, отъ кого вы сами имѣли оное?

— Бестужевъ и Муравьевъ мнѣ сообщали въ 1823 году, что ожидали смотра на 1824 годъ, и точно такъ они же мнѣ сообщили и о соединеніи 3 и 4 корпусовъ въ 1826 году. Сверхъ того писалъ ко мнѣ о томъ и кн. Трубецкой (показанія 6 апрѣля, п. 29).

— При отъѣздѣ князя Трубецкого изъ Кіева въ Петербургъ, въ послѣднихъ мѣсяцахъ 1825 года, съ согласія вашего, поручено было ему, Трубецкому, увѣдомить сѣверное общество о рѣшительномъ намѣреніи южнаго начать возмутительныя дѣйствія въ 1826 году съ тѣмъ, чтобы и общество сѣверное приняло къ тому свои мѣры, причемъ предоставлялось тому обществу и составленіе временнаго правленія. Со стороны же южнаго предполагалось по начатіи возмущенія учредить два лагеря: одинъ въ Кіевѣ, подъ начальствомъ вашимъ, а другой въ Москвѣ подъ начальствомъ Бестужева; Сергѣю же Муравьеву отправиться тогда въ Петербургъ. О семъ распоряженіи узнали вы, Сергѣй, Матвѣй и Артамонъ Муравьевы, Бестужевъ-Рюминъ, Трубецкой и тѣ, кому сообщалъ сей послѣдній.

— Планъ сей составленъ въ Васильковской Управѣ, и есть тотъ самый Бѣлоцерковскій планъ, о которомъ имѣлъ я честь комитету доносить въ одномъ изъ первыхъ пунктовъ отвѣтовъ моихъ на вопросы отъ 13 генваря, говоря, что сей планъ былъ возобновленъ во второй половинѣ 1825 года, и тотъ самый, о которомъ я подробно объяснялся въ 21 и 30 пунктахъ сихъ отвѣтовъ моихъ. Когда Бестужевъ пріѣзжалъ ко мнѣ, во второй половинѣ 1825 года, и мнѣ о семъ планѣ сообщилъ, тогда говорилъ онъ мнѣ, что сей планъ уже извѣстенъ кн. Трубецкому и что кн. Трубецкой совершенно на все согласенъ и все въ полной мѣрѣ одобряетъ. Извѣстилъ онъ меня притомъ также и о намѣреніи кн. Трубецкого ѣхать въ скоромъ времени въ Петербургъ. Я на сіе сказалъ ему, что хотя ихъ силы, Васильковской управы, и много увеличились, однакоже надо прежде всего знать, въ какомъ состояніи находятся петербургскіе члены, ибо безъ нихъ дѣйствія начинать нельзя. А потому и весьма полезно, что кн. Трубецкой ѣдетъ въ столицу. Чрезъ него мы все узнаемъ. Ежели Бестужевъ сообщилъ кн. Трубецкому отъ меня что-нибудь другое, то говорилъ тогда моимъ именемъ, а не мои слова передавалъ (то же, п. 35).

— Въ лагерѣ 1825 года при Лещинѣ происходило нѣсколько совѣщаній, въ которыхъ предполагалось начать возмутительныя дѣйствія арестованіемъ генераловъ Толя и Рота, а потомъ покуситься на жизнь блаженной памяти Государя Императора въ Таганрогѣ и, наконецъ, рѣшительно начать возмущеніе въ маѣ 1826 года при смотрѣ корпусовъ, не откладывая онаго ни подъ какимъ видомъ, въ чемъ и дали другъ другу клятву. Изъ показаній же Сергѣя Муравьева, Бестужева и князя Барятинскаго видно, что вамъ извѣстно было о сихъ совѣщаніяхъ и, какъ говоритъ изъ нихъ послѣдній, вы рѣшились съ Муравьевымъ непремѣнно открыть дѣйствія общества въ маѣ 1826 года. Поясните, какія именно предполагались мѣры къ начатію возмущенія по взаимному соглашенію вашему съ Муравьевымъ?

— По окончаніи лагеря 3-го корпуса при Лещинѣ пріѣзжалъ ко мнѣ Бестужевъ-Рюминъ и сообщилъ мнѣ планъ Васильковской управы о начатіи возмущенія во время смотра 1826 года. Сей планъ былъ ими сдѣланъ и мнѣ сообщенъ, а не по предварительному совѣщанію со мною изготовленъ. Сему служитъ доказательствомъ, что они другъ другу дали слово не откладывать онаго ни подъ какимъ видомъ, прежде нежели я имѣлъ свѣдѣніе о сихъ намѣреніяхъ и о происшедшемъ въ лагерѣ при Лещинѣ, и что когда они передъ лагеремъ имѣли намѣреніе сіе, то было оное на контрактахъ мною и прочими отвергнуто. Сіе обстоятельство можетъ также служить доказательствомъ и тому, что мое вліяніе не такъ было сильно и неограниченно, какъ членами показывается. Къ тому же долженъ я прибавить, что о семъ данномъ словѣ— не откладывать дѣйствія ни подъ какимъ видомъ—я теперь въ первый разъ слышу.

Сіе намѣреніе дѣйствовать въ маѣ 1826 года—есть то самое Бѣлоцерковское, неоднократно мною упоминаемое, предположеніе,

о которомъ я еще показывалъ въ одномъ изъ первыхъ пунктовъ отвѣтовъ моихъ на вопросы отъ 13 января (п. 3.), говоря, что Бѣлоцерковское предположеніе, отвергнутое на контрактахъ 1825 года, во второй половинѣ того же года возобновлено было, и описывая планъ онаго. Главныя его черты были: изведеніе Государя Императора во время смотра и шествіе на Москву. Сіе принималъ 3 корпусъ на себя. Потомъ совмѣстно и современно: революція въ Петербургѣ чрезъ сѣверное общество, коему предоставлялось назначеніе временнаго правленія и, наконецъ, составленіе лагеря при Кіевѣ чрезъ остальную часть южнаго общества.

Изъ сего плана изволитъ комитетъ усмотрѣть, что главное начальное революціонное дѣйствіе Васильковская Управа представляла себѣ чрезъ третій корпусъ, къ которому долженствовали присоединиться всѣ тѣ прочія войска 1 арміи, которыя къ революціи пристанутъ; что дѣйствіе, по революціонному значенію второе, а по устройству временнаго правленія—важнѣйшее, предоставлялось Петербургскому округу, а всѣмъ прочимъ членамъ и управамъ съ директоріею южнаго края предоставлялось дѣйствіе по 2 арміи и Херсонскимъ поселеніямъ для составленія при Кіевѣ одного, такъ сказать, обсерваціоннаго пограничнаго и притомъ бездѣйствующаго корпуса.

При семъ да будетъ мнѣ дозволено замѣтить, что ежели бы я имѣлъ ту жестокую склонность и ту отчаянную рѣшимость на кровопролитіе, которыя многіе члены въ своихъ показаніяхъ мнѣ приписываютъ, то вѣрно бы въ планѣ Васильковской управы получилъ другое какое-нибудь назначеніе. Когда Бестужевъ-Рюминъ сообщилъ о семъ планѣ, то я ему отвѣтствовалъ то, что всегда говорилъ, то-есть, что безъ Сѣвернаго округа дѣйствовать намъ нельзя; и потому надобно прежде окончательнаго рѣшенія знать положеніе Сѣвернаго округа. Ежели они могутъ произвести революцію съ успѣхомъ, то можно будетъ уже тогда приступить къ окончательному пріуготовленію средствъ къ дѣйствію, и мы по 2-й арміи, усиливъ тогда всевозможно пріобрѣтеніе членовъ и умноженіе общества, будемъ содѣйствовать, сколько возможно. Но ежели въ Петербургѣ они еще не довольно сильны для произведенія революціи, то и намъ начинать нельзя.

Объявленіе Бестужева въ ихъ увѣренности въ Семеновскихъ солдатахъ, находящихся во всѣхъ почти полкахъ 3 корпуса, представляло силы и надежды Васильковской управы въ болѣе положительномъ видѣ, нежели въ прежнихъ случаяхъ бывало; но все-таки нельзя было дѣйствовать безъ Сѣвернаго округа (показанія 6 апрѣля, п. 30).

— Вы разсказывали полковнику Давыдову, что присутствовавшій въ совѣщаніяхъ въ лагерѣ при Лецинѣ полковникъ Артамонъ Муравьевъ присягнулъ на Евангеліи покуситься на жизнь блаженной памяти Государя Императора.

Поясните, кто вамъ сообщилъ свѣдѣніе о семъ?

— Всѣ свѣдѣнія, которыя я имѣю о Васильковской управѣ, а слѣдовательно и объ Артамонѣ Муравьевѣ, получилъ я отъ одного только Бестужева-Рюмина, точно такъ же и сіе мнѣ разсказывалъ онъ (тоже, п. 31).

О намѣреніи арестовать Главную Квартиру.

— Комитету извѣстно, что южное общество, какъ и выше сказано, предполагавшее начать открытыя свои дѣйствія въ 1826 году, по полученіи извѣстія о кончинѣ блаженной памяти государя императора, вдругъ перемѣнило планъ свой, а именно, оно вознамѣрилось арестовать главную квартиру 2-й арміи, какъ скоро вступитъ туда въ караулъ Вятскій полкъ.

Вѣроятность сего предпріятія подтверждается тѣмъ:

а) послѣ маневровъ 1824 года при Лорерѣ и Поджіо вы говорили Фохту и Майбородѣ: «Когда надобно будетъ арестовать главную квартиру, то уже вы, господа, съ своими ротами должны дѣйствовать, потому что болѣе другихъ стоите». Майборода отвѣчалъ: «постараемся»; а Фохтъ возразилъ, что солдаты не пойдутъ противъ своихъ начальниковъ. Тогда вы продолжали: «Вы это лучше должны знать, какъ привязать къ себѣ солдатъ; вы имѣете всѣ къ тому способности».

б) Давыдовъ и князь Волконскій свидѣтельствуютъ, что при неоднократныхъ разсужденіяхъ съ вами о начатіи возмущенія всегда признаваемо было необходимымъ арестованіе главной квартиры, а удобнѣйшимъ для того случаемъ признавалось то время, когда вступитъ туда въ караулъ Вятскій полкъ.

По словамъ тѣхъ же Волконскаго и Давыдова, вы, видѣвшись съ ними въ началѣ декабря 1825 года, говорили: первому, что можетъ быть какое-нибудь смятеніе, по случаю наслѣдія престола происшедшее, дастъ вамъ возможность начать дѣйствіе по вступленіи Вятскаго полка въ караулъ съ 1-го января 1825 года, а послѣднему, что если Сергѣй Муравьевъ начнетъ (возмущеніе) съ успѣхомъ, то и вы рѣшитесь овладѣть главной квартирой, для чего и просили его, Давыдова, сказать Янтальцову, чтобы онъ съ ротою своею присоединился тамъ, куда отъ васъ назначено будетъ.

г) Квартирмейстерской части подпоручику Заикину, пріѣзжавшему къ вамъ съ извѣстіемъ о болѣзни покойнаго государя, вы сказывали, что дѣйствія начнутся можетъ быть весною, или когда Вятскій полкъ вступитъ въ караулъ, а можетъ быть и далѣе, смотря по обстоятельствамъ.

Объясните чистосердечно, какія именно сдѣланы были распоряженія къ исполненію означеннаго предпріятія и кто по онымъ долженъ былъ дѣйствовать, кромѣ Янтальцова?

— Намѣреніе арестовать главную квартиру не возникло въ видѣ перемѣны плана дѣйствія по полученіи извѣстія о кончинѣ Государя Императора, но всегда входило, яко подробность, въ общее предначертаніе революціи, гдѣ бы оная ни началась, въ Петербургѣ ли, или въ другомъ ли какомъ-нибудь мѣстѣ. Удобнѣйшимъ случаемъ не могло въ общихъ сужденіяхъ признаваемо быть то именно время, когда Вятскій полкъ вступитъ въ караулъ: ибо никто не могъ напередъ знать, какой полкъ будетъ въ караулѣ находиться въ то время, когда надлежать будетъ дѣйствіе начать, и назначеніе времени къ начатію дѣйствія никогда не

подчинялось и не могло никогда подчиняться тому соображенію, какой полкъ будетъ въ караулѣ находиться.

Объ арестованіи главной квартиры разсуждалъ я въ 1824 году съ Фохтомъ и прочими, причемъ Фохтъ сказалъ, что надѣется, что его рота за нимъ пойдетъ противъ всякаго начальника, исключая кн. Волконскаго, къ которому онъ старается при всякомъ случаѣ ротѣ своей привязанность вселить. Присемъ еще говорилъ я, что не надо роты рѣшительно приготовлять къ тому, прежде какъ не задолго до самаго дѣйствія; ибо неосторожно бы было поступать иначе, а до того времени достаточно привязывать солдатъ лично къ себѣ.

Въ началѣ декабря, когда видѣлся я съ кн. Волконскимъ и Давыдовымъ, тогда имѣли мы двѣ причины разсуждать о могущей послѣдовать необходимости къ скорому начатію дѣйствія; во-первыхъ, по случаю какого-нибудь смятенія, а во-вторыхъ, для собственной обороны, ежели дѣйствительно общество открыто будетъ и гдѣ-нибудь дѣйствіе начнется; ибо мы продолжали опасаться открытія, особенно по словамъ Бошняка, который сообщилъ слышанное имъ отъ графа Витта, что правительству извѣстно Бѣлоцерковское предположеніе. Разсуждали мы также притомъ и о томъ, что ежели обстоятельства насъ не вынудятъ начать дѣйствія, то мы будемъ продолжать истинно удобнаго времени дожидаться, дабы не иначе начинать, какъ, вмѣстѣ съ Петербургомъ и при объявленіи чрезъ сенатъ новаго правленія. На сей конецъ и сказалъ я имъ, что надо снестись съ Сергѣемъ Муравьевымъ, дабы по случаю тогдашнихъ обстоятельствъ онъ не началъ бы неосторожно.

О дѣйствіи же Вятскаго полка было говорено не потому, что подчиняли начатіе дѣйствія прибытію полка, но потому, что ожидали въ январѣ развязки критическихъ тогдашнихъ нашихъ сомнѣній и недоумѣній и что Вятскому полку былъ назначенъ караулъ въ Тульчинѣ въ семъ же мѣсяцѣ; ибо ежели бы обстоятельства насъ вынудили начать дѣйствія и мы бы успѣли начать, то надобно бы было уже дѣйствовать тѣми способами, коими бы овладѣть могли. На сей конецъ долженствовалъ Янтальцовъ быть о томъ извѣщенъ, кн. Волконскій—двинуться съ тѣми войсками, которыя онъ бы успѣлъ поднять, Давыдовъ—пристать къ кн. Волконскому или, ежели Бошнякъ не обманывалъ, броситься въ поселенія, а тульчинскіе члены—пристать къ Вятскому полку. Сергѣй же Муравьевъ писалъ ко мнѣ чрезъ Крюкова, что ежели общество открыто, то далъ бы я ему знать о томъ и они сейчасъ дѣйствія начнутъ.

Вотъ въ какомъ смыслѣ было разсуждаемо объ арестованіи главной квартиры и въ какомъ я о томъ же говорилъ и Заикину. Леманъ и прочіе члены дѣйствовали бы каждый въ своемъ кругу и по своей возможности. Пріѣхавъ назадъ въ Линцы отъ кн. Волконскаго не сталъ я однакоже никакихъ мѣръ принимать по полку для помянутой цѣли, а чрезъ два дня и получили мы повелѣніе присягать Цесаревичу (то же, п. 36).

О предположеніяхъ составить для цареубійства: 1) партію Garde perdue, *подъ начальствомъ Лунина, и 2) партію заговорщиковъ:*—Les Conspirateurs.

— Подполковники Сергѣй и Матвѣй Муравьевы и Поджіо и Бестужевъ-Рюминъ показываютъ, что вы, для исполненія преступнаго намѣренія (цареубійства), предполагали составить изъ нѣсколькихъ отважныхъ людей партію подъ названіемъ Garde perdue и поручить оную Лунину, извѣстному по его рѣшительности.

— Я съ Поджіо никогда про Лунина не говорилъ и сего намѣренія въ отношеніи къ Лунину не имѣлъ и не могъ имѣть, ибо одно уже мѣстопребываніе Лунина дѣлало сіе невозможнымъ. Къ тому же не имѣлъ я съ самаго 1820 года никакого извѣстія о Лунинѣ. А справедливо то, что Бестужевъ хотѣлъ таковую партію составить для Бѣлоцерковскаго предположенія и у меня спрашивалъ въ 1824 году, не имѣются ли въ Тульчинѣ способные на то люди, на что я отозвался, что не ручаюсь, чтобы таковые нашлись въ Тульчинской Управѣ. Сію партію называлъ онъ Les Conspirateurs. Потомъ говорилъ онъ, что Сергѣй Муравьевъ съ своимъ баталіономъ подкрѣпитъ сію партію.

Лунинъ же въ началѣ общества, въ 1816 или 1817 году, предлагалъ съ таковою партіею съ масками на лицѣ совершить цареубійство на Царскосельской дорогѣ, когда время прійдетъ къ дѣйствію приступить, и вообще говорено было о таковой партіи не для всей Императорской фамиліи, но для покойнаго Государя.

Намѣреніе извести Государя Императора, конечно, ведетъ къ составленію таковой партіи, но вышеназванные члены, перемѣшавъ все вышесказанное, возлагаютъ на меня всю вину сего предположенія, въ то время какъ о начатіи дѣйствія и о способѣ скораго приступа къ оному Васильковская Управа заботилась болѣе всѣхъ прочихъ, чему столь много доказательствъ, и я не только не подстрекалъ ея, но напротивъ того неоднократно удерживалъ (показанія 6 апрѣля, п. 14).

— Въ 14 (предыдущемъ) пунктѣ отвѣтовъ вы, отрицая показаніе одного подполковника Поджіо на счетъ составленія партіи «Garde perdue»,.... и возражая именно противъ показанія одного подполковника, Поджіо, ни слова не говорите о прочихъ трехъ лицахъ, вмѣстѣ съ нимъ поименованныхъ въ 14 вопросѣ (Сергѣй и Матвѣй Муравьевы и Бестужевъ), которыя показывали то же, что и Поджіо.

Изъ лицъ сихъ утверждали: Сергѣй Муравьевъ, что на совѣщаніи въ Кіевѣ въ 1823 году, гдѣ разсуждаемо было о истребленіи всей Императорской фамиліи, вы дѣйствительно говорили о средствѣ исполнить сіе предпріятіе составленіемъ отряда рѣшительныхъ людей подъ предводительствомъ одного члена и назвали тогда Лунина; Бестужевъ-Рюминъ,—что вы издавна были того мнѣнія, чтобы политическій переворотъ въ Россіи (для избѣжанія междоусобной войны) начать заговоромъ, приведеннымъ въ испол-

неніе шайкою отважныхъ людей (внѣ общества состоящихъ), подъ названіемъ garde perdue; и Матвѣй Муравьевъ,—что когда Лунинъ былъ въ чужихъ краяхъ, то вы, не спрашивая его согласія, дѣйствительно полагали составить garde perdue и поручить начальство надъ оною ему, Лунину, о чемъ слышалъ онъ отъ брата, Сергѣя. Подполковникъ же Поджіо, кромѣ слышаннаго отъ васъ насчетъ составленія означенной партіи, свидѣтельствовалъ, что и Матвѣй Муравьевъ съ своей стороны учрежденіе сего отдѣльнаго заговора находилъ нужнымъ для отвращенія укоризны отъ имени общества.

По содержанію сего обвиненія, вы обязывались положительно отвѣтствовать: предполагали ли вы сами составить помянутую партію для предпріятія—противъ Императорской фамиліи, какъ свидѣтельствуютъ не одинъ Поджіо, а три лица въ совокупности, или нѣтъ?

— Въ 1816 или 1817 году, въ какомъ именно мѣстѣ не помню, говорилъ Лунинъ во время разговора нашего объ обществѣ, при мнѣ и при Никитѣ Муравьевѣ о совершеніи цареубійства на Царскосельской дорогѣ съ партіею въ маскахъ, когда время пріидетъ къ дѣйствію приступить. Было ли сіе предложеніе Лунина сообщено имъ, или Никитою Муравьевымъ, кому еще другому, кромѣ меня, я по сущей истинѣ не знаю, но въ засѣданіяхъ самаго общества о семъ предположеніи Лунина при мнѣ говорено не было. Я же тогда мало обратилъ вниманія на сіе предположеніе, потому что слишкомъ еще отдаленнымъ считалъ время начатія революціи и необходимымъ находилъ пріуготовить напередъ планъ конституціи и даже написать большую часть уставовъ и постановленій, дабы съ открытіемъ революціи новый порядокъ могъ сейчасъ быть введенъ сполна, ибо я не имѣлъ еще тогда мысли о временномъ правленіи. Сіе мнѣніе мое побудило Лунина сказать съ насмѣшкою, что я предлагаю напередъ энциклопедію написать, а потомъ къ революціи приступить.

При семъ долгомъ считаю замѣтить, что Лунинъ и Никита Муравьевъ близкіе родственники, что Матвѣй Муравьевъ утверждаетъ слышанное имъ отъ его брата, а не прямо отъ меня, и что Сергѣй Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ составляютъ, такъ сказать, одного человѣка.

Я показалъ, что о составленіи партіи заговорщиковъ съ точностью говорено было противъ одного Государя Императора, потому, что всѣ извѣстные мнѣ о томъ проекты суть: 1) вышеупомянутое, Лунинымъ сдѣланное, 2) Московскій заговоръ*), 3) Бѣлоцерковской планъ 1824 года и 4) Бѣлоцерковской планъ 1825 г. Всѣ сіи четыре предположенія касались до одного Государя Императора.

Я очень могъ упомянуть о Лунинѣ при разговорахъ съ Сергѣемъ Муравьевымъ во время контрактовъ 1823 года, и хотя то обстоятельство, что прочіе члены, бывшіе на контрактахъ 1823 г., ни слова не упоминаютъ о моемъ намѣреніи поручить Лунину

*) 1817 года. См. Былое, мартъ, стр. 218.

таковую партію, и наводитъ сомнѣніе, точно ли я говорилъ про Лунина, однако же я соглашаюсь, что я можетъ быть и говорилъ о немъ; но не въ томъ видѣ, чтобы я точное и положительное имѣлъ намѣреніе составить таковую партію и вручить ее начальству Лунина, а въ томъ видѣ, что, говоря о таковой партіи, я Лунина могъ называть человѣкомъ способнымъ для управленія ею, основывая сіе мнѣніе о Лунинѣ на предложеніи, имъ сдѣланномъ въ 1816 или 1817 году.

О необходимости таковой партіи было говорено, какъ на контрактахъ 1823 года, такъ и въ Каменкѣ у Давыдова, такъ и при обоихъ предложеніяхъ о Бѣлоцерковскомъ планѣ. Въ обоихъ перрыхъ случаяхъ я говорилъ также и то, что ежели бы таковая партія была составлена изъ отважныхъ людей внѣ общества, то сіе бы еще полезнѣе было, и то, что раздѣлялъ при томъ дѣйствіе революціи на заговоръ и переворотъ или собственно революцію, о чемъ и прочіе члены разсуждали, находя нужнымъ учрежденіе сего заговора, отдѣльность коего отъ общества признавалась весьма полезною. Что же касается до разговора между Поджіо и Матвѣемъ Муравьевымъ, то ничего объ ономъ пояснить не могу, ибо никогда ихъ вмѣстѣ не видалъ.

Наконецъ, всѣ вышеприведенныя сужденія о пользѣ и необходимости таковой партіи и о способности Лунина къ оной, выводимой изъ его предположенія 1816 или 1817 года, не доказываютъ, чтобы я имѣлъ намѣреніе самъ таковую партію составить и ее Лунину вручить для дѣйствія, а показанія Муравьевыхъ и Бестужева доказываютъ, что они мнѣ вмѣняютъ сіи сужденія въ точное уже намѣреніе по онымъ къ дѣйствію и составленію партіи приступить, между тѣмъ, какъ я никакого не дѣлалъ приступа къ составленію таковой партіи; что между прочимъ можно также усмотрѣть изъ отвѣтовъ моихъ на 30 пунктъ вопросовъ отъ 1 апрѣля, гдѣ описываю Бѣлоцерковскій планъ (см. ниже).

Я наиболѣе всегда занятъ былъ обдуманіемъ моей конституціи, нежели самимъ приведеніемъ въ дѣйствіе революціи, хотя и объ ономъ при случаѣ также разсуждалъ (показанія 8 апрѣля, п. 3).

— Отвергая показываемое подполковникомъ Поджіо порученіе князю Барятинскому набрать 12 человѣкъ надежнѣйшихъ, вы утверждаете, что Бестужевъ-Рюминъ намѣревался составить партію подъ названіемъ «les conspirateurs» и, по словамъ его, имѣлъ для оной не 15, а 7 человѣкъ, готовыхъ, изъ общества славянъ, и что цѣлью сей партіи Бестужева было «Бѣлоцерковское преднамѣреніе».

Но сами же говорите, что покушеніе противъ Государя при Бѣлой Церкви умышлялось въ лагерѣ 1824 года, а по дѣлу извѣстно, что славянское общество присоединилось къ Южному не прежде лагеря 1825-го при Лещинѣ, слѣдственно ни Сергѣй Муравьевъ, ни Бестужевъ, которымъ вы приписываете преимущественную дѣятельность въ заговорахъ, не могли въ 1824 году считать готовыми на преступнѣйшее покушеніе такихъ людей, о коихъ въ

1825 году узнали, что они существуютъ, а потому, если подлинно Бестужевъ вмѣстѣ съ Барятинскимъ имѣли отъ васъ порученіе набрать 12 человѣкъ надежнѣйшихъ, то назначеніе ихъ не могло относиться къ Бѣлоцерковскому умыслу.

Здѣсь также требовался отъ васъ положительный отвѣтъ: поручили ли вы Барятинскому и Бестужеву избраніе помянутыхъ 12 человѣкъ или нѣтъ?

Комитетъ, ожидая на сіе объясненія болѣе опредѣлительнаго, нежели приведенное вами, предваряетъ васъ, что въ случаѣ дальнѣйшей неискренности испытаны будутъ и приведены въ дѣйствіе изысканныя улики.

— О кн. Барятинскомъ я въ отвѣтахъ отъ 6 апрѣля объяснился вполнѣ. Касательно же Бестужева слѣдующее поясняю. Когда въ концѣ 1824 года сообщилъ онъ мнѣ о предположеніи Васильковской управы начать революцію въ 1825 году, тогда говорилъ онъ и о партіи заговорщиковъ (какъ я о томъ въ отвѣтахъ на вопросы отъ 13 января и 1 апрѣля объяснялъ), но притомъ не сказывая, чтобы сія партія имъ уже составлена, а только говорилъ о намѣреніи ее составить. Въ 1825 году, во второй половинѣ, говорилъ онъ уже по составленіи сей партіи изъ 7 человѣкъ соединенныхъ славянъ. Но какъ та, такъ и другая партія имѣли объ цѣлью Бѣлоцерковское предположеніе и разница между ими состояла не въ ихъ предназначеніи, но въ томъ, что первая была только предполагаема и еще не составлена; между тѣмъ какъ вторая была и предполагаема и уже составляема. Вотъ почему, когда Комитетъ изволилъ у меня спрашивать, правда ли, что Бестужевъ говорилъ мнѣ о готовности 15 человѣкъ заговорщиковъ, я имѣлъ честь отвѣтствовать, что онъ говорилъ о готовности 7, а не 15 человѣкъ. О другихъ же партіяхъ, кромѣ здѣсь названныхъ, Бестужевъ со мною и не говорилъ и отъ меня порученій не получалъ, равно какъ и сіи не по моему порученію составлялъ, а для Бѣлоцерковскаго плана. Первому сему сказанію также можетъ служить доказательствомъ весь планъ о начатіи революціи въ 1826 году, по которому предполагалось изведеніе государя императора во время смотра, а все дѣйствіе въ столицѣ предоставлялось Сѣверному обществу на полное и совершенное его усмотрѣніе. Мысль же о составленіи вышеименованныхъ партій могъ Бестужевъ почерпнуть и изъ сужденій вышепомянутыхъ.

Въ окончаніе честь имѣю комитету доложить, что всѣ недостатки, имъ замѣченные или впредь замѣченными быть могущіе, происходятъ единственно съ моей стороны или отъ недоумѣнія, или отъ запамятованія, но никогда не имѣютъ причиною неискренность, ибо я всѣми силами старался и стараюсь всевозможныя представить доказательства въ полной моей откровенности и безпрекословно готовъ сознаться во всемъ, что до меня дѣйствительно касается, какъ я все время чистосердечно и дѣлалъ, и нынѣ новое и сильнѣйшее въ томъ представляю доказательство (показанія 9 апрѣля, п. 4).

Отвѣты на показанія Поджіо, Матвѣя Муравьева-Апостола, Бестужева-Рюмина, Крюкова 2-го о истребленіи Императорской фамиліи, о партіи заговорщиковъ и о проч.

Отвѣтъ на показаніе Поджіо и очная ставка съ нимъ.

— Подполковникъ Поджіо утверждаетъ, что въ бытность его у васъ, въ сентябрѣ 1824 г., послѣ искуснѣйшаго убѣжденія его въ превосходствѣ республиканскаго правленія для Россіи вы, перешедъ къ необходимости истребить всю Императорскую фамилію, сказали ему между прочимъ: «давайте считать жертвы», и съ словомъ симъ сжали руку свою такъ, чтобы дѣлать ужасный счетъ сей по пальцамъ. Поджіо началъ потомъ называть всѣхъ священныхъ особъ по именамъ, а вы считали ихъ пальцами. Дойдя до женскаго пола, вы остановились. «Знаешь ли, что это дѣло ужасное?»—сказали вы Поджіо. Но въ ту же минуту рука ваша опять была предъ нимъ и число жертвъ составилось тринадцать! Послѣ сего Поджіо замолчалъ, но вы продолжали: «Такъ поэтому и конца не будетъ? ибо должно будетъ покуситься и на особъ Императорской фамиліи, находящихся заграницею». На слова же Поджіо: «Да, тогда точно уже конца не будетъ, ибо у всѣхъ великихъ княгинь есть дѣти; но для нихъ довольно бы провозгласить отрѣшеніе отъ всякаго наслѣдства, да и кто пожелаетъ окровавленнаго трона!» вы сказали: «Я поручилъ уже князю Барятинскому и Бестужеву-Рюмину приготовить мнѣ двѣнадцать человѣкъ рѣшительныхъ для сего! Барятинскій имѣетъ уже нѣсколько таковыхъ...»

Къ сему дополняютъ: 1) подполковникъ Поджіо, что въ это же время онъ видѣлъ у васъ письменный отчетъ Бестужева-Рюмина о сношеніяхъ его съ поляками, гдѣ именно упоминалось, что по требованію южнаго общества поляки обѣщались немедленно истребить цесаревича, а потому и полагаетъ, что число жертвъ Императорской фамиліи назначено было гораздо прежде, нежели исчислялъ онъ сіе съ вами, и 2) Бестужевъ-Рюминъ говорилъ вамъ, что въ случаѣ надобности для удара найдутся около 15 человѣкъ.

Объясните: справедливо ли вышеприведенное показаніе Поджіо и Бестужева, когда и гдѣ поручали вы Барятинскому и Бестужеву набрать 12 человѣкъ рѣшительныхъ и обѣщалъ ли Барятинскій исполнить сіе порученіе?

— Я никогда сего порученія Барятинскому не давалъ и онъ никогда онаго не исполнялъ и не предпринималъ. Да и дать ему онаго я не могъ, ибо слишкомъ зналъ свойства, какъ его, Барятинскаго, такъ и тѣхъ членовъ общества, съ коими онъ былъ въ сношеніи. Бестужевъ набиралъ, какъ въ прежнемъ пунктѣ (см. ниже) объяснилъ я, партію Conspirateurs и сказывалъ, что изъ числа соединенныхъ славянъ многіе въ сію партію готовы, но не 15, а 7, и что онъ продолжаетъ таковыхъ людей искать. Цѣль сей партіи было Бѣлоцерковское преднамѣреніе. Сіе дѣлалъ Бестужевъ вслѣдствіе неоднократно упомянутаго предположенія Васильковской управы.

Показаніе Поджіо о содержаніи отчета Бестужева справедливо.

Подполковникъ Поджіо представилъ упоминаемый имъ разговоръ въ совершенно превратномъ видѣ. Сіе заключить можно уже

изъ собственныхъ его словъ: ибо то говоритъ, что я ужасался отъ нанесенія толикихъ смертей, то говоритъ, что уже къ оному готовился. Дѣло въ слѣдующемъ состоитъ. Когда онъ былъ у меня въ сентябрѣ 1824 года, то имѣлъ уже полное республиканское расположеніе, и мы о семъ правленіи разсуждали. Сіе привело къ сужденію объ особахъ Императорской фамиліи. Тутъ говорилъ я насчетъ особъ женскаго пола, что покушеніе на ихъ жизнь и ужасно, и по двумъ причинамъ безполезно: 1) потому что находятся лица императорской фамиліи за границею, имѣютъ дѣтей и большія семейства, такъ что всегда наслѣдникъ или наслѣдница найдется, а 2) потому что со времени императора Павла Петровича существуетъ коренной законъ, удаляющій женскій полъ отъ престола, и что на сей законъ можно при случаѣ опереться или сослаться. Дѣло же сіе было бы тѣмъ ужаснѣе, что чрезвычайно бы много было тогда жертвъ. Поджіо оправдывалъ сіе сужденіе и мы ихъ по именамъ назвали, но безъ всѣхъ этихъ театральныхъ движеній, о коихъ Поджіо упоминаетъ. Неправильно старается онъ съ таковымъ краснорѣчіемъ меня въ этомъ жестокомъ видѣ представить (Показанія 6 апрѣля 1826 г. п. 15).

— За симъ подполковникъ Поджіо показываетъ, что въ сію же бытность его вы говорили :«Хотѣлось бы мнѣ знать ваше мнѣніе о лицахъ, долженствующихъ составить временное правленіе для введенія новаго порядка; кого вы почитаете способнымъ къ тому?» А когда Поджіо наименовалъ васъ самихъ, какъ основателя республики, то вы сказали: «Я не хочу быть уличенъ въ личныхъ видахъ, а къ тому и фамилія у меня не русская; все это не ладно», и продолжали разсуждать о вліяніи фамиліи.

Далѣе, когда Поджіо замѣтилъ, что по окончаніи революціи вы, конечно, послѣдуете примѣру Вашингтона и удалитесь, и что временное правленіе, вѣроятно, не продлится дальше года, много двухъ, тогда вы отозвались: «О! нѣтъ не менѣе десяти лѣтъ. Раздѣленіе земель одно много возьметъ времени». На слова же Поджіо, что такое продолжительное господство можетъ устрашить многихъ, вы сказали: «Что-жъ дѣлать? Впрочемъ, между тѣмъ можно будетъ обратить общее вниманіе на какую-нибудь внѣшнюю мѣру, какъ-то: объявить войну туркамъ и возстановить восточную республику въ пользу грековъ, и такимъ образомъ на поприщѣ политическомъ явиться съ самыми благонадежнѣйшими видами для прочихъ народовъ Европы.

Отъ сего разсужденія перешли къ назначенію мѣстъ въ будущемъ правленіи республики. Вы щедро раздавали оныя въ министерствахъ всѣмъ, приверженнымъ къ вамъ, а ему, Поджіо, въ случаѣ начатія дѣйствій, совѣтовали присоединиться къ Давыдову и быть подъ его начальствомъ, дополнивъ: «Самъ же я поѣду въ Петербургъ и возьму съ собой Барятинскаго».

Потомъ вы жаловались на холодность Матвѣя Муравьева и на неблагопріятность обстоятельствъ и заключили: «Впрочемъ, поѣду самъ въ Петербургъ и увижу все своими глазами, можетъ быть цесаревичъ будетъ изведенъ, а если императорской дворъ переселится въ Москву, то все дѣйствіе совершится тамъ». Напослѣдокъ

вы, сдѣлавъ Поджіо вопросъ, что онъ думаетъ о вашихъ намѣреніяхъ послѣ окончанія всѣхъ дѣлъ общества, продолжали: «Удалюсь въ Кіево-Печерскую лавру и сдѣлаюсь схимникомъ; тогда я примусь за вѣру».

Поясните: какимъ точно образомъ происходили сіи разсужденія ваши съ Поджіо.

— Показаніе Поджіо справедливо, что я ему говорилъ о невозможности и о нежеланіи моемъ быть членомъ временнаго правленія. Справедливо и то, что я говорилъ, что по окончаніи революціи пойду въ монахи въ Кіево-Печерскую лавру. Показаніе же его, что будто бы я прибавилъ: и тогда примусь за вѣру столь же злостно, сколь и ложно.

Разсуждали мы о времени существованія временнаго правленія и я говорилъ, что сіе время должно быть достаточное для полнаго образованія и притомъ не продолжаться сверхъ надобности, но что, ежели временное правленіе прекратится прежде окончанія государственнаго переобразованія, то не достигнетъ цѣли своего учрежденія, и надобно будетъ тогда опасаться подобныхъ послѣдствій, какія имѣли всѣ французскія республиканскія конституціи. Я считалъ нужнымъ для сего 8 или 10 лѣтъ, и Поджіо никакого противорѣчія не дѣлалъ, совершенно въ томъ соглашался. Что касается до внѣйшней войны, долженствовавшей и умы занять и чрезъ возстановленіе Греціи въ независимомъ состояніи доказать отклоненіе Россіи отъ завоевательной системы, имѣющей замѣниться покровительственною, то сіе предположеніе справедливо.

Разговоръ о министерствахъ представилъ Поджіо не въ томъ видѣ, какъ оный происходилъ. Мы разсуждали о важности главныхъ чиновниковъ государственной службы, особенно во время происхожденія революціи и переобразованія государства. Я замѣтилъ при семъ, что сей предметъ весьма важенъ и что хотя, конечно, смѣшно бы было толковать теперь о назначеніи или выборѣ сихъ чиновниковъ, не менѣе того лучше бы дѣлать смѣшное теперь, нежели въ нужное время не знать, кому что довѣрить, прибавивъ къ сему, что сіи выборы гораздо труднѣе, нежели по большей части полагаютъ. Приверженцевъ же своихъ не размѣщалъ я по мѣстамъ правленія и не понимаю, кого Поджіо называетъ моими приверженцами.

Поджіо находился въ управѣ, коей Давыдовъ былъ предсѣдатель, слѣдовательно, и состоялъ онъ по обществу подъ его начальствомъ, и упоминаемаго имъ совѣта не имѣлъ я ни надобности ни повода ему давать.

Касательно показанія Поджіо, что я дополнилъ: «Самъ же поѣду въ Петербургъ и возьму Барятинскаго съ собою»,—не угодно ли замѣтить, что одни меня отсылаютъ въ Петербургъ, другіе въ Кіевъ, третьи въ Тульчинъ. Кто-нибудь же долженъ изъ нихъ неправду говорить. Сіе показаніе Поджіо несправедливо. Я не могъ жаловаться на холодность Муравьева въ сентябрѣ 1824 года, когда узналъ объ оной отъ Лорера только въ декабрѣ того же 1824 года. Лореръ поѣхалъ въ Малороссію послѣ отъѣзда Поджіо въ сентябрѣ отъ меня, а по возвращеніи своемъ разсказалъ мнѣ о холодности

Муравьева. Большая часть показаній Поджіо такъ же справедлива, какъ и сіе.

Послѣднія приведенныя слова, мои: «Впрочемъ, поѣду въ Петербургъ», и далѣе такъ же справедливы, какъ и показаніе о холодности Муравьева. Я только что возвращался изъ Петербурга и ни малѣйшаго не имѣлъ намѣренія туда опять ѣхать. Не могъ я также показывать и надежды, что въ Москвѣ все дѣйствіе тогда совершится, когда зналъ, что у насъ въ Москвѣ почти совсѣмъ никого не было изъ членовъ. Да и самъ Поджіо говоритъ, что я жаловался на неблагопріятность обстоятельствъ; сія жалоба и та надежда явно одна другой противорѣчатъ. Вообще же предметовъ разговора, о коихъ упоминаетъ Поджіо, касался я съ нимъ немного, главный же предметъ разговора былъ устройство арміи (показаніе 6 апрѣля, п. 16)

1826 года, апрѣля 13-го дня, въ присутствіи Высочайше учрежденнаго Комитета, по разнорѣчію въ показаніяхъ, дана очная ставка подполковнику Поджіо съ полковникомъ Пестелемъ (по содержанію предыдущихъ показаній).

На очной ставкѣ утвердили:

Подполковникъ Поджіо, уличая полковника Пестеля, подтвердилъ вышеприведенное свое показаніе безъ всякой отмѣны, исключая предполагаемую Пестелемъ поѣздку въ Петербургъ, о которой хорошо не упомнитъ и потому утверждать за вѣрное не можетъ.

Полковникъ Пестель сознался, что съ полковникомъ Поджіо дѣйствительно жертвы изъ Императорской фамиліи считали, но притомъ отрицаетъ, что о порученіи Барятинскому избрать 12 человѣкъ рѣшительныхъ для сего ему, Поджіо, никогда не говорилъ, потому что и самаго порученія Барятинскому никогда не дѣлалъ, ибо сего обстоятельства совершенно не помнитъ. О назначеніи же разныхъ лицъ въ должности не говорилъ.

Отвѣты на показанія Матвѣя Муравьева-Апостола, Бестужева-Рюмина и Крюкова 2-го.

— Отставной подполковникъ Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ показываетъ:

а) что предполагаемое истребленіе всей Императорской фамиліи вы считали удобнѣе произвести отдѣльнымъ заговоромъ внѣ общества, и сіе-то самое подало вамъ мысль составить особую партію подъ названіемъ «une cohorte perdue» и поручить ее Лунину, исполненіе коей вы называли первымъ дѣйствіемъ революціи;

б) что послѣ сего перваго дѣйствія революціи вы предполагали собрать Синодъ и Сенатъ и заставить ихъ силою, если нужно будетъ, издать два манифеста: первый отъ Синода, всему русскому народу присягнуть временному правительству, которое должны были составить директоры общества, и второй манифестъ отъ Сената долженъ былъ дать понятіе народу, что временное правленіе обязывалось вводить (un cadre en grand de la constitution), дабы отвести подозрѣніе, что директоры хотятъ себѣ присвоить

власть. Во все время существованія временнаго правленія общество должно было производить свое дѣйствіе тайнымъ образомъ, чтобы создать общее политическое мнѣніе насчетъ новаго порядка вещей;

в) что въ сію же бытность вашу въ Петербургѣ онъ, Муравьевъ, по разнесшимся слухамъ о пріѣздѣ генерала Эртеля въ Кіевъ, полагая, что братъ его Сергѣй (отъ коего долго не получалъ писемъ) захваченъ, какъ членъ тайнаго общества, предпринялъ было намѣреніе покуситься на жизнь Государя Императора, и когда сообщилъ вамъ объ ономъ, то вы, одобривъ его, сказали ему, Муравьеву: «Вы хорошо понимаете дѣло», и притомъ вопросили: «Думаете ли вы, что намѣреніе покуситься на жизнь одного государя достаточно?» на что отвѣчалъ онъ, что хочетъ только спасти брата;

г) что видя несогласіе всѣхъ сѣверныхъ членовъ на предложенное вами временное правленіе и на соединеніе сѣвернаго и южнаго общества, вы, ударивъ по столу рукою, сказали: «Такъ будетъ же республика», но и за симъ никто не согласился и даже князь Оболенскій присталъ къ общему мнѣнію сочленовъ своихъ. Тогда вы сказали имъ: «Такъ сѣверное и южное общество отдѣльны. Всѣ свѣдѣнія, какія вы будете желать отъ южнаго общества, оно вамъ доставитъ, надѣясь, что и вы съ своей стороны то же сдѣлаете. Вотъ Матвѣй Муравьевъ здѣсь остается и вы можете адресоваться, въ чемъ будетъ нужда»;

д) что въ сіе время вы совѣтовали ему, Муравьеву, составить въ Петербургѣ общество, отдѣльное отъ сѣвернаго, такъ, чтобы сіе послѣднее того не знало;

е) что когда онъ, Муравьевъ, изъ Петербурга переѣхалъ жить въ деревню, то вы, будучи симъ огорчены, хотѣли составить подписку, чтобы дать ему средства жить въ Петербургѣ по видамъ общества;

ж) что во время той же бытности въ Петербургѣ, квартируя въ Демутовомъ трактирѣ, вы объяснили полковнику Швейковскому, здѣсь тогда находившемуся, весь ходъ предположеній и дѣйствій южнаго общества, чему Швейковскій весьма обрадовался;

з) что князь Барятинскій, пріѣзжавшій въ Петербургъ въ 1823 году, имѣлъ порученіе сказать сѣвернымъ членамъ о республиканскомъ правленіи и покушеніи на жизнь государя, какъ о предположеніяхъ южнаго общества;

и) что когда онъ, Матвѣй Муравьевъ, согласился на предпринятыя вами временное правленіе и истребленіе всей Императорской фамиліи, то вы именно сказали ему: «Votre frère est trop pur», относя слова сіи къ сопротивленію брата его, Сергѣя.

— а) Первое показаніе подполковника Матвѣя Муравьева въ сущности справедливо, то-есть, что первымъ дѣйствіемъ предполагался заговоръ, что удобнѣе оный исполнить особымъ составомъ членовъ внѣ общества. Какое же давалъ я названіе сему особому заговору, не могу утвердить. Ежели я самъ ему о Лунинѣ говорилъ, чего впрочемъ не утверждаю и не отвергаю, то въ томъ смыслѣ, какъ и брату его, основывая способность Лунина къ сему,

преимущественно на мысли Лунина о покушеніи противъ государя въ маскахъ.

б) Второе его показаніе въ сущности также справедливо, то-есть сказанное имъ объ обоихъ манифестахъ и о продолженіи тайнаго общества. Русская Правда предполагалась быть тѣмъ прибавленіемъ къ манифесту сената, которое онъ называетъ un cadre en grand de la constitution. Насчетъ же назначенія директоровъ членами временнаго правленія прибавляю, что я положительнаго мнѣнія о семъ выборѣ не имѣлъ и точнаго предположенія не дѣлалъ, а готовъ былъ съ своей стороны согласиться на то, что прочіе пожелаютъ. Дѣлая же различныя предположенія, могъ говорить и то, что онъ показываетъ.

в) Когда подполковникъ Муравьевъ опасался, что братъ его захваченъ, тогда говорилъ онъ мнѣ не о покушеніи на жизнь государя одного, но о рѣшимости его начать съ своей стороны революцію, объясняя, что ежели и братъ его захваченъ, то и все общество откроется. Желаніе спасти брата было конечно побудительною причиною, но дѣйствіе противъ всей императорской фамиліи входило въ его сужденія, прежде еще начатія его опасенія насчетъ брата. Вотъ по моимъ понятіямъ сущность дѣла, о точныхъ же словахъ не могу ничего сказать, ибо не могу всего вспомнить. Я съ нимъ соглашался, что ежели братъ его захваченъ, то, конечно, нечего уже ожидать.

г) На собраніи, о коемъ упоминаетъ Муравьевъ, ничего рѣшено не было, какъ я и прежде уже имѣлъ честь объяснить. Противъ временнаго правленія говорили Никита Муравьевъ и кн. Трубецкой, какъ мною также уже показано прежде. Кн. Оболенскій ничего рѣшительнаго не говорилъ. Муравьевъ спорилъ весьма сильно въ пользу временнаго правленія. Князь Оболенскій во всѣхъ другихъ случаяхъ соглашался со мною и съ Муравьевымъ насчетъ временнаго правленія и почти всѣхъ пунктовъ моихъ конституціонныхъ предположеній. О точныхъ моихъ словахъ, когда ударилъ рукою по столу, не могу припомнить и потому о семъ обстоятельствѣ ничего не отвергаю и ничего не утверждаю. Помню также, что кн. Трубецкой сказалъ, но когда и гдѣ—не помню, что при нашихъ разсужденіяхъ не надо считать два общества, а полагать ихъ однимъ.

Огорчаясь, что мы не могли дойти до полнаго согласія съ сѣверными директорами въ тотъ вечеръ, я могъ говорить въ томъ смыслѣ, какъ упоминаетъ Муравьевъ, и сколько припоминаю себѣ, то въ томъ именно смыслѣ и говорилъ. Но въ слѣдующихъ свиданіяхъ, бывшихъ между мною и тѣми директорами, особенно съ кн. Трубецкимъ и кн. Оболенскимъ, постановили мы дѣйствовать за-одно, другъ другу во всемъ вспомоществуя, и принимать взаимно пріѣзжающихъ членовъ, какъ членовъ одного общества. Такимъ смысломъ и образомъ былъ ко мнѣ Лореръ адресованъ и дѣйствовалъ князь Трубецкой по пріѣздѣ въ Кіевъ и писалъ ко мнѣ кн. Оболенскій то письмо, о коемъ упомянуто въ прежнихъ показаніяхъ (см. выше).

д) Муравьевъ долженствовалъ составлять въ Петербургѣ управу изъ членовъ въ духѣ южнаго общества и всѣ мѣры къ тому

предоставлялись его усмотрѣнію. Онъ же самъ мнѣ говорилъ, что намѣренъ онъ главныя свои сношенія имѣть съ кн. Оболенскимъ, а менѣе всего съ Никитою Муравьевымъ, и членами, коихъ онъ приметъ, не вводить въ сношенія съ противниками республиканскаго правленія, для избѣжанія новыхъ несогласій. Вотъ сущность дѣла. Я находилъ сіе весьма основательнымъ и совѣтовалъ ему сего предположенія держаться.

е) О сей подпискѣ въ пользу Муравьева говорилъ я по возвращеніи моемъ изъ Петербурга, прежде переѣзда Муравьева въ деревню, въ то время, какъ оставилъ его въ столицѣ въ самомъ ревностнѣйшемъ расположеніи духа, въ каковомъ и при пріѣздѣ моемъ его уже засталъ.

ж) Показаніе насчетъ полковника Швейковскаго справедливо.

з) Князь Барятинскій имѣлъ порученіе видѣться съ Никитою Муравьевымъ и Матвѣемъ Муравьевымъ-Апостоломъ и говорить первому о всѣхъ предположеніяхъ южнаго общества, но главнѣйше побудить Н. Муравьева къ дѣятельности. О предположеніяхъ южнаго общества былъ Никита Муравьевъ и прежде извѣщенъ: кн. Барятинскій нашелъ тогда въ Матвѣѣ Муравьевѣ сильное подкрѣпленіе и большое въ немъ негодованіе на недѣятельность Никиты Муравьева, на которую и Поджіо много кн. Барятинскому жаловался.

и) Весьма естественно, что братъ хочетъ говорить въ пользу брата. Но Сергѣй Муравьевъ въ деревнѣ Давыдова въ 1823 году (слѣдовательно, прежде моего пріѣзда въ Петербургъ) по собственнымъ своимъ признаніямъ принялъ мнѣніе о дѣйствіи противъ всей императорской фамиліи, и потому не могъ я его считать въ 1824 году сопротивляющимся сему сужденію. Какими же словами я отзывался о прежнемъ его, Сергѣя, сопротивленіи, того не могу пояснить и нельзя припомнить въ точности всѣхъ словъ, когда-либо говоренныхъ, тѣмъ болѣе, что въ семъ случаѣ, полагаю я, не въ нихъ состоитъ сущность дѣла (показанія 15 апрѣля, п. 2).

— Подпоручикъ Бестужевъ-Рюминъ показываетъ между прочимъ:

1) Что Государственный завѣтъ, данный имъ, Бестужевымъ, Славянскому обществу, былъ составленъ вами изъ Русской Правды.

2) Что когда онъ, Бестужевъ, объяснилъ вамъ о предпріятіи своемъ овладѣть священною особою Государя въ Бобруйскѣ, то вы доказали ему, что сего недостаточно, и что смерть Государя необходима. Убѣжденія ваши по сему предмету были причиною, что Сергѣй Муравьевъ и онъ, Бестужевъ, на совѣщаніи въ Каменкѣ у Давыдова дали свое согласіе на покушеніе противъ жизни Его Величества.

3) Что объ истребленіи Цесаревича онъ, Бестужевъ, писалъ къ Гродецкому по убѣжденію же вашему въ присутствіи Швейковскаго, что одно задержаніе Цесаревича въ Польшѣ недостаточно, и что поляки могутъ воспользоваться слабостію южнаго общества

и возвести Его Высочество на Россійскій престолъ и изъ признательности за то получить свою независимость.

4) Что вы при первомъ свиданіи съ нимъ, Бестужевымъ, объявили, что смерть, или пуля въ лобъ тому члену, который измѣнитъ обществу.

5) Что полученную имъ, Бестужевымъ, отъ Горбачевскаго бумагу о неисправности артиллерійскихъ снарядовъ онъ отослалъ къ вамъ въ копіи.

Противъ всѣхъ вышеприведенныхъ показаній имѣете дать нынѣ же ясные и совершенно положительные отвѣты.

— 1. Я не знаю, какой государственный завѣтъ данъ былъ отъ Бестужева-Рюмина славянскому обществу, но точно помню, что подъ моею диктовкою писалъ Бестужевъ извлеченіе краткое изъ Русской Правды.

2. Бестужевъ на контрактахъ 1823 года, по собственнымъ своимъ показаніямъ, упомянутымъ въ вопросахъ, прежде мнѣ сдѣланныхъ, одобрялъ покушеніе противъ Государя Императора, слѣдовательно не послѣ Бобруйска началъ онъ сіе мнѣніе раздѣлять. Опровергая предположеніе ихъ о дѣйствіи при Бобруйскѣ, находилъ я тысячу причинъ, доказывавшихъ невозможность ожидать успѣха отъ сего предпріятія. Причемъ вопрошалъ его, что они сдѣлали бы, ежели приставленные часовые не исполнили бы возложеннаго на нихъ? ибо, говорилъ я, солдатъ, поставленный, никогда не задержалъ бы Государя Императора. На сіе онъ мнѣ отвѣтствовалъ, что они бы тогда покусились на его жизнь. Слѣдовательно, сіе дѣйствіе и оказалось бы во всякомъ случаѣ неизбѣжнымъ. Какія же внутреннія имѣлъ побужденія Сергѣй Муравьевъ и Бестужевъ объявить въ Каменкѣ о мнѣніи дѣйствовать противъ Его Величества, сего я знать не могу, но достовѣрно, что они сіе мнѣніе объявили. А приписывать они сіи побужденія могутъ, конечно, чему хотятъ. Помню также, что не я одинъ опровергалъ ихъ бобруйскія предположенія, но равнымъ образомъ Давыдовъ и кн. Волконскій.

3. Я никогда Бестужева не убѣждалъ писать письмо къ Гродецкому, доказательствомъ чему служитъ уничтоженіе директоріею сего письма, по доставленіи онаго чрезъ кн. Волконскаго.— Сужденіе же, о коемъ при семъ случаѣ упоминаетъ Бестужевъ, я не отрицаю: оно входитъ въ полной мѣрѣ во всѣ сужденія, бывшія о покушеніи противъ Императорской фамиліи.—Замѣчу при семъ, однако же, что когда я имѣлъ сношеніе съ кн. Яблоновскимъ, то не съ таковою ясностію о семъ предметѣ было изъяснено, но сказано: поступить съ нимъ, какъ мы съ прочими великими князьями.—Сужденій о дѣйствіи противъ Императорской фамиліи было очень много, и ежели бы я имѣлъ таковую же память, какъ обвиняющіе меня, то могъ бы много случаевъ показать, въ коихъ прочіе рѣшительнѣе моего говорили и съ разными приговорками.

4. Я не помню, чтобы дѣлалъ Бестужеву сего объявленія, и потому что достовѣрно не помню, то сего не отрицаю; но думаю, что сего не дѣлалъ.

5. Сія бумага была у меня такъ короткое время, что не помню, въ копіи ли, или въ оригиналѣ ли онъ ее ко мнѣ прислалъ, но кажется, что была точно въ копіи. Впрочемъ, такъ какъ сіи бумаги найдены комитетомъ вмѣстѣ съ начатою Русскою Правдою, то и можетъ обстоятельство сіе доказаться само собою. Я же съ своей стороны имѣю честь докладывать, что она, сколько только припомнить могу, была въ копіи и собственною Бестужева рукою написана (то же, п. 3).

Поручикъ Крюковъ 2-й показываетъ:

1) Что въ 1825 году на маневрахъ въ мѣст. Жарницахъ вы сказывали ему, что все готово къ начатію возмутительныхъ дѣйствій, и просили его увѣдомить членовъ Тульчинской управы, служащихъ по квартирмейстерской части, дабы они заготовили армейскіе мундиры.

2) Что по кончинѣ блаженной памяти Государя Императора вы извѣстили Тульчинскую управу, что возмутительныя дѣйствія начнутся со вступленіемъ Вятскаго полка въ главную квартиру 1-го января 1826 года, и что прежде еще сего чрезъ Заикина вы извѣстили Управу, чтобы при начатіи возмутительныхъ дѣйствій не выпускать изъ главной квартиры главнокомандующаго и начальника штаба, во что бы то ни стало.

3) Что онъ, Крюковъ, привезъ къ вамъ изъ Василькова отъ Муравьевыхъ три письма и двѣ бумаги, изъ коихъ въ одной извѣщалось о принятіи новыхъ членовъ и духѣ солдатъ, а въ другой совѣтовалось подать начальству мнѣніе объ исправленіи артиллерійскихъ снарядовъ; письма, коихъ часть прочли вы тогда вслухъ при немъ и при маіорѣ Лорерѣ, заключали въ себѣ почти все то же, что онъ пересказалъ изустно.

4) Изъ мѣст. Линецъ возвратился онъ въ Тульчинъ съ духовымъ ружьемъ, полученнымъ имъ отъ васъ, которое намѣревался употребить, въ случаѣ нужды, при открытіи возмутительныхъ дѣйствій.

Объясните съ полною откровенностію, справедливо ли сіе показаніе его, Крюкова 2-го, присовокупивъ къ тому:

1) Точно ли вы просили его увѣдомить тульчинскихъ членовъ, служащихъ по квартирмейстерской части, чтобы они заготовили армейскіе мундиры и для чего именно?

2) Дѣйствительно ли поручено было отъ васъ тульчинскимъ членамъ при начатіи возмутительныхъ дѣйствій не выпускать изъ главной квартиры главнокомандующаго и начальника штаба, во что бы то ни стало, и какія сверхъ того къ приведенію сего въ исполненіе съ вашей стороны сдѣланы были распоряженія? и

3) точно ли дали вы Крюкову 2-му духовое ружье и для какого именно употребленія?

— Въ прежнихъ моихъ показаніяхъ, и въ особенности въ отвѣтахъ на вопросы отъ 1-го или 8-го апрѣля, имѣлъ я честь комитету доносить, что въ 1824 году Васильковская Управа требовала отъ насъ присылки, для начатія возмутительныхъ дѣйствій въ 1825 году, какъ тогда она предполагала, нѣсколькихъ офицеровъ, которые бъ, надѣвъ армейскіе полко-

вые мундиры, стали бы во фронтъ. Полковые командиры долженствовали наканунѣ отдать въ своихъ полковыхъ приказахъ, что такіе-то переведены въ полки и прибыли на-лицо. Сей проектъ былъ данъ полковникомъ Швейковскимъ. Въ планѣ 1825 года не было о семъ болѣе говорено.—О семъ требованіи Васильковской Управы говорилъ я Крюкову 2-му на маневрахъ 1824-го, а не 1825 года, но притомъ не просилъ его, чтобы они уже заготовляли армейскихъ мундировъ, а говорилъ только о семъ проектѣ, спрашивая его, будетъ ли онъ и товарищи его на то согласны, ежели бы обстоятельства того потребовали. Онъ сказалъ, что готовъ сіе сдѣлать и полагаетъ то же о прочихъ. О семъ предметѣ говорилъ я весьма слегка, а послѣ того, какъ сей планъ о дѣйствіи въ 1825 году былъ на кіевскихъ контрактахъ отвергнутъ, то и не было болѣе о семъ предметѣ говорено.

Показаніе Крюкова 2-го о начатіи возмутительныхъ дѣйствій въ 1826 году, по полученіи извѣстія о кончинѣ блаженной памяти Государя Императора, есть тотъ самый предметъ, о которомъ я имѣлъ честь комитету доносить въ отвѣтахъ на вопросы отъ 1-го апрѣля, касательно предположенія арестовать главную квартиру. Опасеніе, что наше общество правительствомъ открыто, и возможность, что по случаю кончины Государя Императора окажутся гдѣ-нибудь смятенія, заставляли разсуждать о могущей встрѣтиться необходимости для насъ начать также съ своей стороны возмутительныя дѣйствія. Въ семъ смыслѣ говорилъ я въ Умани съ княземъ Волконскимъ и съ Давыдовымъ, а въ Линцахъ съ Крюковымъ 2-мъ и съ Заикинымъ. Объ арестованіи же главнокомандующаго и начальника Главнаго Штаба, дабы они не собрали противнаго войска, или о невыпускѣ ихъ изъ Тульчина для той же цѣли, дѣйствительно я говорилъ тому и другому, какъ Крюковъ показываетъ, но прибавлю къ сему, что сіе намѣреніе было не рѣшительное предположеніе непремѣнно дѣйствіе начать, но было предложеніе условное: ежели обстоятельства, какъ выше сказано, насъ къ начатію возмущенія вынудятъ. Сверхъ сего на таковой случай не было сдѣлано мною никакихъ распоряженій, кромѣ того, что сказано въ отвѣтахъ на вопросы отъ 1 апрѣля о свиданіи моемъ съ княземъ Волконскимъ и Давыдовымъ. По полку же не было мною никакихъ мѣръ предпринято, и въ скорости получили приказаніе присягать Цесаревичу.

О письмахъ, привезенныхъ Крюковымъ 2-мъ изъ Василькова, и о двухъ при нихъ бумагахъ имѣлъ я честь комитету донести также въ отвѣтахъ на вопросы отъ 1-го апрѣля. Одно письмо было отъ Бестужева-Рюмина, другое отъ Сергѣя Муравьева, а третье отъ Матвѣя Муравьева. Они всѣ трое писали отвѣтъ на сообщенное чрезъ Крюкова опасеніе объ открытіи общества и изъяснили, что готовы дѣйствія начать, если общество открыто. Бестужевъ сверхъ того писалъ, что будетъ ко мнѣ передъ контрактами. Сергѣй Муравьевъ писалъ, что имъ только двѣ недѣли нужны, дабы значительныя силы собрать. Матвѣй Муравьевъ въ томъ же смыслѣ отзывался. Крюковъ говорилъ, что ежели судить по словамъ Бестужева и Муравьевыхъ, то они должны быть очень

сильны. То, что я вслухъ не читалъ, содержало одни обыкновенныя привѣтствія и изъясненія въ дружбѣ. Обѣ приложенныя бумаги были доставлены къ Бестужеву двумя артиллерійскими офицерами изъ числа соединенныхъ славянъ, коихъ имена я по истинѣ не знаю. О нихъ въ сказанныхъ прежнихъ отвѣтахъ также мною объяснено.

Духовое ружье было мною дано Крюкову по его желанію, для употребленія онаго по обстоятельствамъ, а сверхъ того и насчетъ слѣдующаго случая. Ежели бы дѣйствительно мы нашлись въ готовности и въ необходимости начать возмутительныя дѣйствія, то я полагалъ нужнымъ освободить изъ-подъ ареста маіора Раевскаго, находившагося тогда въ Тирасполѣ, въ корпусной квартирѣ генерала Сабанѣева. Сіе освобожденіе зависѣло бы отъ обстоятельствъ насчетъ приведенія онаго въ дѣйствіе и въ случаѣ какой-нибудь надобности скрыть оружіе, предполагалось оно къ употребленію, точнаго же опредѣлительнаго предназначенія ему не дѣлалось. Мнѣ сіе духовое ружье привезъ по моему желанію Майборода изъ Тулы.

Къ сему прошу позволеніе прибавить, что когда отъ разговора съ другими членами,—какъ то и въ семъ случаѣ съ Крюковымъ, особенно послѣ возвращенія его изъ Василькова,—мнѣ живо представлялась опасность наша и необходимость дѣйствовать, тогда воспламенясь и оказывалъ я готовность при необходимости обстоятельствъ начать возмущеніе и въ семъ смыслѣ говорилъ. Но послѣ того, обдумывая хладнокровнѣе, рѣшался я лучше собою жертвовать, нежели междоусобіе начать, какъ то и сдѣлалъ, когда въ главную квартиру вызванъ былъ. А по сему и не предпринималъ никакихъ дѣйствій къ приготовленію по полку. Сіе есть совершеннѣйшая истина (Показанія 20 апрѣля).

8. Сношенія съ польскимъ тайнымъ Обществомъ.

— Какія общества находятся собственно въ Польшѣ, и въ какихъ мѣстахъ заведены ихъ отдѣленія, или отрасли?

— Въ Польшѣ существуетъ тайное политическое общество, распространенное, по словамъ сочленовъ онаго, по всему Царству Польскому, Герцогству Познанскому, Австрійской Галиціи, Литовскимъ, Подольской, Волынской и Кіевской губерніямъ. Я не извѣстенъ о точныхъ мѣстахъ ихъ отдѣленій, но для трехъ послѣднихъ губерній было ихъ начальство или управа въ Житомірѣ, потому что изъ названныхъ трехъ губерній Волынская преимущественно изобилуетъ членами сего общества. Предсѣдателемъ сего округа былъ, ради богатства своего, маршалъ дворянства графъ Мощинскій (показанія 13 января 1826 года, п. 8).

— Какія и съ котораго времени имѣютъ сношенія между собою общества польскія и россійскія, чрезъ какія лица и какими средствами происходятъ оныя?

— Бестужевъ-Рюминъ, познакомившись въ Кіевѣ съ Гродецкимъ, графомъ Олизаромъ и графомъ Хоткевичемъ, первый открылъ сообщеніе русскаго общества съ польскимъ. Онъ увѣдомилъ о семъ открытіи своемъ директорію южнаго округа и получилъ

отъ нея разрѣшеніе продолжать сіи сообщенія и войти въ сношеніе съ польскимъ обществомъ, совѣщаясь обо всемъ съ Сергѣемъ Муравьевымъ. На 1825-ый же годъ положено было, что я вмѣстѣ съ княземъ Волконскимъ буду продолжать сношенія съ тѣми депутами польскаго общества, которые отъ ихъ директоріи назначены будутъ для сей цѣли во время кіевскихъ контрактовъ 1825 года. Такъ и было исполнено. Польскіе депутаты были князь Яблоновскій и Гродецкій. Сіи сношенія происходили личными переговорами; причемъ никакой переписки не было. (То же п. 10).

— На какихъ условіяхъ заключенъ между обществами союзъ, чтобы совокупно дѣйствовать къ достиженію цѣли?

— Цѣль сношеній съ польскимъ обществомъ состояла въ томъ, чтобы знать, что у поляковъ дѣлается и дружескими сношеніями предупредить вредъ, который они Россіи сдѣлать бы могли въ роковое время. Происходили разговоры и переговоры; но условій никакихъ еще заключено не было, ибо на то нужно было предварительное мнѣніе и согласіе всего союза. Переговоры же только что начались и мало оныхъ происходило. Заключеніе условій не могъ я принять на свою отвѣтственность, ибо безъ предварительнаго согласія всего союза не могъ удостовѣрять о принятіи союзомъ и, при случаѣ, объ исполненіи условій; я только бы себя компрометировалъ, по окончаніи переговоровъ представивъ бы оное союзу на рѣшеніе и утвержденіе условій. Весь разговоръ мой съ польскими депутатами продолжался не болѣе одного часу и былъ только одинъ разговоръ. Предметы переговоровъ были: 1) Независимость Польши,—глухо сказано. Но о губерніяхъ литовскихъ, Бѣлостокской, Подольской и Волынской не было даже ни единымъ словомъ упомянуто. 2) Взаимное содѣйствіе на случай внѣшней войны. 3) Одинаковый образъ правленія. 4) Поступить полякамъ съ Цесаревичемъ, какъ нами поступлено будетъ съ прочими великими князьями. 5) Увѣдомлять имъ насъ о всѣхъ своихъ сношеніяхъ съ другими обществами въ Европѣ, а равно и съ Англіею, и никакихъ не заключать имъ обязательствъ ни съ кѣмъ безъ предварительнаго нашего согласія (То же, п. 11).

— Какое имъ было обѣщано содѣйствіе и вознагражденіе?

— Имъ ничего обѣщано не было, но въ переговорахъ было сказано о независимости Польши, но и то глухо, какъ уже объяснено (То же, п. 12).

— Кто именно были тѣ депутаты польскихъ обществъ, которые въ 1824 году въ Кіевѣ заключили съ южнымъ обществомъ условіе о содѣйствіи въ переворотѣ съ тѣмъ, чтобы Польшѣ уступлены были завоеванныя у нея области, и кто употребленъ былъ къ сему договору со стороны общества?

— Въ 1824 году сносился Бестужевъ-Рюминъ преимущественно съ Гродецкимъ. Имѣлъ также разговоры съ графомъ Хоткевичемъ и графомъ Олизаромъ. Условій не только въ 1824 году, но и въ 1825 году заключено не было, а происходили одни переговоры, ничего рѣшительнаго въ себѣ не заключавшіе, какъ уже неоднократно объяснялъ. Объ уступленіи Польшѣ завоеванныхъ областей никогда упоминаемо не было, но о независимости Польши

было глухо говорено. Къ тому же не мы въ польскомъ обществѣ искали, но они въ нашемъ (То же, п. 33).

— Сверхъ наименованныхъ вами членовъ польскихъ обществъ, кто еще извѣстенъ вамъ изъ принадлежащихъ къ онымъ лицъ и по какимъ отношеніямъ?

— Всѣ члены польскаго общества, которые мнѣ извѣстны или о которыхъ я слыхалъ, суть слѣдующіе: князь Яблоновскій и Гродецкій, съ коими я имѣлъ переговоры отъ лица русскаго общества; генералъ Княжевичъ, генералъ Хлопицкой, полковникъ Тернавскій, помѣщикъ Проскура, графъ Хоткевичъ и графъ Олизаръ, о коихъ мнѣ говорилъ Бестужевъ-Рюминъ; помѣщикъ Чарковскій, о коемъ я слышалъ отъ князя Волконскаго, графъ Мощинскій, о коемъ мнѣ говорилъ князь Яблоновскій; старикъ графъ Потоцкій, живущій близъ Бердичева, въ Бѣлиловкѣ, и шляхтичъ Рутковскій, о коихъ заключилъ я изъ словъ доктора Плесля, и наконецъ самъ докторъ Плесль (То же, п. 34.)

— Въ началѣ 1825 г., южное общество писало ли къ директоріату польскихъ (обществъ), укоряя оный въ недѣятельности и требуя смерти Цесаревича?

— Въ 1824 г. сношенія съ поляками происходили чрезъ Бестужева-Рюмина. Онъ написалъ таковую бумагу и отдалъ ее князю Сергѣю Волконскому, прося его передать оную Гродецкому. Князь Волконскій, прочитавъ сію бумагу и посовѣтовавшись съ Василіемъ Давыдовымъ, на мѣсто того, чтобы отдать сію бумагу Гродецкому, представилъ оную директоріи южнаго края. Директорія истребила сію бумагу, прекратила сношенія Бестужева съ поляками и передала таковыя мнѣ и князю Волконскому. Такимъ образомъ, сія бумага не дошла до поляковъ. Бестужевъ же объяснялъ, что его Гродецкій о томъ просилъ (То же, п. 35).

— Кромѣ Бестужева-Рюмина, были употребляемы вами для переговоровъ съ польскими обществами докторъ Плесль, шляхтичъ Рутковскій, кн. Сергѣй Волконскій и нѣкто Мощинскій; въ чемъ состояли сдѣланныя имъ порученія, и какія получены чрезъ нихъ отзывы?

— Князь Сергѣй Волконскій былъ назначенъ вмѣстѣ со мною для переговоровъ съ княземъ Яблоновскимъ и Гродецкимъ. Сверхъ того видѣлся онъ въ Бердичевѣ на ярмаркѣ прошлаго лѣта съ графомъ Мощинскимъ, который ему болѣе ничего не сказалъ, какъ только то, что польское общество пріобрѣло нѣсколько членовъ въ Минскомъ полку изъ числа офицеровъ-поляковъ. Графъ Мощинскій былъ назначенъ отъ польскаго общества, а полковникъ Швейковскій отъ нашего, для сношенія о Литовскомъ корпусѣ, дабы взаимно давать знать о пріобрѣтеніи членовъ въ общество изъ офицеровъ Литовскаго корпуса. Симъ единственно ограничивалось ихъ порученіе. Мы же въ семъ корпусѣ никого не имѣли. Шляхтичъ Рутковскій, повѣренный въ дѣлахъ графа Мечислава Потоцкаго, живущій въ Тульчинѣ, никакихъ сношеній не имѣлъ ни со мною, ни съ кѣмъ другимъ изъ членовъ русскаго общества. Съ докторомъ Плесль я не имѣлъ прямыхъ сношеній отъ лица польскаго и русскаго обществъ, но узналъ отъ него, что члены, съ коими я сіи

сношенія имѣлъ въ Кіевѣ, намѣреваются прибыть въ окрестности Линецъ, моей полковой штабъ-квартиры, для продолженія переговоровъ. Однако же, они не пріѣзжали. Сіе было въ декабрѣ прошлаго года (То же, п. 36).

— Точно ли въ Англіи принимали участіе въ намѣреніяхъ тайныхъ европейскихъ обществъ, и до какой степени содѣйствовали и поддерживали оныя деньгами изъ Англіи?

— Тотъ же самый князь Яблоновскій мнѣ сказывалъ, что польское общество находится въ сношеніи съ Англіею, оттуда деньги получаетъ и что имъ также оружіе обѣщаютъ, но до какой степени имъ изъ Англіи содѣйствовали, деньгами поддерживали и въ нихъ участіе принимали, о томъ онъ ничего не объяснялъ; а потому и я ничего болѣе о томъ не знаю и не могу объяснить (то же, п. 15).

— Въ данныхъ здѣсь отвѣтахъ вы приводите весьма кратко слышанное отъ кн. Яблоновскаго и Гродецкаго, что польское общество находится въ сношеніяхъ съ англійскимъ правительствомъ, отъ коего получаетъ деньги, но умалчиваете о подробностяхъ сихъ сношеній и о лицахъ, чрезъ которыхъ оныя происходятъ, тогда какъ сами же разсказывали г-ну Юшневскому то же, но гораздо яснѣе, и именно, что въ дѣлѣ тайнаго общества принимаетъ искреннее участіе англійскій кабинетъ и обѣщаетъ въ нужномъ случаѣ оказать содѣйствіе. Объясните положительно и безъ малѣйшей утайки все, что вамъ извѣстно о сношеніяхъ и связи польскихъ обществъ съ Англіею, и какой именно князь Яблоновскій и кто такой Гродецкій, съ которыми вы сносились?

— Князь Яблоновскій сказывалъ мнѣ, что англійское правительство находится съ польскимъ тайнымъ обществомъ въ сношеніи, снабжаетъ ихъ деньгами и обѣщаетъ снабдить также и оружіемъ. Какимъ же образомъ и чрезъ какія лица сіе происходитъ, онъ мнѣ о томъ ничего не разсказывалъ, а потому и я ничего о томъ не могу сообщить, ибо ничего, кромѣ сказаннаго, не знаю. Весь мой разговоръ съ княземъ Яблоновскимъ не болѣе часу продолжался и потому нельзя было обо всемъ узнать въ подробности. Я Юшневскому то же самое говорилъ, ни болѣе, ни менѣе, да и приведенныя слова Юшневскаго въ 43-мъ пунктѣ (т. е. въ этомъ пунктѣ вопросовъ) то же самое заключаютъ. Гродецкій служитъ въ гражданскомъ департаментѣ главнаго суда въ Кіевѣ, а князь Яблоновскій жительствуетъ въ Варшавѣ, но который это Яблоновскій, опредѣлить и описать не знаю (то же, п. 43).

— Кто именно былъ тотъ членъ польскаго общества, съ которымъ вы видѣлись на послѣднихъ кіевскихъ контрактахъ въ квартирѣ кн. Сергѣя Волконскаго на Печерскѣ и который требовалъ отъ васъ, чтобы указать взаимно въ Варшавѣ и въ Петербургѣ по одному лицу изъ высшаго чина, ибо польскіе члены, съ коими они должны имѣть переговоры, суть высшихъ чиновъ? Какой вы сдѣлали на предложеніе его рѣшительный отзывъ и по собственному ли вашему соображенію, или съ согласія прочихъ предсѣдателей Тульчинской думы?

— Князь Яблоновскій и Гродецкій были тѣ члены тайнаго польскаго общества, съ которыми я видѣлся на послѣднихъ кон-

трактахъ въ Кіевѣ, въ домѣ князя Волконскаго, на Печерскѣ. Упоминаемое предложеніе дѣлалъ князь Яблоновскій и дѣлалъ предложеніе, а не требованіе, говоря, что таковое назначеніе можетъ ускорить переговоры и заключеніе условій. Я ему отвѣчалъ, что наше общество назначило для переговоровъ съ польскимъ обществомъ князя Волконскаго и меня, и что мы также довольствуемся ими, то есть княземъ Яблоновскимъ и Гродецкимъ. Сего отвѣта я не могъ не дать, ибо изъ высшихъ лицъ государственной службы никто къ обществу не принадлежалъ (То же, п. 44).

— Подполковнику Поджіо вы сказывали, что близъ мѣст. Линцы, въ которомъ находился штабъ Вятскаго полка, жилъ какой-то полякъ Чернявскій, имѣвшій съ вами сношенія по тайному обществу, справедливо ли сіе показаніе Поджіо, кто по имени и званію означенный полякъ Чернявскій, какому обществу онъ принадлежалъ и въ чемъ состояли ваши съ нимъ сношенія?

— Я Поджіо никогда не говорилъ про Чернявскаго; а вѣроятно смѣшиваетъ онъ сіе съ Чарковскимъ, съ которымъ былъ знакомъ кн. Волконскій (То же, п. 45.)

— Точно ли цѣль польскихъ обществъ была возстановленіе Польши въ прежнемъ ея видѣ, и на семъ ли только условіи означенныя общества обѣщали содѣйствовать намѣренію общества южнаго, какъ вы сами разсказывали о томъ г. Юшневскому? Чрезъ кого объявлена была сія цѣль польскаго общества, кто заключилъ съ ними означенное условіе и по общему ли согласію всѣхъ южныхъ членовъ, или только по усмотрѣнію предсѣдателей думы?

— Подробный отвѣтъ на сей вопросъ находится въ 11 пунктѣ. Не мы просили содѣйствія у поляковъ, но они просили нашего. Во всѣхъ сношеніяхъ съ ними было за правило принято поставить себя къ нимъ въ таковое отношеніе, что мы въ нихъ ни малѣйше не нуждаемся, но что они въ насъ нужду имѣютъ; что мы безъ нихъ обойтиться можемъ, но они безъ насъ успѣть не могутъ; и потому никакихъ условій не предписывали они намъ, а напротивъ того показывали готовность на всѣ наши требованія согласиться, лишь бы мы согласились на независимость Польши. Говоря же о сей независимости, было о Польшѣ упомянуто глухо и ни слова не было сказано о губерніяхъ литовскихъ, Подольской и Волынской. Сіе весьма извѣстно г. Юшневскому, ибо обо всемъ этомъ совѣщался я съ нимъ въ подробности и не иначе дѣйствовалъ, какъ по общему согласію. По окончаніи переговоровъ прежде заключенія условій были бы статьи оныхъ представлены мною на сужденіе и рѣшеніе всего союза, какъ южнаго, такъ и сѣвернаго округовъ (то же, п. 45).

— Въ присутствіи южныхъ членовъ: Лорера, Поджіо, Фохта и Старосельскаго вы читали на французскомъ языкѣ списокъ членамъ польскихъ обществъ, съ подробнымъ описаніемъ каждаго изъ нихъ, въ числѣ коихъ первымъ былъ именованъ генералъ баронъ Хлопицкій, а послѣ тутъ же разсуждали, что сей Хлопицкій есть главнѣйшій польскій патріотъ, и что южные члены всѣхъ польскихъ знаютъ, а сіи послѣдніе изъ южныхъ никого не знаютъ. Объясните съ искренностію какъ имена и званія, такъ характе-

ры и дѣйствія всѣхъ значившихся въ томъ спискѣ польскихъ членовъ?

— Упоминаемый списокъ былъ составленъ Бестужевымъ-Рюминымъ со словъ знакомыхъ ему поляковъ и содержалъ имена однихъ только четырехъ членовъ польской директоріи, а именно: генераловъ Княжевича и Хлопицкаго, полковника Тернавскаго и помѣщика Проскуры. Въ семъ спискѣ былъ описанъ Хлопицкій: умнѣйшимъ, твердѣйшимъ и просвѣщеннѣйшимъ изъ всѣхъ четырехъ и притомъ имѣющимъ наиболѣе вліянія въ обществѣ. Тернавскій—съ тѣми же качествами, но въ меньшей мѣрѣ. Княжевичъ—человѣкомъ немолодымъ, основательнымъ и хранителемъ бумагъ въ Дрезденѣ. Проскура же былъ описанъ, какъ человѣкъ худой нравственности, хотя и не безъ способностей.

Справедливо, что поляки о нашей директоріи ничего не знаютъ, ибо мы имъ изъ нашихъ членовъ никого не называли и ни о чьемъ значеніи въ союзѣ ничего не говорили. А дабы еще лучше отъ нихъ скрыть всѣ подробности, до нашего общества относящіяся, и болѣе дать себѣ простору въ переговорахъ съ ними, было имъ сказано, что наша директорія находится въ Петербургѣ (то же, п. 50).

— Былъ ли показанъ въ семъ спискѣ генералъ Клицкій, о которомъ говорили вы нѣкоторымъ вашимъ членамъ, и въ какихъ сношеніяхъ съ нимъ вы находились?

— О генералѣ Клицкомъ я никогда ни слова не слыхалъ, въ первый разъ о его имени и существованіи узнаю, и никогда никому изъ нашихъ членовъ о немъ не говорилъ (то же, п. 51).

— Кто именно былъ тотъ членъ польскаго общества, съ которымъ въ маѣ 1825 года желали вы видѣться въ Бердичевѣ и нарочно туда ѣздили, но, возвратясь, говорили съ неудовольствіемъ, что его тамъ не застали? Въ чемъ состояли тѣ переговоры, которые вы надѣялись имѣть съ симъ польскимъ членомъ, и съ которымъ вы, вѣроятно, видѣлись, ѣздивши неоднократно въ Бердичевъ?

— Я ожидалъ видѣться въ Бердичевѣ на ярмаркѣ въ іюнѣ мѣсяцѣ съ княземъ Яблоновскимъ, или съ тѣмъ, кто отъ него мнѣ подастъ письмо. Сношенія между польскимъ и русскимъ обществами начались въ Кіевѣ, а въ Бердичевѣ на ярмаркѣ долженствовали продолжаться. Я въ Бердичевѣ не могъ быть, да и князь Яблоновскій туда не пріѣзжалъ, и потому никакихъ переговоровъ и не было. Я ни разу въ Бердичевѣ ни одного польскаго члена не видалъ (то же, п. 55).

— Въ 33 пунктѣ отвѣтовъ вы увѣряете, что съ поляками никакихъ условій постановляемо не было, а происходили одни переговоры, ничего рѣшительнаго въ себѣ не заключавшіе, а объ уступкѣ Польшѣ завоеванныхъ областей никогда и упоминаемо не было; въ 45 же пунктѣ дополняете, что сношенія съ поляками ведены были такъ, что они не смѣли ничего требовать и считали за милость всякое снисхожденіе.

Послѣдующія показанія свидѣтельствуютъ противное:

а) Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ и Бестужевъ-Рюминъ говорятъ, что послѣдній изъ нихъ въ 1823 году сдѣлалъ предложеніе,

чтобы для открытія сношеній съ поляками обѣщать имъ независимость и возвращеніе завоеванныхъ губерній, каковое тогда же директоріею было одобрено, и поручено ему, Бестужеву, начать самыя сношенія.

б) Бестужевъ поясняетъ, что онъ съ Гродецкимъ заключилъ договоръ, въ которомъ со стороны Россіи была обѣщана Польшѣ уступка губерній Гродненской, части Волынской, Виленской и Минской, а Польша обязывалась, между прочимъ, отнять у Цесаревича всѣ средства возвратиться въ Россію; дѣйствительность чего подтверждаетъ и подполковникъ Поджіо, видѣвшій у васъ письменный отчетъ Бестужева, въ которомъ именно сказано, что со стороны южнаго общества затребовано было истребить Цесаревича, а съ польской стороны было обѣщано сіе исполнить въ томъ же году (1824).

в) Подполковнику Поджіо вы сами разсказывали, что южное общество, признавая независимость Польши, уступаетъ ей всѣ завоеванныя области, Минскую, Волынскую, Гродненскую, Подольскую, Могилевскую и даже Витебскую, и что общество, распространяемое въ Литовскомъ корпусѣ, и въ сей губерніи составлено съ тою цѣлью, чтобы отвратить препятствія въ успѣхѣ революціи.

г) Маіоръ Лореръ показываетъ слышанное отъ васъ, что поляки согласились не препятствовать южному обществу, только на условіи объ уступкѣ имъ завоеванныхъ областей.

д) По словамъ князя Волконскаго и подполковника Поджіо, въ началѣ 1824 года Бестужеву-Рюмину за. сношенія его съ поляками изъявлена была отъ директоріи признательность чрезъ Юшневскаго; слѣдовательно, договоръ его былъ одобренъ.

е) Бестужевъ-Рюминъ дополняетъ, что по бездѣйствію польскаго общества (въ 1824 году) вы изъявили ему подозрѣнія свои, что оно можетъ измѣнить южному, и при началѣ революціи возвести Цесаревича на престолъ Россіи и получить отъ него независимость въ знакъ признательности или избрать его королемъ по конституціи 3-го мая, и что сіи подозрѣнія ваши служили поводомъ къ письму его, Бестужева, на имя Гродецкаго, въ которомъ напоминалось полякамъ о ихъ обѣщаніи насчетъ Цесаревича, но которое было удержано княземъ Волконскимъ.

ж) Капитанъ Никита Муравьевъ утверждаетъ, что сѣверные члены роптали противъ васъ за обѣщанную полякамъ уступку завоеванныхъ областей, но вы на сіе отозвались: «Что жъ дѣлать? слово сказано и перемѣнить нельзя; впрочемъ, такъ хотѣло южное общество».

з) Князь Волконскій, участвовавшій съ вами въ сношеніяхъ съ княземъ Яблоновскимъ и Гродецкимъ въ 1825 году, свидѣтельствуетъ, что въ переговорахъ вашихъ съ ними положено было, между прочимъ: 1) заточить всѣхъ тѣхъ членовъ Императорской фамиліи, кои при началѣ революціи будутъ находиться въ Польшѣ, и отвратить всѣ покушенія къ ихъ освобожденію, 2) уступить Польшѣ завоеванныя отъ нея губерніи.

и) Наконецъ, обозрѣніе карты, найденной вмѣстѣ съ Русскою Правдою и надписанной вашею рукою объ областяхъ, которыя

должны были составить собственно Россію, удостовѣряетъ, что, за исключеніемъ нѣкоторой части, всѣ губерніи, присоединенныя отъ Польши, означены внѣ границъ государства и, слѣдовательно, въ понятіи преобразователей почитались уже уступленными Польшѣ.

— Въ 1823 году Бестужевъ-Рюминъ, узнавъ о существованіи польскаго общества, сдѣлалъ предложеніе войти съ ними въ сношеніе и обѣщать имъ независимость. Когда получилъ онъ на то разрѣшеніе, тогда говорилъ я самъ лично ему, чтобы онъ отнюдь не терялъ изъ виду выгодность нашего положенія въ отношеніи къ полякамъ и имъ давалъ чувствовать, что мы безъ нихъ очень можемъ обойтиться, но они безъ насъ никакъ. Постановленіе себя въ сіе соотношеніе къ полякамъ упрашивалъ я безпрестанно Бестужева никогда изъ виду не терять и о томъ всегда говорилъ и другимъ членамъ, между прочимъ, Юшневскому, Волконскому, Давыдову. Вящимъ тому доказательствомъ служитъ, что князь Яблоновскій, когда я ему сказалъ, что мы готовы признать независимость Польши, возразилъ, что коль скоро мы на сіе согласны, то они всѣ прочія наши требованія готовы исполнить, какъ и когда мы захотимъ. Еще тому доказательствомъ служитъ, что онъ сейчасъ готовность изъявилъ исполнить мое требованіе не имѣть ни съ кѣмъ сношеній безъ нашего вѣдома. Князь Волконскій не можетъ не помнить сего. Таковыя статьи явно изображаютъ ту нашу поверхность надъ ними, о коей я докладывалъ комитету прежде.

Бестужевъ-Рюминъ условился съ Гродецкимъ въ образѣ сношеній, и о семъ въ отчетѣ своемъ главнѣйше говорилъ, а что политическіе предметы самими поляками не считались рѣшительными условіями въ сношеніяхъ съ Бестужевымъ, тому служитъ доказательствомъ и то, что князь Яблоновскій и Гродецкій мнѣ и князю Волконскому говорили, что со дня нашего свиданія считаютъ они сношенія дѣйствительно начавшимися, причемъ еще Гродецкій отзывался, что всегда опасался вѣтренности Бестужева. Я сіе тогда же пересказалъ Юшневскому, Давыдову и князю Барятинскому. Самъ Бестужевъ неоднократно говорилъ, что онъ ведетъ сношенія съ поляками болѣе въ видѣ частнаго, личнаго знакомства и дружества, нежели оффиціальнымъ образомъ отъ общества къ обществу. Наконецъ, и мое свиданіе съ кн. Яблоновскимъ кончилось тѣмъ, что мы предназначили для дальнѣйшихъ переговоровъ видѣться въ Бердичевѣ съ нимъ, или съ тѣмъ, кто отъ него присланъ будетъ, дабы тогда уже положительнѣе устроить взаимныя соотношенія и предметы соглашенія обоихъ обществъ, послѣ свиданія кн. Яблоновскаго съ его директоріею. Доказательствомъ, что какъ я, такъ и поляки не считали условія уже заключенными, служитъ предложеніе ихъ назначить лицъ изъ высшихъ званій для заключенія условій. Впрочемъ, я полагаю, что сіе разногласіе между моими и другими показаніями о семъ предметѣ суть нѣкоторымъ образомъ одинъ споръ въ значеніи выраженія условіе.

О благодарности, изъявленной Бестужеву, ничего не могу сказать, ибо я при томъ не находился.

Касательно границъ, говорилъ мнѣ самъ Бестужевъ неоднократно, что онъ о нихъ и объ уступкѣ губерній избѣгаетъ съ поляками говорить и разсуждать, дабы не произвелъ сей предметъ непріятныхъ впечатлѣній, и въ отчетѣ Бестужева ни слова не было упомянуто о томъ, какія губерніи и части уступаются. Точно такъ и во время моего разговора съ кн. Яблоновскимъ не было ни о какой губерніи упомянуто, а было сказано глухо о независимости Польши. Я очень твердо о семъ помню, ибо сей предметъ по важности своей обращалъ особенное мое вниманіе. Къ тому же и говорили болѣе кн. Яблоновскій да я, а кн. Волконскій и Гродецкій весьма мало. Князь Яблоновскій даже спрашивалъ, кому желаемъ мы поручить набраніе членовъ въ Литовскомъ корпусѣ; имъ ли поручить, или предоставить себѣ оное; на что отвѣчалъ я, что и они могутъ искать пріобрѣтенія членовъ и мы будемъ искать. Сей отвѣтъ отклонялъ всякую намеку на уступку и удержку сихъ губерній. Ежели же рѣшено было въ сношеніяхъ съ поляками, или даже только говорено объ уступкѣ имъ Литвы, то и Литовскій корпусъ не подлежалъ бы сомнѣнію. Посему и утверждалъ я, что объ уступкѣ губерній не было полякамъ говорено. Но въ собственныхъ нашихъ предположеніяхъ уступались имъ тѣ части, которыя на моей картѣ означены. Не знаю, не говорилъ ли Бестужевъ чего Гродецкому или другимъ о семъ, но мнѣ онъ всегда подтверждалъ, что избѣгаетъ о семъ говорить. Я однакоже не полагаю, чтобы онъ говорилъ, потому что Гродецкій при нашемъ свиданіи съ кн. Яблоновскимъ о томъ не упоминалъ.

Поджіо я не могъ говорить объ уступкѣ Волынской, Подольской, Витебской и Могилевской губерній, ибо и на картѣ моей есть доказательство противному; онъ чрезвычайно часто несправедливо показываетъ.

Маіоръ Лореръ ошибается совершенно, ибо я говорилъ ему, что опредѣленіе границъ между Россіею и Польшею послужитъ поводомъ, по моимъ догадкамъ, ко многимъ затрудненіямъ съ польскимъ обществомъ и что догадки сіи основывалъ я на разныхъ словахъ доктора Плесля, съ коимъ однакоже отъ лица общества никакого сношенія никогда не имѣлъ.

Въ сужденіи о семъ предметѣ съ Никитою Муравьевымъ не произносилъ я никогда приведенныхъ имъ словъ, а изъяснялъ ему всѣ причины, побудившія насъ вступить съ поляками въ сношеніе и предполагать уступить имъ тѣ губерніи и уѣзды, которые на картѣ означены внѣ черты Россійскихъ границъ.

Что же касается до опасенія въ ненадежности поляковъ для насъ, о которой упоминаетъ Бестужевъ, то сіе опасеніе дѣйствительно существовало и было общее насъ всѣхъ. Оно послужило поводомъ не къ письму Бестужева къ Гродецкому, которое княземъ Волконскимъ было остановлено, а директоріею уничтожено по тому первому предложенію полякамъ, о которомъ упоминалось въ отчетѣ Бестужева, и которое сдѣлано было также и для того, чтобы изъ образа ихъ сужденій при семъ случаѣ положительнѣе усмотрѣть можно было, въ какомъ духѣ ихъ общество составле-

но. Въ нашихъ же совѣщаніяхъ съ кн. Яблоновскимъ было упомянуто о Цесаревичѣ такимъ образомъ, чтобы при началѣ революціи они его задержали, дабы не послѣдовало отъ него противудѣйствія, и съ нимъ бы поступили такъ, какъ нами поступлено будетъ съ прочими великими князьями (показанія 6 апрѣля, п. 20).

Очная ставка съ Бестужевымъ-Рюминымъ.

1826 года мая 8 дня въ присутствіи Высочайше утвержденнаго комитета, по разнорѣчію въ показаніяхъ, дана очная ставка полковнику Пестелю съ подпоручикомъ Бестужевымъ-Рюминымъ въ томъ, что первый изъ нихъ показывалъ отрицательно, что ни о какомъ договорѣ, заключенномъ между Бестужевымъ и Крыжановскимъ, не было ему извѣстно ни въ 1824 году, ни прежде, ни послѣ, а только сказывалъ ему Бестужевъ, что познакомился и говорилъ объ обществахъ русскомъ и польскомъ съ однимъ польскимъ штабсъ-офицеромъ, имени коего не припомнитъ, но, вѣроятно, это былъ Крыжановскій, и что для сношеній съ Южнымъ обществомъ назначенъ Гродецкій, какъ и въ отчетѣ Бестужева было упомянуто о его сношеніяхъ съ Гродецкимъ, но ни слова не было говорено о Крыжановскомъ.

Напротивъ же того подпоручикъ Бестужевъ-Рюминъ утверждаетъ: а) что на контрактахъ 1824 года въ Кіевѣ онъ, дѣйствительно, заключилъ словесный договоръ съ Крыжановскимъ, б) что послѣ отбытія уже Крыжановскаго все, о чемъ съ нимъ трактовано было, положено Бестужевымъ на бумагу, которую онъ подъ именемъ договора представилъ Южной директоріи, вручивъ Юшневскому, (что и сей послѣдній на сдѣланный ему вопросъ подтвердилъ) и в) что какъ переговоры его, Бестужева, съ Крыжановскимъ и сообщеніе требованія директоріи Гродецкому, такъ и имена обѣихъ сихъ поляковъ упомянуты были въ представленномъ потомъ полковнику Пестелю отчетѣ его, Бестужева, о сношеніяхъ съ поляками.

На очной же ставкѣ.

Полковникъ Пестель подтверждаетъ свое показаніе, присовокупляя, что отчета, отданнаго Бестужевымъ-Рюминымъ Юшневскому, онъ не видалъ; о договорѣ зналъ, но полагалъ его заключеннымъ съ Гродецкимъ, а не съ Крыжановскимъ.

Подпоручикъ Бестужевъ-Рюминъ подтверждаетъ свое показаніе, дополняя, что и о Крыжановскомъ онъ говорилъ г. Пестелю словесно; имени же его въ представленномъ полковнику Пестелю отчетѣ не находилось (дѣло № 396.).

9. О различныхъ тайныхъ обществахъ.

— Какія именно различныя тайныя общества существуютъ въ Россіи, съ котораго времени, гдѣ имѣютъ они свои управы, или думы, въ особенности южному или сѣверному обществамъ принадлежатъ отдѣленія въ Пензѣ, Симбирскѣ и Нижнемъ-Новгородѣ, и кто именно къ каждому обществу принадлежитъ изъ лицъ вамъ извѣстныхъ?

— Кромѣ нашего общества, о коемъ объяснилъ я въ 1-мъ пунктѣ (см. выше), слыхалъ я о существованіи Зеленой Лампы, Русскихъ Рыцарей, Свободныхъ Садовниковъ, Соединенныхъ Славянъ, Кавказскаго и Малороссійскаго обществъ. О точныхъ ихъ мѣстахъ пребыванія, статутахъ, времени учрежденія, управахъ и думахъ ничего не знаю*).

Что же касается до отдѣленій тайнаго общества въ Пензѣ, Симбирскѣ и Нижнемъ-Новгородѣ, то никогда ни отъ кого не слыхалъ, чтобы наше общество изъ южнаго или же изъ сѣвернаго округа тамъ отдѣленія свои имѣло. Ежели кто изъ нашихъ сочленовъ тамъ управы учредилъ, то я о томъ совершенно неизвѣстенъ, и никогда о томъ ничего не слыхалъ, какъ уже прежде объяснилъ (показанія 13 января 1826 года п. 7).

— Объясните съ подробностію и чистосердечіемъ все то, что вамъ извѣстно о существованіи, намѣреніяхъ, дѣйствіяхъ и взаимныхъ сношеніяхъ съ другими тѣхъ обществъ, которыя находятся въ Россіи подъ названіями: 1) Свободные Садовники, 2) Русскіе Рыцари и 3) Зеленая Лампа и прочія?

— Бестужевъ-Рюминъ мнѣ сказывалъ, что онъ слышалъ отъ поляковъ, съ коими сношенія имѣлъ, что существуетъ въ Россіи тайное общество подъ названіемъ Свободныхъ Садовниковъ, съ коими будто бы они находились въ сношеніи, но болѣе ни слова о томъ не упоминали. Тѣмъ и мое свѣдѣніе ограничивается.

О тайномъ обществѣ, подъ названіемъ Русскихъ Рыцарей, говорилъ мнѣ генералъ Орловъ, сказывая, что къ оному принадлежалъ графъ Мамоновъ. У нихъ была печатная книжечка объ обществѣ, которую я однакоже не читалъ. Болѣе о Русскихъ Рыцаряхъ ничего не знаю.

О Зеленой Лампѣ никакъ не могу припомнить, кто мнѣ говорилъ, ибо сіе было еще въ 1817 или 1818 годахъ, но тогда же было мнѣ сказано, что князь Сергѣй Трубецкой имѣетъ свѣдѣніе о семъ обществѣ. Я впослѣдствіи никогда о томъ съ Трубецкимъ не говорилъ, ибо совершенно забылъ о сей Зеленой Лампѣ, да и полагаю, что ея общество было весьма не значущее, ибо послѣ того никогда болѣе ничего про нее не было слышно (то же п. 42).

— Въ чемъ имѣютъ сходство, и въ чемъ различествуютъ цѣли всѣхъ обществъ?

— Дабы на сей вопросъ можно было отвѣчать, надобно было бы имѣть подробное свѣдѣніе о цѣли и устройствѣ всѣхъ тайныхъ обществъ, а такъ какъ я таковаго не имѣю, то и не могу ничего положительнаго сказать. Я по большой части слышалъ только объ именахъ сихъ обществъ, а о подробностяхъ извѣстій не имѣю. Главное же ихъ сходство, конечно, состоитъ въ томъ, что они всѣ суть политическія общества съ либеральными намѣреніями (показанія 13 января п. 9).

— Было ли заведено въ Малороссіи тайное общество Новиковымъ? что вамъ извѣстно о другомъ, тамъ же основанномъ

*) Объ этомъ см. также ниже, въ первыхъ показаніяхъ въ Петербургѣ, подъ № 3.

обществѣ Лукашевичемъ, о коемъ сами вы разсказывали членамъ своего общества, и не сіе ли послѣднее есть то многочисленное общество въ Малороссіи, которое помышляетъ объ отдѣленіи сего края отъ Россіи и готово отдаться въ покровительство поляковъ, или другое, и какое именно?

— Новиковъ завелъ въ Малороссіи ложу масонскую, но тайнаго общества не успѣлъ устроить; по крайней мѣрѣ не имѣлъ я о томъ ни разу ни малѣйшаго извѣстія. Общество же, основанное, какъ я слышалъ, Лукашевичемъ, есть то самое, которое помышляло, по словамъ поляковъ, о независимости Малороссіи и готово было отдаться въ покровительство Польши, какъ о томъ мною объяснено въ прежнихъ показаніяхъ*). Болѣе же ничего о семъ обществѣ не знаю и не слыхалъ. При семъ говорилъ я полякамъ, что Малороссійское общество никогда не успѣетъ въ своей цѣли, ибо Малороссія на-вѣки съ Россіей пребудетъ неразрывною и никакая сила не отторгнетъ Малороссіи отъ Россіи (то же п. 39).

— Въ чемъ именно заключаются тѣ свѣдѣнія, кои южное общество имѣло о составѣ, намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ тайнаго общества, существующаго въ отдѣльномъ Кавказскомъ корпусѣ?

— Князь Сергѣй Волконскій ѣздилъ въ 1824 году лѣтомъ на Кавказъ и тамъ познакомился съ Якубовичемъ, а потомъ и съ Тимковскимъ, теперешнимъ Бессарабскимъ губернаторомъ. Отъ нихъ двухъ узналъ онъ, что въ Кавказскомъ корпусѣ существуетъ тайное политическое общество съ революціонными намѣреніями. Изъ членовъ сего общества назвали они ему Воейкова, адъютанта генерала Ермолова, говоря, что онъ одинъ изъ главныхъ членовъ. О генералѣ Ермоловѣ сказывали они, что онъ объ обществѣ ничего не знаетъ, но членамъ онаго покровительствуетъ чрезъ стараніе тѣхъ лицъ, Ермолову приближенныхъ, кои суть члены общества. Въ примѣръ они приводили Каспійскій баталіонъ, между чинами коего открыто было большое злоупотребленіе въ вывозѣ за границу мѣди; но все дѣло прикрыто по той причинѣ, что обвиняемыя лица вступили въ тайное общество. Объ устройствѣ общества говорили они, что оное состоитъ изъ перваго совѣта, второго совѣта и третьей степени. Въ первомъ совѣтѣ восемь членовъ, во второмъ 16, а въ третьей степени прочіе члены. О цѣли Кавказскаго общества сказывали они, что оно ожидаетъ революціи въ Россіи, дабы содѣйствовать оной, или смотря на обстоятельства, служить убѣжищемъ при неудачѣ, или отдѣлить Грузію отъ Россіи, дабы основать особое государство, или при конечной неудачѣ отступить съ Кавказскимъ корпусомъ на Хиву и Туркестанъ, покорить тѣ мѣста и въ оныхъ основать новое государство. Давали чувствовать, что ихъ общество весьма склонно къ введенію новой династіи Ермоловыхъ, что ихъ сила очень значительна, ибо располагать могутъ всѣми войсками Кавказскаго корпуса, который неограниченно преданъ Ермолову. Князь Волконскій предлагалъ имъ войти въ сношеніе съ нашимъ обществомъ, и именно съ южнымъ округомъ. Они на сіе отзывались, что они уже въ сношеніи съ

*) См. объ этомъ первыя показанія въ Петербургѣ, подъ № 3.

тайнымъ обществомъ въ Петербургѣ, но съ какимъ, того не говорили, что впрочемъ о семъ предложеніи доведутъ до свѣдѣнія начальства ихъ общества и что ежели послѣдуетъ на то согласіе и разрѣшеніе, то увѣдомятъ о томъ князя Волконскаго или Василія Давыдова, чрезъ Якубовича, который тогда намѣревался въ скорости ѣхать въ отпускъ въ Россію. Послѣ сего оставилъ князь Волконскій Кавказъ и съ тѣхъ поръ ни Якубовичъ, ни Тимковскій никакого ни о чемъ не давали извѣстія (то же п. 40).

— Въ данныхъ здѣсь отвѣтахъ вы упоминаете, что о кавказскомъ обществѣ прямого свѣдѣнія не имѣете, а слышали, что оно существуетъ, и даже называли вамъ нѣкоторыхъ членовъ его, какъ то: Якубовича, Воейкова и Тимковскаго, и что общество сіе хочетъ Грузію отдѣлить отъ Россіи и начать новую династію Ермоловыхъ, но о подробностяхъ, до онаго касающихся, умалчиваете, тогда какъ сами же давали читать г-ну Юшневскому отчетъ князя Волконскаго, сочиненный Давыдовымъ, о состояніи помянутаго общества, и слѣдственно имѣете на сей счетъ ясное понятіе. Объясните положительно, въ чемъ именно заключаются прямыя намѣренія кавказскаго общества, его дѣйствія, средства и сношенія съ другими тайными обществами, съ вѣдома-ли генерала Ермолова таковое существуетъ, кто именно члены его и гдѣ находятся? Ясное, насчетъ кавказскаго общества, показаніе тѣмъ болѣе обязаны вы сдѣлать, что кромѣ отзыва г. Юшневскаго, свидѣтельствуетъ еще полковникъ Аврамовъ, что вы находились въ сношеніяхъ съ тѣмъ обществомъ; и потому объясните: какого рода, когда и чрезъ кого происходили оныя?

— Я утверждалъ и нынѣ повторяю, что прямого свѣдѣнія о кавказскомъ обществѣ я никакого не имѣю, ибо никогда не видался ни съ однимъ изъ членовъ сего общества, а что я о томъ слышалъ, все то уже объяснилъ. Юшневскій имѣетъ точно тѣ же свѣдѣнія о кавказскомъ обществѣ, какія имѣю и я: ибо мы оба сіи свѣдѣнія почерпнули изъ одного и того же источника, письменнаго отчета князя Волконскаго, который къ директоріи представленъ былъ, слѣдовательно, одинаковымъ образомъ, какъ мнѣ, такъ и Юшневскому. Что же касается до свидѣтельства полковника Аврамова, якобы я самъ находился въ сношеніяхъ съ кавказскимъ обществомъ, то оное свидѣтельство есть совершенно ложное (тоже п. 46).

— При отъѣздѣ Поджіо на кавказскія воды, вы поручили ему узнать тамъ подробно о существованіи тайнаго общества въ Кавказскомъ корпусѣ. Поясните: что именно сообщилъ вамъ по сему предмету Поджіо по его возвращеніи съ кавказскихъ водъ?

— Поджіо не видался со мною по возвращеніи своемъ съ Кавказскихъ водъ и никакого извѣстія не было мнѣ сообщено о кавказскомъ обществѣ ни прямо, ни чрезъ чье-либо посредство (показанія 6 апрѣля, п. 44).

— Въ отвѣтахъ вашихъ, объясняя составъ южнаго и сѣвернаго обществъ, вы называете только двѣ думы: Петербургскую и Тульчинскую, и управы Каменскую и Васильковскую; но изъ нѣ-

которыхъ показаній замѣчается, что тайное общество состояло изъ слѣдующихъ вентъ: 1) Сѣверной (Vente du Nord) въ Петербургѣ, 2) Средней (Vente du Centre) въ Москвѣ, 3) Полуденной (Vente du midi), 4) Западной (Vente de l'ouest) и 5) Кавказской (Vente du Caucase). Притомъ полковникъ Поджіо показываетъ, что въ 1824 году вы намѣревались основать восточную управу и поручить оную въ его начальство.

Здѣсь объясните: 1) дѣйствительно ли тайное общество имѣло 5 выше наименованныхъ вентъ; гдѣ именно существовали изъ нихъ полуденная, западная и кавказская, и кто въ нихъ начальствовалъ?

2) Подлинно ли убитый въ Грузіи генералъ Лисаневичъ принадлежалъ къ тайному обществу? не онъ ли былъ начальникъ кавказской венты, и кто суть извѣстные вамъ члены оной? и

3) Была ли основана вами управа восточная и кто къ ней принадлежалъ?

— Я доносилъ комитету и нынѣ честь имѣю подтвердить, что, по моимъ свѣдѣніямъ, общество раздѣлялось на сѣверный и южный округъ, и что южный состоялъ изъ Тульчинской, Каменской и Васильковской управъ, а сколько управъ имѣлъ сѣверный, къ коему мы причисляли и московскихъ членовъ, мнѣ совершенно неизвѣстно.

Слово вентъ не было у насъ въ употребленіи, равно какъ и наименованіе управъ: сѣверною, среднею, полуденною, западною и кавказскою.

На Кавказѣ не имѣли мы никакой управы, а узнали чрезъ кн. Волконскаго о существованіи тамъ особаго общества. Если петербургское Общество завело гдѣ-нибудь управы внѣ столицы, то сіе послѣдовало уже послѣ моего отбытія изъ Петербурга въ 1824 году и намъ о томъ ничего не было сообщено.

Генералъ Лисаневичъ къ обществу никогда не принадлежалъ, а Бестужевъ-Рюминъ вздумалъ увѣрять въ томъ нѣкоторыхъ членовъ, имъ принятыхъ.

Здѣсь называемая восточная управа, которой, впрочемъ, никогда не предполагалось дать сіе названіе, есть та самая, о которой я уже объяснялъ въ отвѣтахъ на вопросы отъ 13 января, что Поджіо, отправляясь въ Орелъ и надѣясь тамъ видѣться съ какими-то князьями Голицыными, предложилъ объ учрежденіи въ Орлѣ чрезъ ихъ посредство особой управы; но возвратился, ихъ не видавши и ничего по сему не сдѣлавъ.

Присемъ честь имѣю доложить, что не я вознамѣрился сію управу учредить: я не зналъ князей Голицыныхъ, ниже о пребываніи ихъ въ Орлѣ; и потому не имѣлъ въ виду возможности учредить управу въ Орлѣ. Все сіе сообщилъ мнѣ Поджіо въ то время, когда онъ дѣлалъ предложеніе объ учрежденіи управы въ Орлѣ (показанія 6 апрѣля, п. 11).

— Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1825 года вы сказывали Бестужеву-Рюмину, что существуетъ многочисленное тайное общество подъ предводительствомъ Булгари, и что средоточіе онаго въ Харьковѣ, а отрасли въ обѣихъ столицахъ. Объясните, когда, отъ кого, гдѣ и какія именно свѣдѣнія вы получили о семъ обществѣ?

— Капитанъ Майборода, ѣздивши въ Москву, заѣхалъ въ деревню къ матери генерала Шеншина и оттуда привезъ извѣстіе, что генералъ Шеншинъ пріѣзжалъ въ Харьковъ, тамъ арестовалъ Булгари и между его бумагами нашелъ доказательства о существованіи тайнаго общества, коего Булгари былъ членомъ и которое свои имѣло отрасли въ обѣихъ столицахъ (показанія 6-го апрѣля, п. 41).

— Когда подполковникъ Поджіо отъѣзжалъ по дѣламъ своимъ въ нѣкоторыя губерніи, то вы поручили ему развѣдать въ Орлѣ о происшедшемъ бунтѣ въ одномъ эскадронѣ расположеннаго тамъ кирасирскаго полка; но Поджіо сего не сдѣлалъ.

Объясните: отъ кого вы узнали о семъ бунтѣ, когда, въ какомъ эскадронѣ, какого именно полка и по какому случаю произошелъ оный?

— Я ни о какихъ подробностяхъ сего бунта не зналъ, но слышалъ, что въ одномъ эскадронѣ какого-то кирасирскаго полка былъ бунтъ, что сей эскадронъ былъ раскассированъ, и что главнокомандующій 1 арміи, назначивъ многихъ солдатъ изъ сего эскадрона въ жандармскій полкъ, получилъ отъ Государя Императора за сіе назначеніе бунтовавшихъ въ жандармы изъявленіе Высочайшаго неудовольствія. Сколько припомнить могу, то говорилъ мнѣ сіе Бестужевъ, отъ котораго всѣ почти свѣдѣнія о 1 арміи я получалъ. Впрочемъ, не ручаюсь, чтобы и не полковникъ Аврамовъ мнѣ о томъ разсказывалъ. Твердо не помню (то же, п. 43).

— Какія тайныя общества, одну и ту же цѣль имѣющія, существуютъ въ Германіи, Венгріи, Италіи, Франціи и другихъ Европейскихъ государствахъ, гдѣ, подъ какими названіями и кто извѣстенъ изъ членовъ каждаго?

— Членъ тайнаго польскаго общества князь Яблоновскій мнѣ сказывалъ, что существуютъ таковыя же тайныя общества въ Германіи, Венгріи и Италіи, съ коими ихъ общество будто бы въ сношеніи находится; но ихъ членовъ, именъ, статутовъ и подробностей ничего не сообщилъ; слишкомъ мало было на то времени. Вотъ все, что я о сихъ обществахъ знаю. О Франціи же никакихъ свѣдѣній не имѣю.

Князь Яблоновскій тутъ предложилъ намъ ввести насъ въ прямое сношеніе съ германскимъ обществомъ, на что я ему сказалъ, что сего не нужно, что сношенія съ Германіею могутъ происходить чрезъ Польшу, ибо Германія отъ насъ далека. Онъ однако же продолжалъ, что будетъ о томъ говорить германскому обществу. Послѣ же того не было до сихъ поръ никакого уже болѣе отъ него извѣстія. Я имѣлъ надежду подробнѣе и обстоятельнѣе узнать о всѣхъ сихъ предметахъ при будущихъ свиданіяхъ, но таковыхъ впослѣдствіи не было ни единаго (то же п. 13).

— Съ котораго времени, чрезъ кого и какими способами общества сіи сообщались съ обществомъ дрезденскимъ въ Европѣ?

— Я не слыхалъ, чтобы въ Дрезденѣ существовало особое тайное общество, но только, что въ семъ городѣ находится часть польской директоріи съ бумагами польскаго общества, дабы оныя сохранять тамъ въ лучшей безопасности. Какими же средствами

производились сношенія польскаго общества съ прочими въ Европѣ, того не знаю, да и коротко слишкомъ было время моего свиданія съ княземъ Яблоновскимъ, чтобы успѣть можно было о всѣхъ сихъ подробностяхъ узнать. Къ тому же видѣлись мы тогда съ нимъ въ первый разъ и неловко было на первый случай много ему дѣлать вопросовъ, показывающихъ одно только любопытство, тѣмъ болѣе, что со стороны поляковъ все еще видна была нѣкоторая къ русскимъ недовѣрчивость (то же п. 14).

— Съ какими порученіями тайнаго общества отправился во Францію членъ онаго полковникъ графъ Полиньякъ, и имѣло ли общество отъ него какія увѣдомленія или нѣтъ?

— Полковникъ графъ Полиньякъ отправился во Францію по собственнымъ своимъ дѣламъ и получилъ при семъ случаѣ порученіе отъ общества узнать, существуетъ ли во Франціи какое-либо тайное общество и потомъ насъ о томъ увѣдомить. Онъ писалъ одинъ разъ къ Василію Давыдову, но ничего не упоминалъ объ обществѣ, такъ что не имѣемъ мы никакого извѣстія о томъ (то же, п. 38).

— Нѣкоторымъ членамъ южнаго общества вы сказывали, что оное находится въ сношеніяхъ, кромѣ польскихъ, еще съ французскими тайными обществами. Поясните съ точностію: какого рода, когда и чрезъ кого происходили сіи сношенія?

— Южное общество никогда никакихъ не имѣло сношеній съ французскими тайными обществами, а члены, сіе показывающіе, ошибаются, полагая, вѣроятно, сіи сношенія заведенными, потому что графъ Полиньякъ, отъѣзжая во Францію, принялъ порученіе узнать, существуютъ ли тайныя общества во Франціи. Но отвѣта о семъ отъ него не получено (то же, п. 49.)

10. Сокрытіе бумагъ и арестъ.

— Высочайше учрежденный Комитетъ требуетъ отъ полковника Пестеля чистосердечнаго и положительнаго поясненія: точно ли онъ передалъ бумаги свои поручику Крюкову 2-му лично или чрезъ денщика своего Савенко, или же другимъ какимъ образомъ; и имѣлъ ли какое удостовѣреніе, что тѣ бумаги имъ, Крюковымъ, подлинно получены.

— Долженъ сказать по всей справедливости, что я сіи бумаги самъ лично отдалъ Крюкову 2-му въ моей квартирѣ въ Линцахъ въ присутствіи даже маіора Лорера (отвѣтъ 16 января 1826 г.).

Припомнилъ сейчасъ еще одно обстоятельство, относительно передачи мною моихъ бумагъ Крюкову 2-му. Изъ Липецъ поѣхалъ онъ на Немировъ, а оттуда въ Тульчинъ. Для лучшей безопасности, на всякій случай, оставилъ онъ тѣ бумаги въ Немировѣ у маіора Мартынова, а послѣ того проѣзжалъ Немировъ свитскій Заикинъ и ихъ взялъ для отвоза къ Крюкову 2-му въ Тульчинъ. О семъ мнѣ сказывалъ полковникъ Леманъ. Куда же они дѣвались въ Тульчинѣ, того же вовсе не знаю. О семъ знаетъ также и маіоръ Лореръ (Показаніе 19 января).

— При передачѣ бумагъ вашихъ Крюкову 2-му, сказалъ ли онъ вамъ при маіорѣ Лорерѣ, что для лучшаго сохраненія вручитъ

оныя адъютанту генерала Киселева, или квартирмейстерской части поручику Аврамову и имѣли ли вы отъ Крюкова увѣдомленіе, кому именно онъ тѣ бумаги точно отдалъ и гдѣ оныя теперь хранятся?

— Сіе показаніе справедливо, но я не имѣлъ отъ Крюкова извѣстія объ исполненіи онаго, и потому не зналъ и не знаю, гдѣ тѣ бумаги нынѣ находятся. Да и объ отдачѣ ихъ Аврамову говорено было не достовѣрно, ибо надо было знать напередъ согласіе Аврамова.

— Вмѣстѣ съ зашитыми въ холстѣ бумагами, которыя вы отдали Крюкову 2-му, были еще двѣ бумаги открытыя, изъ коихъ одна заключала записку для какого-то адъютанта объ исправленіи артиллеріи, а другая объ успѣхахъ въ пріобрѣтеніи членовъ общества, поясните, для какого именно адъютанта писана вышеозначенная записка, какому генералу онъ долженъ былъ ее представить, и почему считали вы нужнымъ такое посредство къ исправленію артиллеріи? Также чьи имена значились въ другой запискѣ подъ названіемъ принятыхъ уже и только что готовыхъ къ принятію въ члены.

— Сіи двѣ записки прислалъ ко мнѣ Бестужевъ чрезъ Крюкова 2-го въ доказательство усердія и дѣятельности пріобщенныхъ имъ къ нашему обществу членовъ Соединенныхъ Славянъ артиллерійскихъ офицеровъ. Одна долженствовала быть отдана адъютанту начальника артиллеріи 3-го корпуса. Чьи же имена намекались въ другой запискѣ, мнѣ сообщено не было. Крюковъ, пробывъ тогда у меня не болѣе часу, на своемъ возвратномъ пути поѣхалъ въ Тульчинъ и я ему далъ сіи двѣ записки вмѣстѣ съ прочими бумагами (показаніе 6 апрѣля, п. 26).

— Въ половинѣ ноября 1825 года вы вручили поручику Крюкову 2-му тайныя бумаги свои для сохраненія въ Тульчинѣ, а 27-го того же мѣсяца вы присылали его же, Крюкова, въ Васильковъ къ Сергѣю Муравьеву-Апостолу съ извѣстіемъ, что правительство узнало о существованіи тайнаго общества. Между тѣмъ, изысканія со стороны правительства начались не прежде половины декабря; слѣдовательно, вы имѣли свѣдѣнія о семъ за мѣсяцъ ранѣе.

Объясните чистосердечно: а) Что именно побудило васъ къ сокрытію бумагъ въ половинѣ ноября, когда правительство не принимало еще никакихъ мѣръ, и когда извѣстность его объ обществѣ составляла непроницаемую тайну? и

б) Когда, отъ кого и какимъ образомъ въ концѣ ноября Вы получили то извѣстіе, которое чрезъ Крюкова 2-го сообщили Сергѣю Муравьеву?

— Бумаги мои скрылъ я не въ половинѣ ноября, но по возвращеніи Крюкова отъ Муравьева. Причины же слѣдующія. Послѣ сношенія съ Бошнякомъ находились мы въ безпрестанномъ опасеніи. Въ послѣднихъ числахъ ноября пріѣхалъ въ Тульчинъ фельдъегерь изъ Таганрога и въ скорости потомъ поѣхалъ начальникъ Главнаго штаба къ г. Главнокомандующему на встрѣчу, не дождавшись его прибытія, а потомъ поѣхалъ далѣе, но тогда не было извѣстно куда. Г. Главнокомандующій, пріѣхавъ, казался очень пасмуренъ. Князь Барятинскій спрашивалъ у его сына

Александра, что не война ли съ турками? Нѣтъ, отвѣчалъ тотъ, нѣчто гораздо важнѣе. Изъ совокупности всѣхъ сихъ обстоятельствъ, получилъ кн. Барятинскій столь сильное подозрѣніе, что Крюковъ 2-й и отправился ко мнѣ съ сими извѣстіями, а отъ меня поѣхалъ къ Муравьеву, чтобы ему сообщить оныя, и узнать отъ него, не имѣютъ ли они и съ своей стороны какихъ-либо свѣдѣній. На возвратномъ его пути вручилъ я ему мои бумаги. Послѣ уже узнали мы, что сей фельдъегерь привозилъ извѣстіе о болѣзни Государя Императора (показанія 6 апрѣля, п. 33).

— Князь Барятинскій, въ продолженіе ноября и въ самомъ началѣ декабря 1825 года, неоднократно посылалъ къ вамъ изъ Тульчина съ разными извѣстіями свитскихъ офицеровъ: Крюкова 2-го, Заикина и Загорецкаго.

Поясните: кто именно изъ офицеровъ сихъ пріѣзжалъ къ вамъ въ означенное время, какія чрезъ нихъ и отъ кого сообщены были вамъ свѣдѣнія, и особенно, когда дѣйствительно узнали вы отъ князя Волконскаго о кончинѣ блаженной памяти Государя Императора, и что именно при семъ случаѣ еще сообщилъ вамъ Волконскій?

— О пріѣздѣ Крюкова объяснился я въ предыдущемъ пунктѣ.

Заикинъ пріѣзжалъ ко мнѣ съ извѣстіемъ о болѣзни Государя Императора и на возвратномъ пути долженствовалъ онъ заѣхать въ Немировъ, дабы оттуда взять съ собою мои бумаги въ Тульчинѣ; объ исполненіи же сего не имѣлъ я уже свѣдѣній.

Загорецкій ни съ какимъ извѣстіемъ не пріѣзжалъ, и не отъ кн. Барятинскаго, а самъ собою заѣзжалъ, когда изъ Махновки, гдѣ былъ на рекогносцировкѣ, возвращался въ Тульчинъ.

Отъ кн. Волконскаго узналъ я 28-го или 29-го ноября о кончинѣ Государя Императора чрезъ письмо, доставленное ко мнѣ Азовскаго полка маіоромъ Дрешерномъ, который однакоже не былъ членомъ тайнаго общества. Кромѣ извѣстія о кончинѣ Государя Императора не содержало письмо кн. Волконскаго никакого другого извѣщенія (то же, п. 34).

— При свиданіи вашемъ съ Давыдовымъ и Волконскимъ въ декабрѣ 1825 года вы обѣщались снестись съ Сергѣемъ Муравьевымъ, дабы онъ по извѣстной рѣшимости его не началъ дѣйствій безвременно.

Поясните: когда и чрезъ кого имѣли вы вслѣдствіе сего сношеніе съ С. Муравьевымъ и какой получили отъ него отзывъ?

— Послѣ возвращенія моего отъ кн. Волконскаго до времени моего арестованія не имѣлъ я никакого удобнаго случая для сношенія съ Муравьевымъ и долженъ былъ очень быть осторожнымъ, ибо мои подозрѣнія объ извѣстности правительству объ обществѣ усилились чрезвычайно въ сіе время тѣмъ обстоятельствомъ, что изъ главной квартиры присланъ былъ адъютантъ для присутствованія при присягѣ. Посему и отъ Муравьева отзыва не имѣлъ (то же, п. 37).

— За нѣсколько дней до арестованія вашего князь Волконскій посылалъ къ вамъ чрезъ капитана Фохта письмо, до дѣйствій общества касавшееся, которое, по словамъ Фохта, доставлено вамъ

въ то самое время, когда озабочены были отъѣздомъ своимъ въ Тульчинъ.

Поясните: какого содержанія было сіе письмо Волконскаго, и что вы отвѣчали ему на оное?

— Сіе письмо содержало родъ лексикона, составленнаго кн. Волконскимъ для дальнѣйшей переписки со мною. Я ему на сіе письмо ничего не отвѣчалъ и передъ отъѣздомъ въ Тульчинъ сжегъ оное (то же, п. 38).

— Означенный же Фохтъ привозилъ къ вамъ письмо отъ Волконскаго въ августѣ 1825 года, а вы поручали ему, Фохту, доставить таковое же отъ васъ къ Сергѣю Муравьеву-Апостолу.

Объясните: въ чемъ заключались письма, какъ полученное вами отъ Волконскаго, такъ и посланное съ Фохтомъ къ Муравьеву?

— Сіе письмо было не отъ князя Волконскаго, но отъ Давыдова, и содержало извѣстіе объ открывшихся сношеніяхъ съ Бошнякомъ. Мое же письмо къ Сергѣю Муравьеву содержало приглашеніе, чтобы онъ или Бестужевъ пріѣхали въ Линцы по случаю важнаго извѣстія, которое имѣю имъ сообщить. Извѣстіе же сіе было то самое, о которомъ Давыдовъ писалъ ко мнѣ чрезъ Фохта (то же, п. 39).

— Комитетъ имѣетъ достовѣрныя свѣдѣнія, что во время нахожденія вашего подъ арестомъ у генерала Байкова, князь Волконскій видѣлся и говорилъ съ вами.

Поясните откровенно: въ чемъ именно заключались разговоры ваши съ княземъ Волконскимъ въ сіе время?

— Князь Волконскій, нашедъ меня у генерала Байкова, имѣлъ только время мнѣ сказать: Prenez courage. На что я отвѣтилъ: Je n'en manque pas; ne vous inquiétez pas *).

Онъ продолжалъ: Le Bègue (то-есть кн. Барятинскій est aussi arrêté **). Болѣе же ни слова (показанія 6 апрѣля, п. 40).

— При осмотрѣ вашемъ здѣсь найденъ былъ при васъ ядъ.

Объясните чистосердечно, когда, гдѣ и отъ кого именно получили и для чего имѣли при себѣ оный?

— Во время войны, видя часто жестокія раны и страданія тѣхъ, которые неминуемо должны были умереть, особенно непріятелей, лежащихъ на мѣстѣ сраженія, возымѣлъ я желаніе имѣть при себѣ ядъ, дабы посредствомъ онаго, ежели смертельнымъ образомъ раненъ буду, избавиться отъ жестокихъ послѣднихъ мученій. Сія мысль особенно во мнѣ усилилась во время Лейпцигскаго сраженія. И потому по взятіи города нашелъ я сей ядъ въ одной аптекѣ и далъ за него червонецъ. Я его все время хранилъ секретно, никому ни слова о томъ не говоря, и когда отъѣзжалъ въ Тульчинъ, то взялъ съ собою, и потомъ сюда привезъ. Употребить хотѣлъ я его для самого себя на случай, что успѣю сохранить оный и такія бы встрѣтились обстоятельства, перенесенію коихъ я бы смерть предпочиталъ, то-есть пытка или что-либо тому подобное; разсуждая, что ежели пытокъ болѣе не существуетъ, то сей ядъ никому никакого вреда не сдѣлаетъ (то же, п. 47).

*) Мужайтесь.—Мужества у меня довольно. Не безпокоитесь.
**) Занка тоже арестованъ.

II. Показанія въ Тульчинѣ, 22 декабря 1825 г.

Отъ командира Вятскаго пѣхотнаго полка, полковника Пестеля требуется точное и ясное объясненіе о нижеслѣдующемъ*):

1) Съ котораго времени и къ какой масонской ложѣ вы принадлежали, гдѣ были всегдашнія или постоянныя собранія ея членовъ, и для чего вы сохраняли у себя знаки и патенты общества масонскаго, послѣ состоянія запретительнаго повелѣнія верховной власти и послѣ данной вами отрицательной подписки, которыя обязывали васъ немедленно истребить ихъ?

— Въ началѣ 1812 года вступилъ я въ масонство и принадлежалъ къ ложѣ въ Петербургѣ подъ названіемъ—Amis reunis. Въ 1816 году перешелъ я въ ложу Трехъ Добродѣтелей, потому что въ оной употреблялся русскій языкъ, а въ первой—французскій.—Въ концѣ сего же 1816 года, или въ первыхъ числахъ 1817 оставилъ я совсѣмъ масонство и съ тѣхъ поръ никогда уже съ онымъ никакихъ сношеній не имѣлъ. Засѣданія происходили въ Петербургѣ въ особомъ домѣ, обществомъ масонскимъ нанимавшимся.

Въ запретительномъ повелѣніи верховной власти о существованіи масонства не читалъ я приказанія истребить знаки и патенты масонскіе. Впрочемъ, остались сіи вещи у меня беъ истребленія, по забвенію о нихъ. Они валялись въ числѣ прочихъ вещей; я на нихъ смотрѣлъ, какъ на игрушки прежнихъ лѣтъ, и никакой въ нихъ не видѣлъ ни цѣны ни важности.

2) Не были ли вы членомъ какого гласнаго или тайнаго ученаго общества въ Россіи, составившагося нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Какъ оно называлось, въ чемъ заключалась цѣль его, какія были занятія членовъ сего общества при общихъ и частныхъ собраніяхъ; оставались ли вы въ томъ обществѣ во все время существованія его или уклонялись изъ онаго, почему и когда?

— Никогда не былъ членомъ ни гласнаго, ни тайнаго ученаго общества въ Россіи и потому не извѣстны ни названіе, ни цѣль, ни занятія такового, и не только въ Россіи, но и нигдѣ не былъ членомъ никакого таковаго общества.

3) Изъ сего или ученаго или же изъ либеральнаго общества и когда образовалось новое подъ именемъ Союза Благоденствія,

*) Изъ отвѣтовъ Пестеля на эти вопросы я печатаю только тѣ, которые содержатъ въ себя фактическія данныя, опуская однообразныя отрицанія: „Совершенно ничего не знаю о семъ“, „Никогда о семъ ничего не зналъ и не слыхалъ“, „Не имѣю никакого понятія“ и т. п.

которому вы принадлежали, какая была цѣль того и другого и кто были извѣстные члены ихъ?

— Общество подъ названіемъ Союза Благоденствія никогда не было мнѣ извѣстно, и потому ничего не знаю ни о его образованіи, ни о цѣли, ниже кто были членами онаго. Знаю только, что я самъ никогда къ сему обществу, ниже къ какому-нибудь другому тайному, ниже гласному, не принадлежалъ, исключая масонскаго, о коемъ уже объяснилъ*).—

4) Когда, гдѣ и по какимъ причинамъ общество Благоденствія преобразовано въ тайное, коему вы нынѣ принадлежите? Кто кромѣ васъ суть члены онаго, гдѣ находятся и кѣмъ каждый извѣстный вамъ членъ былъ принятъ?

5) Истинная цѣль сего послѣдняго общества стремится ли къ разрушенію существующаго въ Россіи порядка вещей и какія именно со стороны его предположены мѣры къ исполненію оной?

6) Когда предназначало общество приступить къ выполненію намѣренія своего и какія причины могли тому воспрепятствовать?

7) Вашими совѣтами, сочиненіями и вліяніемъ на умы другихъ старались ли вы привлекать въ сіе тайное общество изъ чиновъ 2-й арміи и собственно вами командуемаго полка? Кого именно успѣли вы вовлечь въ оное и какія обольстительныя выгоды предлагали имъ въ будущемъ преобразованномъ состояніи государства?

8) Кто изъ членовъ наиболѣе дѣйствовалъ въ образованіи или учрежденіи послѣдняго тайнаго общества, вы ли или кто другой писали законъ для его руководства? Равно одни ли вы, или съ помощью прочихъ членовъ, и кого именно, составили планъ новаго правленія въ государствѣ подъ именемъ «Руской Правды», который, написанный вашею рукою, видѣли у васъ многіе члены? Какія еще сочиненія, духу общества соотвѣтственныя, были писаны вашею же рукою, или присланы отъ другихъ членовъ и въ особенности было ли написано, или же отъ кого прислано Разсужденіе объ упадкѣ въ Россіи торговли, финансовъ и публичнаго кредита, и гдѣ все то теперь находится?

9) Въ послѣднюю бытность вашу въ Петербургѣ въ прошедшемъ 1824 году съ кѣмъ изъ пребывающихъ тамъ членовъ тайнаго общества видѣлись, кого изъ нихъ преклонили вы къ вашему мнѣнію о образѣ будущаго правленія въ Россіи, т. е. къ послѣдованію написанной вашею рукою Русской Правдѣ и даже къ рѣшительному уничтоженію всѣхъ законныхъ преградъ въ исполненіи цѣли общества

10) Въ ту же бытность въ Петербургѣ читали ли вы законы или конституцію для Россіи, написанную однимъ изъ тамошнихъ членовъ общества въ духѣ правленія монархическаго конституціоннаго? Имѣли ли вы съ симъ членомъ жаркое преніе и успѣли ли доводами вашими склонить его къ вашему мнѣнію такъ, что онъ сжегъ свои законы, предпочитая вами написанные?

---

*) Такимъ же рѣшительнымъ отрицаніемъ отвѣтилъ Пестель на нижеслѣдующіе вопросы.

11) Объясните кратко главныя черты какъ написанныхъ вами законовъ или Русской Правды, такъ и предполагаемаго обществомъ образа правленія въ Россіи и самаго плана, по коему должно было совершить общее ея преобразованіе.

— Я никакихъ законовъ не писалъ и потому главныя черты оныхъ объяснить не могу, равно какъ и образъ правленія, упоминаемымъ обществомъ въ Россіи предполагаемый, совершенно мнѣ неизвѣстенъ.

12) Между средствами, придуманными обществомъ, для успѣшнаго исполненія плана его и для сокрытія до времени самаго существованія своего, были ли слѣдующія: а) чтобы стараться какъ можно болѣе вовлекать въ оное членовъ, и б) чтобы каждый членъ имѣлъ право принимать новыхъ членовъ и составлять изъ нихъ собственный кругъ, несказывая имъ о именахъ членовъ того круга, къ которому самъ принадлежитъ?

13) На сей конецъ было ли принято обществомъ за правило, чтобы стараться привлекать въ общество полковниковъ и командировъ гренадерскихъ ротъ, а потому когда случилось въ 16-й дивизіи извѣстное происшествіе, чтобы преимущественно заманивать офицеровъ и посредствомъ ихъ уже приготовлять солдатъ?

14) Кто именно изъ офицеровъ, командуемаго вами полка, былъ принятъ въ члены общества собственно вами или другими по вашему порученію?

15) Говорили ли вы кому-нибудь изъ принятыхъ вами членовъ, что настанетъ время, когда надобно не говорить, а дѣйствовать и приготовлять людей къ цѣли общества, начавъ съ унтеръ-офицеровъ? Совѣтовали ли вы имъ испытывать и стараться привязать къ себѣ тѣхъ изъ нихъ, кои поближе, и потомъ слегка и съ величайшею осторожностію дѣлать имъ внушенія и требовали ли ежедневнаго отчета объ успѣхѣ таковыхъ внушеній?

16) Одобряли ли вы мысль одного члена общества, бывшаго въ вашемъ домѣ послѣ маневровъ, чтобы для удобнѣйшаго приготовленія роты раздѣлить солдатъ на два разряда: на гласныхъ, т. е. отличныхъ, и на безгласныхъ, т. е. дурныхъ, и, привязавъ къ себѣ первыхъ, быть болѣе увѣ[illegible]еннымъ въ готовности всѣхъ ихъ слѣдовать туда, куда поведетъ командиръ, ибо безгласные безъ труда уже пойдутъ за отличными и имѣющими вѣсъ?

— Я никогда сей мысли ни отъ кого не слыхалъ и въ первый разъ о ней узнаю, а, слѣдовательно, и не могъ ее одобрять. Къ тому же раздѣленіе солдатъ на гласныхъ и безгласныхъ есть совершенно противно моему образу мыслей. Я считаю, что солдатъ всегда долженъ быть безгласенъ и совершенно безгласенъ, исключая того случая, когда на инспекторскомъ смотру его начальники опрашиваютъ о претензіяхъ. Симъ правиломъ руководствовался я всегда неизмѣнно, не только въ отношеніи къ солдатамъ, но и въ отношеніи къ офицерамъ, не дозволяя имъ никогда спрашивать о причинахъ какого-нибудь повелѣнія. По сему старался я всегда поддержать правило безпрекословнаго повиновенія.

17) Извѣстно, что вы со времени вступленія въ командованіе Вятскимъ полкомъ были весьма снисходительны къ нижнимъ

чинамъ; но послѣ смотра корпуснымъ командиромъ въ 1823 году, въ лагерѣ при гор. Барѣ, вы вывели цѣлый полкъ за кухни для наказанія тѣхъ нижнихъ чиновъ, кои замѣчены были нерадивыми или въ ошибкахъ офицерами или унтеръ-офицерами. Объясните, отчего произошла въ обращеніи вашемъ съ нижними чинами столь внезапная перемѣна?

— Извѣстно начальству, что когда я вступилъ въ командованіе Вятскимъ полкомъ, то былъ сей полкъ самымъ худшимъ во всей арміи во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ. Въ приказѣ г-на главнокомандующаго въ семъ году поставленъ Вятскій полкъ въ числѣ тѣхъ 6-ти по всей арміи, которые наиболѣе заслужили вниманіе начальства своими успѣхами, причемъ сказано, что сіи 6 полковъ стали наравнѣ съ лучшими полками въ арміи. Сіе доказываетъ, что средства, мною употребляемыя для улучшенія Вятскаго полка по всѣмъ статьямъ, самыя были дѣйствительныя и успѣшныя. Сіи средства состояли въ слѣдующемъ: началъ я съ штабъ-и оберъ-офицеровъ. Строгость противу нихъ оказывалъ чрезвычайную, такъ что нерѣдко батальонныхъ командировъ за фронтъ высылалъ. Съ нижнихъ чиновъ я сначала многаго требовать не могъ, ибо не были они выучены и не были въ томъ виноваты. Надобно было дать имъ способъ сдѣлаться въ службѣ свѣдущими, а потомъ уже требовать и взыскивать.—Послѣ лагеря 1822 года занялся я особенно унтеръ-офицерами, чрезъ всю зиму, собралъ ихъ въ учебныя команды и сдѣлалъ изъ нихъ учителей, а прежде были они сами неучи. Поставивъ такимъ образомъ на должный путь службы офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, оставалось мнѣ ожидать успѣховъ отъ самихъ солдатъ. Успѣхи были сдѣланы, но недостаточные, и закоренѣлая лѣность все еще оставалась въ дѣйствіи. Сіе понудило меня обратиться къ строгости, испытавъ всѣ средства терпѣнія и поученія и убѣдившись, что одна строгость можетъ искоренить давнишнюю лѣнь и сильное нерадѣніе. Успѣхъ оправдалъ мое соображеніе. Вотъ причины, понудившія меня перемѣнить прежнее мое снисходительное обращеніе на строгое. Наказаніе же велѣлъ я произвести всѣмъ нерадивымъ послѣ смотра г. корпуснаго командира для того, чтобы убѣдить солдатъ въ важности начальническихъ смотровъ и чтобы они участь свою видѣли въ своемъ стараніи и въ мнѣніи начальниковъ о нихъ.

18) Говорили ли вы часто при офицерахъ своего полка, что если бы командиръ 16-й дивизіи желалъ успѣть въ своихъ намѣреніяхъ, то лучше бы ему употребить офицеровъ, а не нижнихъ чиновъ, коихъ легко можно приготовить предъ самымъ уже дѣйствіемъ, желали ли вы узнавать отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, каковъ духъ въ прочихъ товарищахъ ихъ, и въ разговорахъ вашихъ насчетъ правительства всегда ли открывались съ лишнимъ вольно и даже дерзко?

— Обращеніе мое съ офицерами всегда было строгое, весьма серьезное и бесѣдъ съ ними я никогда не имѣлъ. Въ семъ ссылаюсь я на всѣхъ начальниковъ, коимъ образъ моего обращенія съ офицерами весьма извѣстенъ. Насчетъ правительства никогда ничего не говорилъ дурнаго, а напротивъ того всегда вселялъ почте-

ніе и безпрекословіе. Да и не могъ я вселять неуваженіе къ правительству и начальству, когда съ большою строгостью самъ требовалъ отъ каждаго исполненіе его обязанностей. Дисциплина въ Вятскомъ полку была, могу я рѣшительно утверждать, примѣрная и безпрекословная, какъ и быть въ войскѣ должна. О духѣ офицеровъ я по долгу службы обязанъ былъ узнавать для пользы самой службы и дѣлалъ сіе отчасти чрезъ батальонныхъ командировъ, отчасти чрезъ капитана Майбороду, который мнѣ показывалъ большую преданность. Цѣль сихъ узнаваній касалась единственно предметовъ службы, ибо насчетъ либеральныхъ мыслей я совершенно увѣренъ былъ, что таковыхъ никто не имѣетъ.

19) Сказывали ли вы членамъ, что подобныя здѣшнему тайныя общества существуютъ въ отдѣльномъ Кавказскомъ корпусѣ и въ Царствѣ Польскомъ, изъ коихъ первое дѣйствуетъ совершенно отдѣльно, а съ послѣднимъ вы вошли уже въ переговоры чрезъ своего пріятеля о соединеніи съ тѣмъ обществомъ, которому сами принадлежите?

20) Также сказывали ли вы членамъ, что для дальнѣйшихъ условій съ вами со стороны польскаго тайнаго общества пріѣзжалъ какой-то генералъ въ Бердичевъ, но что вы, будучи заняты въ лагерѣ службою, для свиданія съ тѣмъ генераломъ сами не могли пріѣхать въ Бердичевъ, а просили съѣздить туда другого члена общества чрезъ письмо ваше, которое было отправлено по вашему же приказанію чрезъ извѣстнаго фурлента?

— Никогда не говорилъ сего никому и о пріѣздѣ въ Бердичевъ польскаго генерала не слыхалъ и не зналъ. Я имѣлъ намѣреніе быть въ Бердичевѣ на ярмарку для нѣкоторыхъ полковыхъ покупокъ и для того, чтобы тамъ дня два повеселиться разнообразностью предметовъ, и потому что я охотникъ до лошадей. Одинъ изъ моихъ знакомыхъ хотѣлъ также быть туда, чтобы продать своихъ лошадей, и мы думали тамъ увидѣться послѣ пятимѣсячной разлуки; но я не могъ ѣхать и потому написалъ къ нему изъ вѣрности, что не буду. Изъ сего явствуетъ, что сіе самое простое и невинное обстоятельство самымъ несправедливымъ образомъ перетолковано. Знакомый мой былъ въ Бердичевѣ и дѣйствительно продалъ своихъ лошадей, а чтобы я ему давалъ порученіе на мѣсто меня съѣздить для переговоровъ съ польскимъ генераломъ, то сіе совершенно несправедливо, равно какъ и то несправедливо, чтобы я сего знакомаго считалъ членомъ каковаго-нибудь тайнаго общества.

21) Подобно тому, разсказывали ли вы сочленамъ своимъ, что одинъ изъ товарищей вашихъ, уѣхавъ во Францію подъ предлогомъ собственныхъ нуждъ, имѣетъ отъ общества порученіе войти въ согласіе и сношенія съ французскими либералами, къ одной и той же цѣли стремящимися?

22) Что изъ всей гвардіи общество надѣется на содѣйствіе одного только кавалергардскаго полка, въ которомъ считается нынѣ 10 членовъ, и что по вступленіи преобразователей Россіи въ Петербургъ первое дѣло будетъ захватить Петропавловскую крѣпость, наполненную звонкою монетою, которая, если бы не

успѣли они взять въ свои руки, могла служить для преслѣдующей стороны средствомъ къ сопротивленію.

— Никогда ничего не говорилъ я о кавалергардскомъ полку таковаго, какъ здѣсь сказано, равно какъ и о крѣпости и звонкой въ ней монеты никогда не разсуждалъ такимъ образомъ. Я о крѣпости никогда ни слова не говорилъ, никогда въ ней не бывалъ и ничего о ней не знаю. Все сіе есть сущая несправедливость. Когда я былъ въ 1824 г. въ Петербургѣ, то жилъ я въ кавалергардскихъ казармахъ у родного брата, который въ томъ полку служитъ и нынѣ полковникомъ и который всегда былъ страстный приверженецъ правительства. Обстоятельство, что я жилъ въ кавалергардскихъ казармахъ, служило повидимому предлогомъ къ составленію сего совершенно несправедливаго перетолкованія.

23) Правда ли, что когда одинъ изъ членовъ вашего общества начиналъ колебаться въ своей къ нему довѣренности и помышлялъ объ отклоненіи, то вы, по увѣдомленіи о семъ другимъ членамъ, ознакомившись съ колеблющимся товарищемъ на послѣднихъ маневрахъ и зазвавъ къ себѣ въ М. Линцы, успѣли настроить и утвердить его такъ, что онъ выѣхалъ отъ васъ самымъ ревностнѣйшимъ послѣдователемъ вашимъ?

24) Равномѣрно справедливо ли то, что въ августѣ мѣсяцѣ сего года одинъ извѣстный генералъ сдѣлалъ обществу предложеніе войти въ члены онаго, съ обѣщаніемъ чрезъ годъ приготовить 50.000 войска и что какъ вы, такъ и еще два члена симъ предложеніемъ были весьма обрадованы. Но третій членъ, живущій въ Тульчинѣ, узнавъ о такомъ предложеніи генерала, отсовѣтовалъ обществу принимать его, предостерегая оное тѣмъ, что сей генералъ желаетъ проникнуть въ общество притворно, чтобы послѣ забрать всѣхъ членовъ, какъ курей?

25) Былъ ли сдѣланъ въ обществѣ сводъ, или книга, по которой всѣ члены обязывались присягатьвъ ненарушимой вѣрности, и взята ли таковая присяга отъ всѣхъ здѣшнихъ и въ другихъ мѣстахъ Россіи находящихся членовъ общества?

26) Объясните, изъ кого составлена управляющая директорія общества, кто завѣдываетъ округами онаго, сколько членовъ, носящихъ званіе бояръ, и кто они? Равно внушили ли вы новымъ членамъ для ихъ ободренія слѣдующую мысль: «мы не должны ходить по розанамъ; кто ничего не рискуетъ, то ничего не имѣетъ?»

27) Въ прошломъ 1823 году, вскорѣ послѣ осмотра Государемъ Императоромъ 2 арміи, заѣхалъ ли къ вамъ въ Линцы одинъ изъ членовъ, употребляемый вмѣсто курьера для сношеній между прочими членами, и дали ли вы ему на прогоны 200 рублей?

28) Зеленая Книга, многими изъ членовъ называемая, была ли символомъ только общества Благоденствія, или остается и нынѣ въ числѣ законовъ тайнаго общества?

29) Имѣетъ ли общество свою типографію, гдѣ она существуетъ и какія сочиненія въ ней были уже напечатаны, а ежели таковой еще не имѣло, то не было ли предположено завести оную здѣсь или въ чужихъ краяхъ, и на сіе вызвался ли одинъ изъ членовъ пожертвовать нужнымъ числомъ денегъ?

30) Въ концѣ августа 1824 года имѣли ли вы неудовольствіе читать приказъ по арміи о неисправности полка вашего, замѣченной при осмотрѣ генерала Сабанѣева, и въ сильномъ огорченіи говорили ли кому-нибудь: «это не что иное означаетъ, какъ натяжку. Они хотятъ, чтобы я оставилъ полкъ, но имъ не удастся: скоро все лопнетъ, ибо есть тайное общество, которое всему дастъ новый образъ».

— Приписываемыхъ мнѣ здѣсь словъ никогда никому я не говорилъ и въ мысляхъ не имѣлъ, да и не могъ предсказывать дѣйствія тайнаго общества, о коемъ никакого понятія не имѣлъ. Но что я сказаннымъ приказомъ г-на генерала Сабанѣева самымъ жестокимъ образомъ огорченъ былъ, то сіе есть сущая истина, да иначе и не могло быть. Послѣ всѣхъ моихъ усилій объ улучшеніи полка и при полной увѣренности, что полкъ сдѣлалъ большіе успѣхи, чрезвычайно было для меня горестно, что приказъ по арміи генерала Сабанѣева лишалъ меня, а равно и полкъ заслуженнаго одобренія; но сіе приписывалъ и нынѣ приписываю не генералу Сабанѣеву, но корпусному командиру, на рапортѣ коего вѣроятно основывалъ генералъ Сабанѣевъ свое заключеніе; я однако же продолжалъ бы молчать о семъ пристрастіи противу меня, если бы теперешнія обстоятельства не принуждали меня сіе высказать.

31) Въ сентябрѣ того же года, выходя изъ Линецъ на маневры, кому поручили вы зеленый вашъ портфель, замкнутый и наполненный постановленіями и законами общества, а по возвращеніи войскъ съ маневровъ, былъ ли портфель сей доставленъ къ вамъ чрезъ денщика Савенко, какъ показываетъ сей послѣдній?

32) Давно ли бумаги, хранившіяся въ двухъ зеленыхъ портфеляхъ вашихъ въ большомъ шкафу, вами вынуты и кому переданы, или гдѣ сокрыты и въ чемъ онѣ заключаются?

33) Правда ли, что вы, узнавъ о шпіонѣ, будто бы жившемъ въ томъ же мѣстѣ, гдѣ была штабъ-квартира полка, всѣ тайныя бумаги ваши спрятали въ банѣ?

34) Кто изъ членовъ общества чаще бывалъ у васъ въ домѣ, кто пріѣзжалъ изрѣдка и кто даже жилъ у васъ нѣкоторое время?

35) Въ январѣ мѣсяцѣ текущаго года съ кѣмъ именно изъ членовъ общества ѣздили вы въ Кіевъ, съ кѣмъ тамъ чаще видѣлись изъ принадлежащихъ обществу? Не былъ ли кто принятъ вновь и для чего вы пробыли въ семъ городѣ больше трехъ недѣль, ибо женитьба одного изъ членовъ вашихъ не требовала столь продолжительной тамъ бытности?

— Въ январѣ сего года ѣздилъ я въ Кіевъ не съ членами тайнаго общества, но съ знакомыми своими: княземъ Барятинскимъ, адъютантомъ г-на главнокомандующаго, и отставнымъ полковникомъ Давыдовымъ, съ которымъ былъ мало мнѣ знакомый свитскій прапорщикъ или поручикъ (навѣрно не знаю) Лихаревъ. Въ Кіевѣ никого не видалъ и не зналъ за члена тайнаго общества, ибо къ таковому не принадлежу, а слѣдовательно и принятій не было. Задержанъ я былъ такъ долго въ Кіевѣ дѣлами хозяйства

ибо принималъ на себя довольствіе дровами на тѣсныхъ квартирахъ, ожидалъ окончанія торговъ и выдачи денегъ изъ казенной палаты. Вотъ, что меня задержало.

36) Послѣ извѣстнаго происшествія въ 16-й дивизіи отъ Тульчинской управы общества были ли посланы въ Москву два депутата съ предложеніями къ одному изъ главныхъ членовъ. Потребовалъ ли членъ сей согласіе общества на мѣры рѣшительныя, и когда депутаты, отвергнувшіе сіе требованіе его, возвратились въ Тульчинъ, то было ли въ ономъ собраніе членовъ? Одинъ изъ нихъ говорилъ ли рѣчь о причинахъ преобразованія общества Благоденствія въ тайное либеральное и заключилъ ли оную тѣмъ, что, если кто на себя не надѣется, то можетъ оставить общество? Послѣ чего двое изъ членовъ удалились ли изъ онаго и кто они?

37) Слышали ли вы въ мартѣ мѣсяцѣ текущаго года о пріѣзжавшемъ въ Харьковъ генералѣ для какого-то поиска или слѣдствія?

38) Знаете ли вы живущаго въ Петербургѣ генералъ-маіора Шипова и прапорщика Видловскаго, находящагося въ Курскѣ, и если вы съ ними были знакомы, то въ какихъ отношеніяхъ съ ними находитесь?

— Прапорщика Видловскаго я не только не знаю, но и никогда до сихъ поръ его имени не слыхалъ. Съ генералъ же маіоромъ Шиповымъ я очень знакомъ. Сіе знакомство произошло отъ того, что отставной генералъ-маіоръ Леонтьевъ былъ прежде женатъ на родной моей теткѣ, а нынѣ женатъ на родной сестрѣ г.-м. Шипова. Когда мы бывали вмѣстѣ съ г.-м. Шиповымъ, то всегда очень много разговарили о службѣ, ибо большіе оба до нея охотники. Послѣ выѣзда моего изъ Петербурга не получалъ я однако же писемъ отъ него и самъ только разъ къ нему писалъ чрезъ маіора Реброва, прося объ обученіи унтеръ-офицера, изъ вятскаго полка въ Петербургъ посланнаго.

39) Одному изъ членовъ общества вы обѣщали сообщить ваши сочиненія или законы, чтобы дать новымъ членамъ доказательство о довѣренности къ нимъ общества. Объясните, исполнили ли вы сіе обѣщаніе, и какія сочиненія были отъ васъ, кому, когда отправлены?

Никому сего обѣщанія никогда я не дѣлалъ, ибо въ окончаніе повторяю, что я ни къ какому тайному обществу не принадлежу и не принадлежалъ, ни о какомъ ничего не знаю и ни о какихъ членахъ ничего не вѣдаю, а слѣдовательно и не могу ничего объяснить, что относится до преднамѣреній, дѣйствій и соображеній сего общества.

Полковникъ Пестель.

М. Тульчинъ
Декабря 22 дня 1825 года.

III. Первыя показанія въ Петербургѣ, 4-6 Января 1826 г.

*Допросъ, записанный генер.-адъютантомъ Левашевымъ 4 января 1826 года**).*

Вятскаго пѣхотнаго полка полковникъ Пестель.

Въ концѣ 1816 года или въ началѣ 1817-го я узналъ о тайномъ обществѣ отъ г-на Новикова, правителя канцеляріи кн. Репнина, и имъ былъ въ оное общество принятъ. Первоначальное намѣреніе общества было освобожденіе крестьянъ, способъ достиженія сего: убѣдить дворянство сему содѣйствовать, и отъ всего сословія нижайше объ ономъ просить Императора. Въ 1817 и 1818 годахъ, во время пребыванія двора въ Москвѣ, общество сіе приняло новое устройство, и правиломъ были приняты правила Тугендъ-Бунда. Въ 1820 или 21-мъ году оное общество по несогласію членовъ разошлось. Я былъ тогда въ Тульчинѣ, и, получа сіе извѣстіе, со многими членами положили, что Московское общество имѣло конечно права переобразованія, но не уничтоженія общества, и потому рѣшились оное продолжать въ томъ же значеніи. Тогда же общество южное взяло свое начало и сошлось сейчасъ съ Петербургскимъ.

Южная управа была предводима г. Юшневскимъ и мною, а третьяго избрали мы Никиту Муравьева, члена общества Сѣвернаго, дабы съ онымъ быть въ прямомъ сообщеніи. Сѣверной же думы члены были: Никита Муравьевъ, Лунинъ, Н. Тургеневъ, а вскорѣ вмѣсто онаго кн. Оболенскій, а вмѣсто Лунина кн. Трубецкой. Съ польскимъ обществомъ, коего директорія была въ Дрезденѣ, въ сношеніи были мы чрезъ Бестужева-Рюмина и Сергѣя Муравьева. Бестужевъ же былъ въ сношеніи съ г. Олизаромъ, графомъ Хоткевичемъ, коего жена вышла за Голицына, Гродецкимъ, сверхъ сего, въ обществѣ Варшавскомъ и Дрезденскомъ были Княжевичъ, на рукахъ коего были всѣ бумаги, ген. Тарновскій-Проскура, который кажется былъ ими по неудовольствію удаленъ, генер. Хлопицкій; всѣ четыре были члены директоріи. Въ 1825 году я самъ былъ въ сношеніи съ княземъ Яблоновскимъ (живетъ въ Варшавѣ, росту небольшого, и во время пребыванія его въ Кіевѣ въ 1825 г. имѣлъ дуэль за карты) и Гродецкимъ, коихъ видѣлъ въ Кіевѣ. Оные мнѣ говорили, что общество ихъ въ сношеніи съ об-

*) Въ рукописи этой даты нѣтъ. Но Пестель указываетъ это число допроса въ своихъ дополненіяхъ къ этому допросу (см. ниже).

ществами Прусскимъ, Венгерскимъ, Италіянскимъ, и даже въ сношеніи съ Англинскимъ правительствомъ, отъ коего получали деньги.

Въ Южномъ обществѣ членами были полков. Абрамовъ, кн. Волконскій, полк. Канчьяловъ, кн. Барятинскій, В. Давыдовъ, Сергѣй Муравьевъ, полк. Швейковскій, полк. Тизенгаузенъ, Артамонъ Муравьевъ, полк. Вроницкій, оберъ-кварт. 3 корпуса подполк. Фроловъ, ком. роты арт. 3 гусар. дивизіи, полк. Янтальцовъ, арт. 3 драгун. дивизіи, арт. Пыхачевъ, адъют. глав. Штаб. 2-й арміи Басаргинъ, двое Крюковыхъ, полк. Леманъ, маіоръ Поджіо и братъ его отставной, живущій близъ Каменки, Черкасовъ свитскій, г. Витгенштейнъ, адъютантъ Ивашевъ, свитскіе офицеры Заикинъ и Абрамовъ, старшій адъютантъ Фаленбергъ, полковникъ Грабе, Матвѣй Муравьевъ. Бѣлорусск. гус. полк. ротм. Жуковъ, Лихаревъ, свитс.-офицеръ, находящійся при г. Виттѣ.

Мой округъ былъ въ Тульчинѣ, коему принадлежали названные чиновники главнаго штаба. Другой же округъ въ сообщеніи съ онымъ былъ въ Васильковѣ подъ распоряженіемъ Сергѣя Муравьева и Бестужева-Рюмина.

Въ сѣверномъ обществѣ зналъ я членами Трубецкого, Н. Тургенева, Оболенскаго, Рылѣева, Краснокуцкаго, Митькова, Бригена, Нарышкина; думаю, что принадлежитъ кн. Лопухинъ и кн. Илья Долгорукій, но не утверждаю. Генералъ Орловъ со мною прекратилъ всѣ сношенія съ 1821 года, почему объ немъ ничего не знаю. Кривцовъ и кн. Голицынъ, о послѣднемъ навѣрное сказать не могу. Слышалъ, что есть еще многіе другіе, но теперь не упомню, а многихъ и не знаю.

Я никогда не слыхалъ, чтобъ намѣренія общества были раздѣляемы вышними лицами; можетъ быть, что сіе новое сношеніе началось послѣ моего отъѣзда изъ Петербурга.

Положительнаго о приведеніи цѣли нашей въ исполненіе не было, но говорено было, что при смотрѣ 3-го корпуса Государемъ сдѣлать сіе было бы удобно, потому что въ семъ корпусѣ много людей изъ бывшаго Семеновскаго полка, которые неудовольствіе личное свое раздѣляли съ полками и тѣмъ приготовили оные ко всѣмъ предпріятіямъ.

Намѣреніе общества было введеніе въ государство конституціи, которой полной написано не было. Многія были предлагаемы отъ разныхъ лицъ, а именно отъ Новикова, Ник. Муравьева; я съ Сергѣемъ Муравьевымъ писалъ одну, но всѣ не получили общаго согласія и одобренія.

Имѣя 3-й корпусъ за себя, полагали итти съ онымъ въ Москву, гдѣ 2-й и 1-й корпусъ по однимъ причинамъ съ 3-мъ къ намъ пристанутъ. Тогда сенатъ заставить провозгласить предложенную конституцію и соединить великій соборъ.

Царствующую фамилію хотѣли посадить, всю безъ изъятія, на корабли и отправить въ чужіе краи, куда сами пожелаютъ. Сіе въ томъ предположеніи, что избранъ будетъ образъ республиканскаго правленія, если же предпочтенъ монархическій представительный, тогда оставить Вел. Князя Александра Николаевича, объявить его Императоромъ и установить регенцію. Мысль

сія была принята, потому что мы имѣли надежду на флотъ здѣшній, съ чиновниками коего былъ въ сношеніи Рылѣевъ.

Съ корпусомъ ген. Ермолова не было у насъ никакого сношенія прямого; но слышалъ я, что у нихъ есть общество, даже членовъ нѣкоторыхъ онаго называли, а именно: Якубовича, адъютанта генер. Ермолова, Войекова и Тимковскаго, который теперь губернаторомъ въ Бессарабіи. Мнѣ также сказывали, что общество сіе хотѣло край, ввѣренный ген. Ермолову, отъ Россіи отдѣлить и начать новую династію Ермоловыхъ, но сіе токмо въ случаѣ неудачи общей революціи. Всѣ сіи подробности извлекъ кн. Волконскій отъ Якубовича, который, нѣсколько выпивъ, былъ съ нимъ откровененъ.

Вотъ все, что въ теперешнее время припоминаю и могу показать; но, желая Государю доказать мое искреннее чистосердечіе и признаніе, буде угодно узнать отъ меня, что можетъ я запомнилъ, то готовъ во всемъ сказать все, что видѣлъ и знаю.

Въ 1817 году, когда царствующая фамилія была въ Москвѣ, часть общества, находящаяся въ сей столицѣ, подъ управленіемъ Александра Муравьева рѣшилась покуситься на жизнь Государя. Жребій долженъ былъ назначить убійцу изъ сочленовъ, и оный палъ на Якушкина (служилъ нѣкогда въ Семеновскомъ полку, вышелъ въ армію и теперь живетъ въ отставкѣ). Въ то время дали знать членамъ въ Петербургѣ, дабы получить ихъ согласіе, главнѣйшее отъ меня и Трубецкого. Мы рѣшительно намѣреніе сіе отвергли, и дабы исполненіе удержать, то Трубецкой поѣхалъ въ Москву, гдѣ нашелъ ихъ уже отставшими отъ сего замысла.

Все, что теперь припомнилъ, показалъ по истинѣ. Полковникъ Пестель.

Генералъ-адъютантъ Левашевъ.

Собственноручныя добавленія къ допросу, написанныя 6 января 1826 г.

Продолженіемъ къ сдѣланнымъ показаніямъ прибавляю:

1. Слышалъ я отъ поляковъ, съ коими разговоръ имѣлъ объ обществѣ, и коихъ уже именовалъ, что таковое существуетъ многочисленное въ Малороссіи, съ коимъ они будто бы въ союзѣ находятся, что сіе общество желаетъ независимости Малороссіи и готово на сей конецъ принять покровительство Польши, когда сія успѣетъ пріобрѣсть для себя независимость. Изъ членовъ сего малороссійскаго общества никто не былъ мнѣ названъ.

2. Говорили поляки Бестужеву-Рюмину, но кто именно говорилъ неизвѣстно мнѣ, будто бы они въ сношеніи съ другимъ русскимъ политическимъ обществомъ, имѣющимъ названіе Свободные Садовники. Болѣе же о семъ сказано ничего не было, сколько мнѣ извѣстно.

3. Слыхалъ я еще о существованіи двухъ тайныхъ обществъ подъ названіемъ Русскіе Рыцари и Зеленая Лампа. О членахъ и подробностяхъ ничего не слыхалъ и не знаю, уничтожились ли они или еще продолжаются. О первомъ слыхалъ отъ ген. Орлова, а о второмъ, за давностью времени, никакъ не упомню

кто мнѣ говорилъ, ибо это было еще въ 1817 или 1818 году. Но кажется, что Трубецкой о томъ зналъ.

4. Сказывалъ мнѣ Бестужевъ-Рюминъ, что онъ слышалъ о существованіи тайнаго общества подъ названіемъ Соединенные Славяне. Въ семъ обществѣ принимались, будто бы, какъ русскіе, такъ и поляки. Средоточіе онаго неизвѣстно или не было объявлено; но должно, кажется, быть въ Петербургѣ. Сношеній съ симъ обществомъ, какъ и со всѣми вышеназванными, Союзъ Благоденствія, то-есть наше общество, никакихъ не имѣло, сколько мнѣ извѣстно; и въ достовѣрности всего вышесказаннаго самъ утверждать не могу, но объявлено объ ономъ все то, что слыхалъ. Существованіе Соединенныхъ Славянъ считаю однакоже вѣрнымъ, ибо изъ сего общества перешли въ наше нѣкоторые члены, между прочимъ, нѣкоторые артиллерійскіе офицеры 3-го корпуса, коихъ имена я не любопытствовалъ узнавать, но кажется, что нѣкто изъ нихъ назывался Борисовъ, и что онъ въ Петербургѣ былъ принятъ въ Соединенные Славяне, а потомъ прочихъ принялъ. Повторяю, однакоже, что сіе говорю безъ собственной своей удостовѣренности, ибо никого изъ нихъ самъ не видалъ и не знаю. А также не знаю чина и мѣстопребыванія Борисова.

5. Общимъ замѣчаніемъ насчетъ духа и разума Союза Благоденствія слѣдующее представляю:

Всѣ члены Союза Благоденствія единодушно согласны были въ намѣреніи содѣйствовать ко введенію въ Россіи новаго порядка вещей и въ томъ, что сіе иначе произведено быть бы не могло, какъ чрезъ количественное усиленіе членовъ общества и распространеніе тѣмъ самымъ Союза Благоденствія по елико возможно большимъ мѣстамъ; но по всѣмъ прочимъ предметамъ и статьямъ не было общей мысли и единства въ намѣреніяхъ и видахъ. Сіе разногласіе относится преимущественно до средствъ, коими произвести перемѣну въ Россіи, и до порядка вещей и образа правленія, коими бы замѣнить существовавшее правительство.

Въ сихъ двухъ отношеніяхъ ничего не было обществомъ окончательнаго и рѣшительнаго положено. Происходили одни только разговоры и пренія безъ заключенія; такъ что сказать можно, что сіи два предмета въ обществѣ еще не созрѣли совершенно, хотя и много о томъ толковано было и много сдѣлано плановъ и проектовъ. Кончалось обыкновенно тѣмъ, что надо напередъ усилить общество, а потомъ уже соображаться для дѣйствія съ обстоятельствами и будущимъ положеніемъ дѣлъ союза. Изъ сего должно произойти большое разнообразіе въ показаніяхъ о семъ предметѣ членовъ союза, смотря на то, о какихъ мнѣніяхъ они слыхали или какихъ мнѣній они держались сами.

Еще замѣтить долгомъ считаю, что многимъ членамъ изъ тѣхъ, которые въ послѣднія времена были принимаемы, объявлено было, что планы дѣйствія и будущаго предполагаемаго образованія государства есть дѣло вышнихъ инстанцій союза, въ семъ отношеніи все уже сдѣлавшихъ. Сіе было имъ сказано для того, чтобы вселить въ нихъ болѣе довѣренности къ обществу и устранить умноженіе случаевъ къ преніямъ, вводящимъ разногласіе и

холодность между членами. Часто одни и тѣ же члены мнѣнія свои перемѣняли или пополняли. Да и вообще едва ли найдется кто-либо изъ насъ, который съ самаго начала все одно мнѣніе бы имѣлъ.

6. Свитскій офицеръ, при генералѣ графѣ Виттѣ находящійся, Лихаревъ, членъ Союза Благоденствія, принялъ въ общество нѣкоего Бошняка, который потомъ адресовался къ В. Давыдову съ предложеніемъ отъ графа Витта для вступленія сего послѣдняго въ Союзъ Благоденствія. Сіе предложеніе не было принято, но и не было рѣшительно отвергнуто. Графъ Виттъ, по словамъ Бошняка, желая дать намъ удостовѣреніе въ своей искренности, назвалъ нѣсколькихъ чиновниковъ, имѣющихъ порученіе отъ правительства быть шпіонами. Между прочими, были имъ названы, какъ я помню, полковникъ Бринкенъ, гусарскій полковой командиръ, полковникъ Тиманъ, служащій по артиллеріи при главномъ штабѣ 2-й арміи, какой-то отставной полковникъ Шебека въ Одессахъ, квартирмейстерскій офицеръ Корниловичъ, и было также сказано, что офицеръ Вятскаго полка, къ коему я будто бы особую имѣю довѣренность, есть также пересказчикъ; но имя сего офицера не было объявлено въ то время, а обѣщано о сообщеніи въ скорости. Несмотря на сіи предостереганія, ниже на всѣ обѣщанія графа Витта о содѣйствіи обществу чрезъ посредство поселеній, остались сношенія съ нимъ чрезъ Бошняка въ нерѣшительномъ положеніи, сколько, по крайней мѣрѣ, мнѣ извѣстно.

7. Тульчинская Управа состояла изъ членовъ, коимъ остальныя части союза почти вовсе не были извѣстны. Равнымъ образомъ не было имъ сообщено положительно предполагаемые образъ дѣйствія и образъ правленія. Иногда между разговорами было кое-что сказано о сихъ предметахъ, но всегда мелькомъ и безъ дальнихъ распространеній. Они находились въ союзѣ, большею частью ничего подробнаго и положительнаго о немъ не зная. Что же касается въ особенности г. Юшневскаго, то онъ все время своего бытія въ союзѣ въ совершенномъ находился бездѣйствіи, ни единаго члена самъ не пріобрѣлъ и ничего для общества никогда не сдѣлалъ. Изъ всего поведенія его видно было, что онъ самъ не радъ былъ, что въ обществѣ находился. Я все сіе объясняю здѣсь, потому что сіе извѣстіе считаю принадлежащимъ къ полному свѣдѣнію объ обществѣ.

Я здѣсь объяснилъ все то, что вспомнить могъ сверхъ показанія, третьяго дня сдѣланнаго. Остается еще только замѣтить, что сношенія между частями союза столь были рѣдки и затруднительны, что невозможно представить въ совокупности полное изложеніе всего состоянія и всѣхъ дѣйствій общества. Я даже увѣренъ, что ни единый членъ союза не имѣетъ полныхъ свѣдѣній о союзѣ. У насъ не было членовъ объѣзжающихъ, и пользовались мы только случайными переѣздами кого изъ членовъ; но таковые случайные переѣзды не всегда бывали своевременны и весьма недостаточны.

Долгомъ считаю еще сказать, что насчетъ именъ, коихъ не часто я слыхалъ, имѣю чрезвычайно дурную память и потому

легко случиться можетъ, что въ семъ отношеніи ошибку сдѣлаю, но ежели окажется темнота или недоумѣніе по таковому случаю, то разными другими обстоятельствами могу представить пополнительныя объясненія. Полковникъ Пестель.

Генералъ-адъютантъ Чернышевъ.

Вторыя дополненія.

— Цѣль сношеній съ польскимъ обществомъ была: знать, что у поляковъ дѣлается, и дружескими сношеніями предупредить вредъ, который они Россіи сдѣлать бы могли въ роковое время. Происходили разговоры и переговоры; но условій еще никакихъ заключено не было, ибо на то нужно было мнѣніе и согласіе всего союза. Переговоры же только что начались и мало оныхъ происходило; а заключеніе условій не могъ я принять на себя и на свою отвѣтственность, ибо не могъ удостовѣрить о ихъ принятіи и готовности ихъ при случаѣ исполнить безъ предварительнаго согласія всего союза. По окончаніи переговоровъ представилъ бы я оные союзу на рѣшеніе и заключеніе условій. Весь разговоръ мой продолжался не болѣе часу и былъ только одинъ разговоръ. Предметы онаго были: 1) независимость Польши, глухо сказано, а о губерніяхъ литовскихъ, Бѣлостокской, Волынской и Подольской ни слова не было упомянуто; 2) взаимное содѣйствіе на случай внѣшней войны, 3) одинаковый образъ правленія, 4) поступить имъ съ Цесаревичемъ такъ, какъ нами поступлено будетъ съ прочими великими князьями, 5) увѣдомлять имъ насъ о всѣхъ своихъ сношеніяхъ съ прочими тайными союзами въ Европѣ и съ Англіею, и никакихъ обязательствъ ни съ кѣмъ не заключать безъ предварительнаго нашего согласія.

— Изъ всѣхъ конституцій, которыя были писаны и предлагаемы, или о коихъ было говорено, ни одна не была докончена. Иная только до половины доведена, другая въ отрывкахъ состояла. Полнаго ничего не было и общимъ согласіемъ ни одна еще принята не была: такъ что общество по справедливости не можетъ сказать, какую конституцію оно бы имѣло въ виду и въ желаніи рѣшительномъ.

Конституція Никиты Муравьева большой части членовъ весьма не нравилась, потому что два главныя оной основанія совершенно пагубными казались. У него предполагался федеративный образъ правленія, какъ въ соединенныхъ областяхъ Америки. Это походило на древнюю удѣльную систему и потому пагубнымъ казалось. Второе основаніе состояло въ томъ, что права на должности въ правленіи и на участіе въ дѣлахъ общихъ и государственныхъ основаны были на богатствѣ, такъ что для исполненія должностей даже въ уѣздныхъ правительствахъ нужно было богатство, а для вышнихъ должностей все болѣе и болѣе. Сія ужасная аристократія богатствъ заставляла многихъ, и въ томъ числѣ и меня противу его конституціи сильно спорить. При семъ умѣстнымъ будетъ сказать, что при сужденіяхъ и разговорахъ о конституціяхъ, и предполагаемомъ общемъ порядкѣ вещей весьма часто говорено было,

что ежели самъ государь подаритъ отечество твердыми законами и положительно-постояннымъ порядкомъ дѣлъ, то мы тогда вѣрнѣйшіе его будемъ приверженцы и оберегатели: ибо намъ дѣло только до того, чтобы Россія пользовалась благоденствіемъ, откуда бы оное не произошло.

Что касается лично до меня, то я особенную имѣлъ склонность къ политическимъ наукамъ и много ими занимался. Изучился я онымъ въ Пажескомъ корпусѣ, до вступленія въ который нигдѣ я онымъ не обучался. Я упражнялся много во всемъ томъ, что сихъ предметовъ касается, какъ въ отношеніи администраціи или правленія, такъ и въ отношеніи конституцій. Мой образъ жизни, удаленный отъ большого свѣта, способствовалъ много къ тому, что я въ сіи предметы и познанія углублялся во времена и часы, свободные отъ службы. Такимъ образомъ, чрезъ протеченіе времени составилась въ моихъ понятіяхъ общая полная мысль о государственномъ образованіи и устройствѣ, которая вмѣщала въ себѣ, какъ всѣ отрасли правленія въ главныхъ ихъ свойствахъ и отличительномъ значеніи, такъ равно и всѣ степени правительства отъ низшихъ до высшихъ; причемъ родилась во мнѣ увѣренность, что всѣ отрасли правленія, все устройство народа и всѣ степени правительства, исключая верховной власти, могутъ въ извѣстномъ какомъ-нибудь государствѣ быть учреждены одинаковымъ образомъ, хоть Верховная Власть будетъ заключаться въ самодержавномъ монархѣ, хоть въ конституціонномъ государствѣ, хоть въ избирательномъ или республиканскомъ сословіи. Посему большая часть того, что я когда-либо писалъ о предметахъ политики, касалась прочихъ предметовъ болѣе, чѣмъ Верховной Власти, постигая сполна и весьма твердо, что устройство ея зависитъ отъ обстоятельствъ болѣе, нежели отъ плановъ и проектовъ, между тѣмъ какъ на остальные предметы добрые планы могутъ имѣть хорошее дѣйствіе и вліяніе даже безъ превращенія (революціи); посему большая часть моихъ записокъ такимъ образомъ составлена была, что можно ихъ было даже правительству показать. Но изъ всѣхъ моихъ записокъ не было еще составлено полнаго сочиненія, а были отрывки, кои по большей части всѣ уничтожены или сожжены. Цѣлаго я еще не сводилъ. Имѣлъ же намѣреніе, когда окончу сію работу, передать оную подъ названіемъ Русской Правды на судъ и мнѣніе общества. Составивъ главу о Верховной Власти вдвойнѣ: одну для монархическаго, а другую для республиканскаго оной образованія, и написавъ сію главу такимъ образомъ, что любую изъ нихъ выбравъ, можно было ее въ общее сочиненіе включить. Но сіи двѣ главы, одного предмета касающіяся, не были въ «Русской Правдѣ» даже еще и начаты.

Нѣкоторыя мысли о нихъ были однако же начертаны на французскомъ языкѣ, и монархическая подробнѣе республиканской. Все сіе для того здѣсь объясняю, чтобы представить полное, справедливое и откровенное понятіе о письменныхъ своихъ занятіяхъ по предметамъ политики.

— Насчетъ времени и образа приведенія въ исполненіе намѣреній тайнаго общества много было различныхъ мнѣній и толковъ.

Долгомъ считаю откровенно объяснить, какое мнѣніе было мое или коего я держался.

Во-первыхъ, надлежало рѣшить въ подробности, какой новый образъ правленія общество желаетъ ввести. Я всегда объяснялъ, что ежели сіе не будетъ твердымъ образомъ постановлено и соглашено, то легко родиться могутъ партіи и разныя козни. Сего, однакоже, до сихъ поръ постановлено въ обществѣ не было.

Во-вторыхъ, надлежало обществу усилить число своихъ членовъ до таковаго количества, чтобы можно было посредствомъ членовъ ввести образъ мыслей союза въ общее мнѣніе и намѣреніе союза передать какъ можно болѣе въ общее желаніе, дабы общее мнѣніе предшествовало революціи; а вмѣстѣ съ тѣмъ дабы членовъ союза такъ по всему государству распространить, чтобы чрезъ нихъ можно было не только повсюду пресѣчь всякое сопротивленіе: но даже вездѣ устроить содѣйствіе. Общество еще далеко было отъ таковаго положенія своихъ дѣлъ, ибо еще было весьма слабо.

Въ третьихъ, наконецъ, приступая къ самому превращенію, надлежало произвести оное въ Петербургѣ, яко средоточіи всѣхъ правленій и властей, а наше дѣло въ арміи и въ губерніяхъ было бы признаніе, поддержаніе и содѣйствіе Петербургу. Въ Петербургѣ же произойти бы оное могло такъ, какъ 4 сего января объяснялъ, —чрезъ Сенатъ.

Вотъ ходъ революціи такъ, какъ я ее понималъ, говоря всегда, что лучше не торопиться, но дѣло сдѣлать дѣломъ, не оставаясь въ бездѣйствіи и не сѣтуя, ежели удобные случаи пройдутъ безъ употребленія: главное дѣло, чтобъ не было партій и козней, которыя бы все могли испортить, и которыя при слабости союза были бы неизбѣжны. Сей планъ требовалъ еще много времени и потому соединялось съ онымъ предположеніе, что удобно будетъ начать революцію послѣ кончины покойнаго государя, коего смерти никто такъ скоро не ожидалъ. Впрочемъ, время начатія долженствовало опредѣлиться преимущественно обстоятельствами и силою общества. Я съ симъ мнѣніемъ всегда былъ согласенъ и о немъ всегда говорилъ. Что же касается до другихъ предположеній, то они никогда не происходили отъ меня, и я даже противу нихъ спорилъ, а ежели когда и не возставалъ сильно, то единственно, дабы споровъ не увеличивать, коихъ и безъ того было много, считая, что они сами собою упадутъ и отвергнутся какъ то не разъ и бывало.

Полковникъ Пестель.

Генералъ-адъютантъ Чернышевъ.

IV. Показанія декабристовъ о Пестелѣ.

1. Показанія Ив. Григ. Бурцова*).

Союзъ Благоденствія учрежденъ былъ въ Москвѣ во время пребыванія тамъ гвардіи въ 1818 году. Мнѣ предложено было въ оный вступить по возвращеніи гвардіи въ концѣ того же года кн. Сергѣемъ Трубецкимъ, Никитою Муравьевымъ и, сколько припомню, уговаривалъ къ тому и Пестель.

Обыкновенная цѣль союза была распространеніе просвѣщенія, благотворительности и нравственности, дабы собственнымъ примѣромъ и внушеніями искоренять пороки, невѣжество и злоупотребленія. Сокровенная цѣль понимаема была не совершенно одинаково, ибо оная нигдѣ положительно не была выражена; я и большая часть моихъ пріятелей видѣли цѣль въ слѣдующемъ: приготовлять общественное мнѣніе къ новому устройству въ государствѣ, коего ожидали отъ Государя Императора, и къ освобожденію крѣпостныхъ людей, каковыя перемѣны могли не нравиться дворянству, почему для отвращенія неудобствъ я и не считалъ законопротивнымъ служить правительству въ достиженіи таковой цѣли. Въ истинѣ сего ссылаюсь на генерала Шипова, коего 7 лѣтъ не видалъ, но съ коимъ въ то время раздѣлялъ искренно мой образъ мнѣнія. Занятія членовъ состояли единственно въ умноженіи числа и въ пріобрѣтеніи полезныхъ знаній для пріуготовленія себя на государственной службѣ. Уставъ общества именовался Зеленою Книгою и былъ рукописный, въ числѣ 30 или болѣе экземпляровъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1819 года пріѣхавъ въ Тульчинъ, я нашелъ тамъ Пестеля, который прибывъ за полгода прежде, принялъ въ общество Комарова, и мы всѣ вмѣстѣ стали распространять число членовъ. Я дѣйствовалъ въ томъ же духѣ, какъ и прежде, а Пестель сначала поддѣлывался къ моему мнѣнію, но впослѣдствіи началъ понемногу возставать противъ онаго, къ чему склонялъ и своихъ пріятелей, какъ насмѣшками, такъ и убѣжденіемъ. Онъ утверждалъ, что для образованія нравовъ нужны вѣка, но надлежало исправить правленіе, отъ коего уже и нравы исправятся. Я уже непоколебимо оставался въ прежнихъ правилахъ и почиталъ за великое счастье, если бы въ теченіе своей жизни, хотя на одну

*) О немъ см. введеніе.

каплю успѣлъ улучшить нравственность въ своемъ маломъ кругу дѣйствія. Таковое несогласіе въ коренномъ мнѣніи убѣдило меня, что обществу съ разнородными частями существовать нельзя, почему и принялъ я твердую рѣшимость устремить всѣ силы къ разрушенію обществъ.

По возвращеніи изъ Москвы въ мартѣ 1821 г., гдѣ на общемъ съѣздѣ нѣсколькихъ членовъ Союзъ Благоденствія по представленію моему уничтоженъ, я собралъ всѣхъ наличныхъ тульчинскихъ членовъ и объявилъ имъ о семъ дѣйствіи. На таковое объявленіе Пестель возразилъ, что московское собраніе не въ правѣ было уничтожать союза, но также измѣнять учрежденія онаго и что онъ намѣренъ завести новое общество. Нѣкоторые изъ прочихъ членовъ изъявили мнѣ токмо свое негодованіе. Аврамовъ, кажется, сказалъ, что не онъ общества, но оно его искало и потому удивляется, что оно же его и оставляетъ. Словъ Юшневскаго вовсе не помню, ибо, произнеся уничтоженіе союза, я удалился. Всѣ сіи фразы я принялъ дѣйствіемъ оскорбленнаго самолюбія и зналъ, что внутренно мнѣ многіе были обязаны. Со мною вышелъ Вольфъ и тотчасъ поблагодарилъ меня за сію рѣшимость. Что же прочіе послѣ меня учинили, мнѣ нисколько не извѣстно. Вражда Пестеля содѣлалась ко мнѣ неукротимою, и онъ началъ обвѣщать меня агентомъ тайной полиціи.

Въ продолженіи того же года выѣхалъ онъ изъ Тульчина и всѣ наши столкновенія совершенно пресѣклись, не менѣе я долгомъ считалъ наблюдать за послѣдствіями и вскорѣ услышалъ, что Аврамовъ, Ивашевъ. Комаровъ, старшій Крюковъ рѣшительно отдалились отъ Пестеля, и каждый объявлялъ удовольствіе въ разрушеніи прежнихъ связей. Юшневскаго я полагалъ въ такомъ же мнѣніи, ибо неоднократно слышалъ его невыгодные отзывы о характерѣ Пестеля. Отсутствующіе же члены какъ прежде, такъ и послѣ никакого дѣйствія не оказывали.

Итакъ, къ концу 1821 года изъ всѣхъ преданныхъ ему оставался одинъ только Барятинскій, но и тотъ, не имѣя никакого значенія, въ Тульчинѣ казался ни мало неопаснымъ, поэтому я утвердился во мнѣніи, что Пестелевы намѣренія никакого успѣха не возымѣли; но въ 1824 году въ январѣ мѣсяцѣ, проѣзжая чрезъ Кіевъ въ Рязанскую губернію, я увидѣлся съ Комаровымъ, который бываетъ часто въ домѣ генерала Раевскаго и въ другихъ, замѣтилъ, что будто Пестель въ связи съ молодыми Раевскими, Давыдовыми, Бестужевымъ и пр., и что Юшневскій также съ ними сближается. Это меня сильно поразило и я отвѣчалъ, что, кромѣ Юшневскаго, я всѣхъ ихъ мало знаю, да и примѣчать связи ихъ не буду имѣть возможности, ибо чрезъ два дня ѣду къ роднымъ, а потомъ надѣюсь получить въ командованіе полкъ, къ коему былъ уже представленъ; но если онъ, оставаясь въ Кіевѣ, откроетъ что-либо значительное, то должно донести начальству....

Возвратившись въ маѣ 1824 г. изъ внутреннихъ губерній во 2-ю армію, я оставилъ Тульчинъ и жилъ до сего времени уединенно въ м. Громовѣ, занимаясь исключительно службою, не поддерживая ни съ кѣмъ никакихъ связей и не имѣя средствъ наблюдать за

другими. Все что я могъ замѣтить касательно поведенія Пестеля и его единомышленниковъ состояло въ слѣдующемъ: по возвращеніи его изъ Петербурга въ концѣ 1824 г., онъ изъявилъ желаніе прекратить его многолѣтнее ко мнѣ негодованіе и, живя въ 35-ти верстахъ отъ меня, соблюдать нѣкоторую пріязнь. Я отъ этого не отказался и видѣлъ его раза три, но по наклонности моей ко всѣмъ предметамъ службы, онъ, не находя удобности предлагать мнѣ что-либо объ обществѣ, вскорѣ отсталъ и началъ всѣми скрытными мѣрами злословить мое не только наружное, но даже домашнее поведеніе; на что есть много достовѣрныхъ въ Тульчинѣ свидѣтелей.

Потомъ, въ теченіе 1825 г. находясь съ полкомъ въ дивизіонномъ лагерѣ, я встрѣтился съ командиромъ 1-й бриг. 19-й дивизіи кн. Волконскимъ, который сначала, увидѣвъ ввѣренный мнѣ полкъ, превозносилъ его устройство, но вдругъ однажды вошелъ со мною въ неожиданный разговоръ слѣдующаго содержанія: «Поведеніе твое въ полку вовсе не соотвѣтствуетъ ожиданію каждаго, ты съ офицерами обращаешься слишкомъ строго и грубо, а съ солдатами употребляешь тѣлесныя наказанія; отъ этого хотя полкъ не выученъ, но въ немъ всѣ тебя не любятъ. Ты опять вводишь въ 19 дивизію палки, которыя я отчасти успѣлъ изгнать. По прежней нашей связи я ожидалъ, что ты будешь стараться привлекать къ себѣ подчиненныхъ, дабы имѣть ихъ во всегдашней своей власти». На все это я ему отвѣчалъ: «Князь, прежняя наша связь 5 лѣтъ уже какъ разрушена, и я служу съ единою цѣлью довести полкъ до наилучшаго фронтового и внутренняго устройства, дабы тѣмъ оправдать лестное довѣріе Государя и ходатайство генерала Киселева». Онъ замолчалъ, сказавъ, что если такъ, то онъ никогда болѣе со мною объ этомъ говорить не будетъ. Съ сего времени недоброжелательство его сдѣлалось ко мнѣ очевиднымъ, и онъ даже довелъ до свѣдѣнія вышняго начальства мое, будто бы, жестокое въ полку обращеніе.

Обязанъ еще присовокупить, что всѣ сношенія и свиданія его съ Пестелемъ дѣлались не по прямому пути чрезъ мою квартиру, но посторонними дорогами для сокрытія отъ меня ихъ связи.

Во время существованія Союза Благоденствія въ Тульчинѣ наиболѣе имѣли вліяніе на прочихъ, кромѣ Пестеля, Юшневскій и Комаровъ. Касательно сочиненій, то таковыхъ никѣмъ въ духѣ общества не было писано, да и время было не продолжительно. Мною самимъ въ цѣлые 7 лѣтъ написана одна только статья: «Бой полковника Тиховскаго съ закубанскими черкесами,» и напечатана въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1820 года. Матеріалами для оной послужили бумаги, собранныя генераломъ Киселевымъ въ Екатеринодарѣ. Прочіе члены, сколько мнѣ извѣстно, ничего замѣчательнаго не писали и не печатали.

По объявленной мною выше цѣли, къ которой стремились мои дѣйствія, мнѣ никогда не представлялось нужнымъ употребленіе войска, напротивъ того, я видѣлъ большую возможность успѣть въ жизни гражданской и потому иногда желалъ, чтобы какой-либо государственный человѣкъ, подобно Мордвинову, Сперан-

скому или приближенная особа къ Государю, приняли первоначальное общество подъ свое покровительство и направили согласно волѣ правительства. Пестель же, сколько замѣтно было, все вниманіе устремлялъ на войска и домогался мѣста въ военныхъ поселеніяхъ дежурнаго штабъ-офицера.

Всѣхъ тайныхъ сочиненій Пестеля я не видалъ и не читалъ, кромѣ разномыслія нашего о цѣли общества, препятствовало и самолюбіе его, чтобы отдать какое-либо твореніе на мой разборъ. Онъ всякій разъ выходилъ изъ себя, когда маловажная дѣловая бумага, имъ написанная, попадалась въ мои руки (Дѣло № 95).

2. Показанія Н. В. Басаргина*).

Объ отношеніи къ Пестелю членовъ Южнаго общества.

— Во всѣхъ разговорахъ объ обществѣ въ продолженіе моего въ немъ пребыванія, одинъ только полковникъ Пестель отличался отъ прочихъ свободомысліемъ, которое другими членами не было одобриваемо, такъ что безъ него съ ротмистромъ Ивашевымъ и докторомъ Вольфомъ мы часто опровергали его мнѣнія и ни мало не раздѣляли съ нимъ его правилъ, въ чемъ они могутъ засвидѣтельствовать истину словъ моихъ. Мы виноваты только въ томъ, что слушали его и не имѣли довольно твердости явно объявить наше нежеланіе оставаться въ обществѣ.

— Кто изъ членовъ южнаго общества наиболѣе стремился къ распространенію и утвержденію преступныхъ мнѣній онаго совѣтами, сочиненіями и вліяніемъ на другихъ?

— Во время моего нахожденія одинъ только полковникъ Пестель (показанія 29 марта 1826 года).

Въ заключеніе моего показанія я осмѣливаюсь представить мое мнѣніе о характерѣ и образѣ мыслей тѣхъ лицъ, съ коими я былъ въ связи. Если оное не согласно съ дѣйствіями, для меня неизвѣстными, по крайней мѣрѣ, комитетъ Высочайше учрежденный усмотритъ, какое я имѣлъ объ нихъ понятіе.

Полковникъ Пестель. Одаренный отъ природы способностями выше обыкновенныхъ, онъ былъ главною пружиною дѣйствій общества, такъ что съ удаленіемъ его изъ главной квартиры общество какъ бы кончилось. Онъ одинъ имѣлъ большое вліяніе въ обществѣ, но къ счастью не имѣлъ способности привлекать, ибо, излагая слишкомъ неосторожно свои правила, онъ былъ тогда же оставленъ тѣми, кои имъ увлекались.

Генералъ-интендантъ Юшневскій. Человѣкъ характера слабаго, руководимый Пестелемъ, онъ не имѣлъ большого вліянія въ обществѣ (по крайней мѣрѣ, во время моего нахожденія). Болѣе я ничего о немъ не могу сказать, ибо въ короткой связи съ нимъ не былъ.

Генералъ-маіоры:

Князь Волконскій. Преданный совершенно полковнику Пестелю, который завладѣлъ имъ преимуществомъ своихъ способностей.

*) О немъ см. введеніе.

Фонвизинъ. Я почти его не знаю, но, сколько могъ замѣтить, онъ имѣлъ самыя умѣренныя правила.

Полковники:

Бурцовъ. Соблюдая правила умѣренныя, онъ сначала дѣятельно способствовалъ распространенію общества Благоденствія, но, перемѣнивъ образъ мыслей въ 1821 году, отсталъ отъ онаго и обратился къ обязанностямъ службы. Сначала онъ имѣлъ въ Тульчинѣ большое вліяніе на общество.

Аврамовъ. Почти никакого вліянія въ обществѣ не имѣлъ, но въ 1821 году согласился остаться въ ономъ.

Подполковникъ Комаровъ. Никакого вліянія въ обществѣ не имѣлъ. Не могу припомнить, остался ли онъ или вышелъ.

Ротмистръ Ивашевъ. Съ наилучшими правилами. Въ 1821 году онъ нѣкоторое время былъ увлеченъ полковникомъ Пестелемъ, но стараніемъ людей, коротко съ нимъ связанныхъ, узналъ его и отсталъ. Я также съ своей стороны много къ тому способствовалъ. Онъ въ обществѣ не имѣлъ вліянія, но, будучи весьма друженъ со мною и докторомъ Вольфомъ, мы почти всегда были одинакихъ мыслей и, какъ кажется, впослѣдствіи всѣ трое не участвовали въ дѣйствіяхъ общества.

Князь Барятинскій. Во время моего нахожденія, не имѣлъ никакого вліянія, подъ конецъ онъ былъ весьма коротко связанъ съ Пестелемъ, и, какъ кажется, связь ихъ продолжалась до послѣдняго времени.

Докторъ Вольфъ. Ни цѣли, ни вліянія никакого не имѣлъ и, какъ кажется, вступилъ потому, что люди, съ коими онъ былъ друженъ, находились въ обществѣ.

Поручикъ Крюковъ 1-й. Слабаго характера, онъ долгое время былъ руководимъ кн. Барятинскимъ, но впослѣдствіи, кажется, отсталъ; не знаю достовѣрно, но полагаю, что со времени принятаго имъ намѣренія жениться онъ отъ общества отсталъ. Квартирмейстерской части поручика Пушкина я не полагаю въ числѣ членовъ, ибо хотя я ему въ 1820 году и говорилъ о существованіи общества Благоденствія, но принятъ онъ не былъ, и если былъ, то впослѣдствіи, когда я не участвовалъ, въ чемъ я увѣренъ, и онъ сознается.

Кончая мое показаніе, я осмѣливаюсь вновь повторить комитету, Высочайше учрежденному, что во всѣхъ случаяхъ, если что-либо предлагалось или говорилось новое даже безъ моего вѣдома, то можно положительно сказать, что никѣмъ другимъ изъ членовъ, какъ полковникомъ Пестелемъ, ибо, по понятію моему, онъ одинъ былъ основаніемъ, на коемъ все зданіе было устроено.

Я увѣренъ, что комитетъ, высочайше учрежденный, изъ самаго показанія моего усмотритъ и желаніе мое сдѣлать совершенное признаніе и тѣ смѣшанныя и неясныя понятія, которыя я объ обществѣ имѣлъ (показанія 30 марта 1826 года).

---

1. Полковникъ Бурцовъ и Пестель весьма часто спорили о республиканскомъ правленіи. Послѣдній изъ нихъ въ частныхъ

разговорахъ доворилъ о семъ и съ другими членами; о семъ у меня остались нѣкоторыя смѣшанныя идеи.

2. На совѣщаніи о избраніи директоровъ я помню, что Пестель говорилъ много. Не упомню, къ чему клонился разговоръ его, но почти увѣренъ, что согласія у насъ не требовалось ни на что, развѣ, можетъ быть, наше невозраженіе казалось ему знакомъ согласія. Притомъ мнѣ весьма помнится, что имъ же сказано, что впослѣдствіи директоры сдѣлаютъ сбо всемъ предложенія членамъ. Впослѣдствіи же рѣшительно ни о чемъ намъ предлагаемо не было.

3. Полковникъ Пестель имѣлъ тогда сильное вліяніе въ обществѣ нашемъ, хотя и въ то время мы говорили, что онъ мыслитъ слишкомъ вольно.

4. Весьма часто въ нѣкоторыхъ даже ничтожныхъ разговорахъ намъ казалось, что Пестель разсуждаетъ несправедливо, но, не желая съ нимъ спорить, мы оставляли его при его мнѣніяхъ, а говорили безъ него о семъ между собою, и наконецъ

5. Неискренность моя при первомъ моемъ допросѣ, отъ какихъ бы причинъ оная не происходила, и которая будетъ всегда въ собственныхъ глазахъ моихъ непростительна, заставляетъ меня теперь бояться подать малѣйшее сомнѣніе въ моемъ чистосердечіи; если бы я прежде сего показалъ мою искренность, я бы смѣлѣе могъ отвергать тѣ обвиненія, кои мнѣ кажутся сомнительными. Теперь же я въ такомъ положеніи, что готовъ соглашаться на все, лишь бы не требовалось отъ меня объясненія подробностей.

На другой день совѣщанія о избраніи директоровъ и на коемъ предоставлена имъ власть располагать дѣйствіями общества, довелось мнѣ быть у ротмистра Ивашева, гдѣ находился и докторъ Вольфъ. Я не знаю, припомнятъ ли они нашъ разговоръ, но оный состоялъ въ слѣдующемъ: ротмистръ Ивашевъ говорилъ мнѣ, что полковникъ Пестель, будучи избранъ директоромъ, достигъ цѣли своихъ желаній и что теперь будетъ располагать членами по своему произволу; говоря далѣе о семъ и не желая быть руководимы противъ нашихъ мнѣній и правилъ, мы согласились быть всегда за одно и явно противоставать противу тѣхъ предложеній или дѣйствій, кои будутъ имъ вводимы, въ противномъ же случаѣ удалиться изъ общества; не знаю, узналъ ли о семъ полковникъ Пестель или нѣтъ, но можно сказать, что симъ разговоромъ кончилось наше участіе въ обществѣ, ибо, по нежеланію ли быть опровергаемому, или по другимъ какимъ-либо причинамъ, полковникъ Пестель о дѣйствіяхъ общества и о своихъ намѣреніяхъ ничего болѣе не говорилъ, тѣмъ болѣе, что ротмистръ Ивашевъ въ сіе время совершенно отъ него отдалился и онъ видѣлъ, что мы ни мало къ тому способствовали.

Здѣсь я беру смѣлость замѣтить, что во время существованія общества Благоденствія, хотя цѣль онаго была извѣстна всѣмъ, но у большей части членовъ цѣль сія была побочная,— главная же была та, что мы находились весьма тѣсно связаны другъ съ другомъ. Каждый вечеръ мы собирались вмѣстѣ безъ условія

и всякій излагалъ малѣйшія подробности, до него касающіяся, и самыя маловажныя впечатлѣнія, получаемыя имъ въ продолженіе дня. Не желая уничтожить сего, мы согласились, какъ я выше сказалъ, продолжать наше общество въ Тульчинѣ.

3. Показанія С. И. Муравьева-Апостола.

— Члены, имѣвшіе больше всѣхъ вліянія на Южное общество совѣтами или сочиненіями, были я, Пестель и Бестужевъ-Рюминъ (показанія 6 февраля 1826 г., п. 8).

— Подтверждая все мною показанное, повторяю я, что въ началѣ 1822 года сошелся я въ Кіевѣ съ членами: Пестелемъ, Юшневскимъ, Давыдовымъ, кн. Волконскимъ, объявившими мнѣ, что они не хотятъ признать уничтоженія Союза Благоденствія и рѣшились дѣйствовать, какъ отдѣльное общество; что впослѣдствіи сего объявленія, я присоединился къ нимъ; что мы избрали директорами новаго нашего общества Пестеля и Юшневскаго; что первый на совѣщаніяхъ, въ томъ же году бывшихъ, излагалъ намъ сочиняемую имъ Русскую Правду, и вмѣстѣ необходимость введенія оной въ Россіи посредствомъ переворота и временнаго правленія, ввѣреннаго директорамъ общества; и что совѣщанія того года кончились рѣшеніемъ представить каждому члену цѣлый годъ на обдуманіе мнѣнія, какъ о Русской Правдѣ, такъ и объ образѣ введенія ея; что вслѣдствіе сего рѣшенія, въ началѣ 1823 года, всѣ вышерѣченные члены и Бестужевъ-Рюминъ, принятый мною въ теченіе того времени, собрались опять въ Кіевѣ, гдѣ единодушно приняты были всѣми членами Русская Правда и образъ введенія оной въ Россію; въ концѣ же того же года въ Каменкѣ, у Давыдова, предложеніе сіе Пестеля не было возобновляемо, ибо, бывъ уже принято разъ и одобрено въ Кіевѣ общимъ согласіемъ всѣхъ членовъ, послѣ цѣлаго года размышленія, не нужно уже было возобновлять оное въ Каменкѣ. Къ сему присовокупляю, что дѣйствительно я съ 1823 года въ Кіевѣ, въ Каменкѣ и при всякомъ случаѣ уговаривалъ всегда членовъ отбросить всякую медленность, доказывая имъ, что, рѣшившись разъ на толикое дѣло, они поступили бы безразсудно, оставаясь въ бездѣйственности, что они симъ умножаютъ лишь опасности, на каждомъ шагѣ намъ угрожающія. Показаніе же кн. Волконскаго, что предложеніе Пестеля принято вслѣдствіе моихъ требованій, ошибочно и вѣроятно потому, что онъ смѣшалъ въ памяти своей изложенный здѣсь мною ходъ всего дѣла (показанія 8 апрѣля).

— Подтверждая показанное мною, повторяю, что на тѣхъ же совѣщаніяхъ 1823 года, при тѣхъ же именованныхъ членахъ, былъ предложенъ въ первый разъ Пестелемъ вопросъ объ образѣ поступленія со всею Императорскою фамиліею при установленіи временнаго правленія, для введенія въ Россіи Русской Правды, что мнѣнія членовъ были, какъ я показалъ, и что слѣдствіемъ возникшаго пренія по сему предмету, было оставленіе сего вопроса до другого времени и что оный впослѣдствіи не возобновлялся.

Къ симъ показаніямъ прибавить долженъ, что впослѣдствіи времени и я присоединился къ мнѣнію о лишеніи жизни Государя,

не по убѣжденію однако же въ необходимости политической сей мѣры, а потому что оно было господствующее мнѣніе въ обществѣ. На истребленіе же всей царской фамиліи я не только никогда не согласился, но всѣ члены, съ коими о семъ предметѣ я говорилъ откровенно, засвидѣтельствовать могутъ, что я всегда разумѣлъ мнѣніе сіе, какъ сумасброднѣйшее. Ссылаюсь въ семъ на брата Матвѣя, на Бестужева-Рюмина, на Швейковскаго, на кн. Трубецкого, на Корниловича.

Показаніе же кн. Волконскаго, что въ концѣ 1823 года въ Каменкѣ, у Давыдова, я первый возобновилъ сіе предложеніе, совершенно ошибочно. Всѣ члены, меня знающіе, могутъ засвидѣтельствовать, по крайней мѣрѣ, что я не таковой превратности мнѣній, чтобы говорить сегодня одно, а завтра другое, напротивъ того утверждаю я, что предложеніе истребленія всей Императорской фамиліи ни мною и никѣмъ изъ присутствовавшихъ членовъ возобновляемо не было на совѣщаніяхъ въ Каменкѣ (гдѣ, кромѣ Юшневскаго, всѣ члены, бывшіе въ Кіевѣ, въ началѣ года находились). Приведенный Волконскимъ, въ подтвержденіе своего показанія, примѣръ Испаніи ничего въ семъ случаѣ не доказываетъ, ибо на означенныхъ совѣщаніяхъ въ Каменкѣ было дѣйствительно говорено объ Испаніи, но не въ подтвержденіе необходимости истребленія всей царской фамиліи, а въ доказательство необходимости введенія конституціоннаго порядка въ Россіи посредствомъ временнаго правленія, ибо разсуждаемо было, что испанцы не въ томъ сдѣлали ошибку, что сохранили жизнь королю и всей королевской фамиліи, а въ томъ лишь, что они королю ввѣрили введеніе опровергнутой имъ однажды конституціи.

Ошибка же кн. Волконскаго, вѣроятно, происходитъ отъ того, что онъ перемѣшалъ въ памяти своей вопросъ о необходимости временнаго правленія для введенія и утвержденія въ Россіи конституціоннаго порядка и удаленія отъ онаго членовъ Императорской фамиліи, на который и я, и всѣ члены совершенно были согласны, съ вопросомъ о истребленіи всей Императорской фамиліи, предложеннымъ разъ одинъ только, какъ я показалъ, Пестелемъ въ Кіевѣ и не возобновившимся впослѣдствіи, и не могшимъ, слѣдственно, остаться господствующимъ мнѣніемъ общества; къ тому замѣчу я, что всѣ названные члены, для подтвержденія сего предположенія комитетомъ, Давыдовъ, Янтальцовъ, оба Поджіо, Пестель и кн. Барятинскій, принадлежатъ всѣ либо къ центру, либо къ правому флангу. Бестужевъ же не только не раздѣлялъ сего мнѣнія, но писалъ даже противъ. Прошу же я комитетъ взять трудъ разузнать отъ членовъ, принадлежащихъ къ лѣвому флангу, было ли проповѣдано кому изъ нихъ о истребленіи всей царской фамиліи. Поступки же мои, какъ мнѣ кажется, не только не представляютъ никакого противорѣчія съ изложеннымъ здѣсь моимъ мнѣніемъ, но подтверждаютъ еще оное. Еслибы я и увѣренъ былъ въ необходимости истребленія всей Императорской фамиліи, я бы долженъ былъ утверждать также необходимость начинанія дѣйствій не иначе, какъ въ Петербургѣ, какъ въ единомъ мѣстѣ, гдѣ можно улучить случай собранія всей Царской фамиліи, а напротивъ

того всегдашнее мое требованіе неотложнаго начатія дѣйствія, и не въ Петербургѣ, а тамъ, гдѣ мы сами находились, не доказываетъ ли, что я былъ совершенно противнаго мнѣнія. Да и самыя дѣйствія мои, принятыя въ самомъ строгомъ противъ меня толкованіи, могутъ лишь доказать, что я согласенъ былъ на лишеніе жизни одного Государя, а не всей Царской фамиліи, къ тому же я долженъ сказать, что въ Бобруйскѣ и вездѣ главная моя цѣль была: возмущеніе, что я потому наипаче желалъ начатія онаго въ Бобруйскѣ, что крѣпость сія представляла намъ возможность, овладѣвъ особою Государя, охранять его въ оной, безъ опасности для насъ; что я въ сношеніяхъ Бестужева съ поляками не только требовалъ отъ нихъ смерти Цесаревича, но прошу комитетъ, да спроситъ онъ Бестужева, какое было мое мнѣніе на сей счетъ. Что же касается до тайнаго моего стремленія и видовъ нашихъ, такъ какъ открытіе оныхъ основывается на одномъ умозрѣніи подполковника Поджіо, догадавшагося теперь, что мы изъ него содѣлывали слѣпое оружіе наше, я на сіе никакого отвѣта не могу дать, какъ развѣ, что я въ жизни моей съ означеннымъ подполковникомъ Поджіо видѣлся какихъ-нибудь разъ десять, а говорилъ съ нимъ о предметахъ, относящихся къ обществу, раза три или четыре не болѣе, то при всей моей готовности вѣрить его уму, я не могу однако же признать въ немъ столь проницательную безошибочность, чтобы онъ въ столь малое время проникъ до глубины моихъ намѣреній (показанія 8 апрѣля, п. 2 дѣло № 395).

4. Показанія М. П. Бестужева-Рюмина.

О настояніяхъ Пестеля на истребленіи всей Царской фамиліи.

Показаніе 11 февраля 1826 года. Послѣ долгихъ споровъ, насмѣшекъ и съ моей стороны сопротивленій, согласившись наконецъ на преступное мнѣніе директоріи лишить жизни Государя, я не переставалъ однако же (совокупно съ С. Муравьевымъ) возставать за остальныхъ особъ царской фамиліи. Но 1-я и 3-я управы, представляли мнѣ то междуусобную войну, то реставрацію и возмездіе неминуемымъ послѣдствіемъ нашей умѣренности. Вотще повторялъ я сказанное насчетъ сей въ моей рѣчи (особенно въ одномъ параграфѣ*),—мнѣ возражали, что для избѣжаніи Вандеи и для отвращенія другихъ препятствій, вѣрнѣе, какъ некому уже будетъ сопротивляться преобразованію, или разрушить воздвигнутое нами зданіе.

*) Вотъ сей параграфъ слово въ слово. (Его же помнитъ наизусть Артамонъ Муравьевъ). La restauration, á quoi est-elle due, si non á l'horrible mauvaise foi du prétendu régénération de la France, plongée en léthargie á force de perdre du sang. Des mesures atroces amenent l'anarchie et de l'anarchie au despotisme, et puis à d'autres bouleversements-la marche est rapide. Si, l'Angleterre et la France vous le prouvent. Donnons une bonne constitution, donnons un bon code á la Russie elle s'y attachera et le défendra contre toute agression. Pour soulever la Nation, que pourra-t-on lui promettre, alors que nous aurons tout fait? Но послѣ увидѣвъ, что Россія перемѣны правленія не желаетъ, я увѣрился въ своемъ заблужденіи, и раскаялся, что принималъ участіе въ усиліяхъ ввести новый порядокъ вещей.

Я отвѣчалъ на это, что Стюарты, во второй разъ покусившись возсѣсть на престолъ предковъ своихъ, уже въ томъ успѣть не могли, а первая ресторація—плодъ тираніи Кромвеля и долго продолжавшихся безпорядковъ, кои утомили народъ.—Но мнѣніе мое, все-таки, принято не было. Не знаю, угодно ли будетъ комитету повѣрить, что Сергѣй Муравьевъ и я, мы не хотѣли и смерти Государя,—долгія сопротивленія наши и Бобруйскій планъ то доказываютъ, но видя, что всѣ члены безъ исключенія полагали необходимостью лишить Государя жизни, то и мы наконецъ на то согласились.

Показаніе 5 апрѣля 1826 года. На контрактахъ 1823 года на квартирѣ Василія Давыдова, по вступленіи моемъ въ общество, собрались всѣ тогда въ Кіевѣ находящіеся члены, кои суть: Пестель, Юшневскій, Давыдовъ и Волконскій. Меня и Сергѣя Муравьева туда приглашали, и Пестель торжественно открылъ засѣданіе, спрашивая насъ: согласны ли мы на введеніе республиканскаго правленія въ Россіи. Мы сказали: «Да». Пестель спросилъ потомъ у насъ, согласны ли мы со мнѣніемъ общества о необходимости истребленія всей Императорской фамиліи. Мы сказали, что нѣтъ. Тутъ возникли жаркія и продолжительныя пренія. Муравьевъ въ своемъ мнѣніи устоялъ, а я имѣлъ несчастіе убѣдиться доводами Пестеля.

Видя, что Муравьевъ начинаетъ сердиться, Пестель перемѣнилъ разговоръ, и предложилъ другой вопросъ, относительно народныхъ выборовъ, требовалъ нашего мнѣнія: будутъ ли выборы прямые или косвенные. Муравьевъ отвѣчалъ, что онъ предпочитаетъ прямые, на собственности основанные. Тутъ пренія возобновились. Пестель, Юшневскій, Давыдовъ стремились доказать, что косвенные лучше. Я держался мнѣнія Муравьева, а Волконскій молчалъ.

Послѣ сего Пестель предложилъ окончательный вопросъ,—останется ли господствующая религія или одинаковое покровительство будетъ всѣмъ оказываемо. Единодушно положили, что останется религія господствующая.

Въ Каменкѣ Пестель возобновилъ пренія о необходимости истребленія Императорской фамиліи, долгими доводами сталъ доказывать Муравьеву, что Бобруйскій планъ неудобоисполнителенъ. Муравьевъ изъявилъ свое согласіе на смерть Государя, но устоялъ въ своемъ мнѣніи касательно остальныхъ особъ Императорской фамиліи. Потомъ начались пренія не о Республикѣ, (какъ показываетъ Волконскій), но о конституціи, и кончились тѣмъ, что Муравьевъ, который прежде былъ одного мнѣнія съ Никитой, о введеніи двухъ камеръ съ предсѣдателемъ, согласился на Пестелеву Русскую Правду.

Присутствовавшіе при сихъ совѣщаніяхъ члены суть: Пестель, Волконскій, Давыдовъ и я. Къ послѣднему засѣданію былъ приглашенъ новопринятый членъ г. Полиньякъ, но при немъ Пестель не захотѣлъ заводить распрей, и объявивъ себя предсѣдателемъ управы (а не общества), сталъ ему весьма краснорѣчиво говорить «о распространившемся» уже просвѣщеніи въ Россіи, о мно-

гочисленности и могуществѣ общества; объ его обширныхъ видахъ, о возможности произвести политическій переворотъ въ Россіи, избѣгая долговременности и кровопролитности французской революціи.

Вступивъ только что въ общество, не углубившись прежде въ политику, я на совѣщаніи у Давыдова былъ увлеченъ доводами Пестеля и Юшневскаго и далъ свое согласіе на преступное ихъ мнѣніе о необходимости смерти Государя для введенія представительнаго правленія. Но не могъ согласиться на пролитіе крови остальныхъ особъ Императорской фамиліи. Муравьевъ противился покушенію на жизнь Государя. Когда же мы возвратились домой, онъ долго говорилъ со мной о томъ, что можно ввести представительное правленіе, не прибѣгая къ ужасной мѣрѣ, на коей настаиваетъ директорія. Я съ радостью мнѣніе его принялъ, чему доказательствомъ служитъ Бобруйскій планъ, о коемъ совѣщаемо было между Муравьевымъ, Швейковскимъ, Норовымъ и мною.

По возвращеніи нашей дивизіи изъ Бобруйска я ѣздилъ къ Пестелю, дабы дать ему отчетъ въ нашемъ планѣ. Когда онъ услышалъ, что мы намѣревались токмо арестовать Государя, онъ сказалъ: «Теперь я радъ, что никого въ Бобруйскъ по вашему требованію не прислалъ. Арестованіе Государя произвело бы или междуусобную войну, или неминуемую нашу гибель. Кто устережетъ Государя? Неужели вы думаете, что приставленные къ нему часовые не оробѣютъ отъ одного взгляда его? Неужели вы думаете, что никому не взойдетъ въ голову измѣнить вамъ, выручить Государя, и тѣмъ безъ великаго риска, получить великую награду?». Онъ еще приводилъ много доводовъ, теперь забытыхъ мною, и кончилъ, объявляя отъ имени всего общества, что никто не станетъ дѣйствовать, покуда существуетъ Государь. Возвратясь къ Сергѣю Муравьеву, я все это ему передалъ, и тогда мы положили дать согласіе на смерть Государя, но твердо стоять за остальныхъ особъ Императорской фамиліи, и въ семъ смыслѣ я написалъ рѣчь, извѣстную всему обществу.

Сергѣй Муравьевъ не только не предлагалъ, но никогда не соглашался на ужасную мѣру истребленія всей Императорской фамиліи. Но введеніе республики вооруженной силой онъ одобрялъ.

5. Показанія К. Ф. Рылѣева.

О совѣщаніяхъ Пестеля съ членами Сѣвернаго Общества въ Петербургѣ въ 1824 году.

— При свиданіи съ Пестелемъ вы между прочимъ говорили съ нимъ о раздѣленіи земель. Поясните: въ чемъ именно состоялъ разговоръ вашъ съ Пестелемъ, и какого онъ и вы были мнѣнія насчетъ раздѣла земель и какъ полагали оное сдѣлать?

— При свиданіи съ Пестелемъ я имѣлъ съ нимъ долгій разговоръ, продолжавшійся около двухъ часовъ. Всѣхъ предметовъ, о коихъ шла рѣчь, я не могу припомнить. Помню только, что Пестель, вѣроятно желая вывѣдать меня, въ два упомянутые часа

былъ и гражданиномъ Сѣверо-Американской республики, и наполеонистомъ, и террористомъ, то защитникомъ англійской конституціи, то поборникомъ испанской. Напримѣръ: онъ соглашался со мною, что образъ правленія Соединенныхъ Штатовъ есть приличный и удобный для Россіи. Когда же я замѣтилъ, что Россія къ сему образу правленія еще не готова, т. е. къ чисто республиканскому, Пестель сталъ выхвалять государственный уставъ Англіи, приписывая оному настоящее богатство, славу и могущество сего государства. Спустя нѣсколько времени онъ согласился со мною, что уставъ Англіи уже устарѣлъ, что теперешнее просвѣщеніе народовъ требуетъ большей свободы и совершенства въ управленіи, что англійская конституція имѣетъ множество пороковъ и обольщаетъ только слѣпую чернь, лордовъ и купцовъ. «Да близорукихъ англомановъ», подхватилъ Пестель. «Вы совершенно правы». Потомъ много говорилъ онъ въ похвалу испанскаго устава и, наконецъ, зашла рѣчь о Наполеонѣ. Пестель воскликнулъ: «вотъ истинно-великій человѣкъ! По моему мнѣнію, если уже имѣть надъ собою деспота, то имѣть Наполеона. Какъ онъ возвысилъ Францію! Сколько создалъ новыхъ фортунъ! Онъ отличалъ не знатность, а дарованія» и проч. Понявъ, куда все это клонится, я сказалъ: «Сохрани насъ Богъ отъ Наполеона! Да впрочемъ, этого и опасаться нечего. Въ наше время даже и честолюбецъ, если только онъ благоразуменъ, пожелаетъ лучше быть Вашингтономъ, нежели Наполеономъ».—«Разумѣется! отвѣчалъ Пестель, я только хотѣлъ сказать, что не должно опасаться честолюбивыхъ замысловъ, что если бы кто и воспользовался нашимъ переворотомъ, то ему должно быть вторымъ Наполеономъ, а въ такомъ случаѣ мы все-таки не останемся въ проигрышѣ». Послѣ сего онъ спросилъ меня: «Скажите, какое вы предпочитаете правленіе для Россіи въ теперешнее время?»—Я отвѣчалъ, что мнѣ удобнѣйшимъ для Россіи кажется областное правленіе Сѣв.-Амер. республики при императорѣ, котораго власть не должна много превосходить власти президента Штатовъ. Пестель задумался и сказалъ: «Это счастливая мысль, объ этомъ надо хорошенько подумать».

Причемъ я прибавилъ, что я хотя и убѣжденъ въ совершенствѣ предлагаемаго мною образа правленія, но покорюсь большинству голосовъ членовъ общества, съ тѣмъ однако же, чтобы и тотъ уставъ, который будетъ принятъ обоими обществами, былъ представленъ великому народному собору, какъ проектъ, и чтобы его отнюдь не вводить насильно. Пестель возражалъ на это, что ему напротивъ кажется и справедливымъ и необходимымъ поддержать одобренный обществомъ уставъ всѣми возможными мѣрами, а иначе значило бы остановиться на половинѣ дороги, что по крайней мѣрѣ надобно стараться, дабы какъ можно болѣе попало въ число народныхъ представителей членовъ общества. «Это совсѣмъ другое дѣло, сказалъ я; безразсудно бы было о томъ не хлопотать, ибо этимъ нѣкоторымъ образомъ сохранится законность и свобода принятія государственнаго устава». Послѣ этого говорили о раздѣленіи земель. Пестель полагалъ, что всѣ вообще земли, какъ помѣщичьи, такъ экономическія и удѣльныя, должно раздѣлить

въ каждомъ селѣ, деревнѣ на двѣ половины. Изъ коихъ одну половину раздѣлить поровну крестьянамъ (съ правомъ дара и продажи) въ вѣчное и потомственное владѣніе. Другую же половину земель помѣщичьихъ оставить помѣщикамъ. Удѣльныхъ же и экономическихъ крестьянъ навсегда приписать къ деревнямъ и селамъ ихъ, съ тѣмъ, чтобы участками изъ оныхъ каждогодно надѣлять крестьянъ, смотря по требованію каждаго, начиная съ тѣхъ, кто требуетъ менѣе. Симъ послѣднимъ средствомъ предполагалъ онъ уничтожить въ Россіи нищихъ. Послѣ сего я распростился съ нимъ и болѣе уже мы не видѣлись.

Во время совѣщанія, бывшаго у меня о соединеніи обществъ, Трубецкой говорилъ также, что Пестель требуетъ настоятельно, дабы введеніе новаго порядка вещей произвесть чрезъ временное правленіе и чтобы въ оное назначить директоровъ общества. Это и прежній разговоръ мой съ Пестелемъ заставили меня объявить свое на него подозрѣніе. Причемъ сказалъ я, что Пестель человѣкъ опасный для Россіи и для видовъ общества, и что поэтому даже соединеніе обществъ необходимо, дабы не выпускать его изъ виду и знать всѣ его движенія. Съ этимъ также были согласны всѣ. Не смотря на то, соединеніе обществъ не послѣдовало, потому что члены Думы стали подозрѣвать Пестеля въ честолюбивыхъ замыслахъ, а также почиталось необходимымъ до соединенія освѣдомиться обстоятельнѣе о силахъ и настоящей цѣли Южнаго общества. Такъ по крайней мѣрѣ мнѣ было сказано прежде Оболенскимъ, когда я упрекалъ его въ неисполненіи порученности общества, а потомъ и Трубецкимъ.

Въ одномъ изъ собраній общества и, кажется, именно въ томъ, въ которомъ было разсуждаемо о созваніи Великаго Собора, мною сдѣланъ былъ вопросъ: «А что дѣлать съ императоромъ, если онъ откажется утвердить уставъ представителей народныхъ?» Пущинъ сказалъ: «это въ самомъ дѣлѣ задача!»—Тутъ я воспользовался мнѣніемъ Пестеля и сказалъ: «не вывезти ли за границу?» Трубецкой подумавъ отвѣчалъ: «Болѣе нечего дѣлать», и всѣ бывшіе тогда у меня: Митьковъ, Никита Муравьевъ, Матвѣй Муравьевъ, Оболенскій и Н Тургеневъ согласились на сіе. Впослѣдствіи отъ членовъ Думы возложено было на меня порученіе стараться приготовить для исполненія упомянутой мысли нѣсколько морскихъ надежныхъ офицеровъ. Вотъ все, что на совѣщаніи общества было предложено мною противу царствующей фамиліи (Дѣло № 334).

6. Показанія М. И. Муравьева-Апостола*).

О совѣщаніяхъ съ Пестелемъ въ Петербургѣ въ 1824 году.

— Словомъ сказать, до пріѣзда П. Пестеля въ Петербургъ ничего не было замѣчательнаго въ дѣйствіяхъ Сѣвернаго общества.

Въ началѣ 1824 года полковникъ Швейковскій былъ посланъ въ Сѣверную управу, я черезъ него получилъ письмо отъ брата

*) О немъ см. введеніе.

моего Сергѣя, въ которомъ онъ мнѣ писалъ познакомить Швейковскаго съ директоромъ сѣверной управы. Я съ нимъ былъ у князя Трубецкого. Швейковскій требовалъ отъ князя Трубецкого рѣшительный отвѣтъ, хочетъ ли Сѣверная управа соединиться съ Южнымъ обществомъ или нѣтъ. Князь Трубецкой не далъ рѣшительнаго отвѣта, и они разошлись довольно холодно.

Я также былъ съ нимъ у Н. Муравьева, но Н. Муравьевъ отдалялъ разговоръ о дѣлахъ общества. Онъ сказалъ Швейковскому, что, по словамъ князя Волконскаго и В. Давыдова, онъ ждетъ Пестеля.—Князь же Оболенскій самъ пріѣхалъ къ Швейковскому.

Когда я возвратился съ Швейковскимъ къ нему на квартиру, онъ мнѣ сказалъ: «je vous admire d'avoir la patience d'agir et d'être avec ces gens»,—и вашъ братъ мнѣ говорилъ, что я буду имѣть удовольствіе съ ними познакомиться. Наши поѣздки сдѣлали очень дурное впечатлѣніе на Швейковскаго.

П. Пестель пріѣхалъ въ Петербургъ и, не приступая къ Сѣверному обществу, онъ принялъ Швейковскаго на квартирѣ его, въ Демутовомъ трактирѣ, въ бояры, то есть онъ открылъ ему весь ходъ Южнаго общества. Швейковскій очень обрадовался, слыша все, что ему разсказалъ Пестель.

Когда Пестель пріѣхалъ въ Петербургъ и когда я ему разсказалъ все, что происходило въ Сѣверной управѣ, онъ рѣшился сначала видѣть членовъ оной по одиночкѣ, а не всѣхъ вмѣстѣ, дабы ихъ отклонить другъ отъ друга. Я привезъ къ нему князя Оболенскаго. Онъ ему открылъ всѣ намѣренія Южнаго общества. Князь Оболенскій обѣщалъ ему склонить всѣхъ членовъ Сѣверной управы на принятіе всѣхъ предложеній, сдѣланныхъ Пестелемъ, и соединить Сѣверное и Южное общество. Пестель желалъ, чтобы Сѣверное общество имѣло только одного директора, который былъ бы также членъ Южной директоріи. Пестель послѣ видѣлся раза два или три съ кн. Трубецкимъ, съ Н. Муравьевымъ. Но онъ ихъ никакъ не могъ склонить принять предложенія, имъ дѣланныя.— Онъ рѣшился собрать всѣхъ директоровъ и имѣть окончательное совѣщаніе съ ними. Они и были собраны на квартирѣ князя Оболенскаго; кромѣ ихъ находились тутъ же Пестель, М. Нарышкинъ и я. Н. Муравьевъ не сжегъ свою конституцію. Пестель, видя, что никто изъ членовъ Сѣвернаго общества не склоняется на его предложеніе насчетъ введенія новаго порядка посредствомъ временнаго правленія и насчетъ соединенія обѣихъ обществъ, ударилъ по столу и сказалъ: «Такъ будетъ же республика». Но всѣ члены Сѣверной управы не согласились, даже кн. Оболенскій присталъ тутъ къ мнѣнію князя Трубецкого и Н. Муравьева. Пестель сказалъ тутъ же: «Такъ Сѣверное и Южное общество отдѣльно, всѣ свѣдѣнія, которыя вы будете желать имѣть отъ Южнаго щества, оно вамъ ихъ доставитъ; надѣюсь, что вы съ вашей стороны то же сдѣлаете. Вотъ Матвѣй Муравьевъ здѣсь остается и вы можете къ нему адресоваться, въ чемъ вамъ нужно будетъ отъ Южнаго общества». Онъ тутъ же уѣхалъ и не видѣлся болѣе съ директорами Сѣвернаго общества, объ которыхъ онъ очень дурно относился.

Изъ членовъ Сѣвернаго общества я ни съ кѣмъ не говорилъ объ истребленіи всей царской фамиліи. Еще въ деревнѣ братъ мой Сергѣй мнѣ сказалъ, что онъ никакъ не согласенъ на это предложеніе Пестеля и что, посягнувши на жизнь покойнаго Государя и начавши дѣйствія успѣшно, достаточно будетъ прочихъ членовъ Царской фамиліи выслать изъ Россіи. Н. Муравьевъ насчетъ тѣхъ, которые выѣзжать изъ Россіи не хотятъ, предлагалъ слѣдовать примѣру Франціи, которая незаконнымъ образомъ овладѣла имуществомъ эмигрантовъ; на что я и былъ согласенъ съ нимъ, съ тѣмъ чтобы имѣнія такихъ лицъ превратить въ наличныя деньги. Правительство будетъ хранить до возвращенія спокойствія и возвратитъ сіи суммы тѣмъ, которымъ они принадлежали.

Прежде нежели директора были собраны у Оболенскаго.— Пестель видѣлся съ Н. Тургеневымъ. Тутъ находились Оболенскій, Н. Муравьевъ и я. Но Н. Тургеневъ не согласился на принятіе плана конституціи Пестеля;—онъ никакъ не хотѣлъ допустить раздѣленія земли, говоря, что не мѣшая промышленности, земли неприметнымъ образомъ сами собою раздѣлятся.—Мнѣніе Н. Тургенева очень подѣйствовало на всѣхъ членовъ Сѣверной управы. Пестель съ нимъ также болѣе не видѣлся.

Послѣ всего того, что я сказалъ, Пестель мнѣ сказалъ, что съ содѣйствіемъ Ѳ. Вадковскаго мнѣ должно здѣсь составить отдѣльное общество такъ, чтобы Сѣверное сего не знало, чтобы не прервать всѣ сношенія съ онымъ. Вадковскій познакомилъ Пестеля и меня съ Свистуновымъ, Пестель его принялъ въ члены Южнаго общества, и для того, чтобы они могли совершенно быть свободны въ своихъ дѣйствіяхъ, онъ ихъ обоихъ на квартирѣ Ѳ. Вадковскаго сдѣлалъ боярами Южнаго общества, то есть имъ все открылъ. У Свистунова на квартирѣ Пестель принялъ въ члены общества Анненкова, Поливанова, Кривцова, Депрерадовича, которые были приняты въ братья, то есть они знали, что нужно перемѣнить настоящій порядокъ вещей посредствомъ вооруженія и нѣкоторое понятіе онъ имъ далъ о его планѣ конституціи и все, что клонилось къ склоненію ихъ къ республиканскимъ мыслямъ. Послѣ сего Пестель выѣхалъ изъ Петербурга (Дѣло № 397).

7. Показанія Н. И. Лорера *).

Разговоръ о Пестелѣ съ М. И. Муравьевымъ-Апостоломъ.

— Въ 1824 году, въ послѣднихъ числахъ октября, ѣздилъ я въ отпускъ. Полковникъ Пестель при семъ просилъ меня (такъ какъ я ѣхалъ въ Малороссію, въ Полтавскую губернію), чтобы я

*) Николай Ивановичъ Лореръ служилъ сначала, съ 1813 г., въ лейбъ-гвардіи Литовскомъ полку, произведенъ въ маіоры въ 1822 г., перешелъ въ 1824 году, по недостатку средствъ, въ армію въ Вятскій пѣхотный полкъ (приказъ 26 марта 1824 г.). Онъ былъ рекомендованъ командиру этого полка, Пестелю, княземъ Оболенскимъ. Осужденъ по 4-му разряду, въ каторжныя работы на 15 лѣтъ. Въ 1833 году переведенъ въ Курганъ, въ 1837 году—на Кавказъ рядовымъ, умеръ въ Полтавѣ въ маѣ 1873 года. Записки его напечатаны частью въ „Русскомъ Архивѣ“, 1874 г., I, II, частью въ „Русскомъ Богатствѣ“, 1904 г., № 3, 7.

постарался увидѣться съ отставнымъ подполковникомъ Муравьевымъ, который долженъ недавно возвратиться изъ Петербурга, что Пестель его къ себѣ ожидаетъ, или, если Муравьеву нельзя самому пріѣхать, то бы мнѣ сообщилъ, не имѣетъ ли какое извѣстіе для южнаго тайнаго общества отъ тайнаго общества въ Петербургѣ. Я его засталъ въ деревнѣ отца его, и нашъ разговоръ насчетъ тайнаго общества былъ слѣдующій:

Я ему сказалъ, что полковникъ Пестель желаетъ узнать, не имѣете ли что-нибудь сказать отъ членовъ тайнаго общества въ Петербургѣ и не поручили ли вамъ какія-нибудь свѣдѣнія для южнаго общества? Для чего я и заѣхалъ.—Насчетъ чего онъ мнѣ отвѣчалъ, что онъ рѣшительно болѣе не хочетъ принадлежать къ тайному обществу, что все, что общеѳтво ни дѣлаетъ, все сіе служитъ ни къ чему иному, какъ къ несчастію нашему; что въ Петербургѣ, напротивъ, всѣ покойны и очень довольны правительствомъ. Что члены общества, которые были дѣятельны, совершенно отстаютъ (и при семъ назвалъ мнѣ полковника Шипова, что нынѣ генералъ-маіоромъ, и полковника Митькова, который уѣхалъ въ то время въ чужіе края). Что я Пестеля еще хорошо не знаю, ибо этотъ человѣкъ самый вредный и самолюбивый, который насъ всѣхъ обманываетъ только для своего тщеславія; при семъ совѣтовалъ Муравьевъ мнѣ перейтить въ другой полкъ.—Насчетъ всего сего я ему сказалъ, что полковникъ Пестель мнѣ хвалился, что его Русская Правда была принята обществомъ въ Петербургѣ, что послѣ долгаго пренія оная была принята, а что Никита Муравьевъ свою уничтожилъ.—На что онъ мнѣ отвѣчалъ, что это неправда, что Н. Муравьевъ и кн. Трубецкой не согласились и вовсе не приняли, а что это обманъ, что южное общество совершенно отходитъ отъ общихъ правилъ постановленія, что Пестель разсказываетъ, кого онъ пріобрѣтаетъ въ члены и что самолюбіе его такъ велико, что онъ себѣ вообразилъ, что онъ Вашингтонъ или Законодатель. И кто согласится на республиканское правленіе? кто отважится на жизнь Государя и царствующей фамиліи тогда, когда Государемъ всѣ довольны, любятъ и рады его видѣть? Что онъ, Муравьевъ, прежде своего отъѣзда изъ Петербурга, ѣздилъ съ кн. Оболенскимъ въ лагерь при Красномъ Селѣ, гдѣ гвардейскій корпусъ былъ расположенъ, и что онъ самъ былъ очевидецъ, что всѣ совершенно, какъ офицеры, такъ и солдаты, были довольны, при семъ просилъ меня сказать членамъ общества, а особливо Пестелю, Давыдову, чтобы они были осторожны, что въ Кіевѣ живетъ генералъ Эртель нарочито, чтобы узнавать о существующемъ тайномъ обществѣ, кое уже подозрѣваемо правительствомъ.

Такъ какъ я тогда былъ новый человѣкъ, пріѣхавъ только что въ полкъ, и не зналъ никого изъ числа членовъ, то и спросилъ Муравьева насчетъ членовъ и въ томъ числѣ и объ Юшневскомъ, и объявилъ при семъ ему, что Пестель мнѣ сказалъ, что Юшневскій недавно былъ недоволенъ молодыми офицерами, «что они только въ комнатахъ разсуждаютъ, а не дѣло дѣлаютъ, а надобно меньше говорить, а дѣло дѣлать и дѣйствовать».

Такъ какъ я тогда ни полковника Пестеля хорошо не зналъ, ни одного изъ членовъ, то на всѣ вопросы о нихъ Муравьевъ всѣхъ ихъ мнѣ осуждалъ, что Пестель хитръ, скрытенъ и до чрезвычайности самолюбивъ, ибо онъ его давно и хорошо знаетъ. Сей разговоръ меня удивилъ, найдя такое несогласіе между членами. Наконецъ, Муравьевъ просилъ меня, чтобы я объявилъ полковнику Пестелю, что онъ болѣе быть не можетъ членомъ общества, и чтобы не считали болѣе его въ сословіи онаго.

Пріѣхавъ изъ отпуска своего, я объявилъ о семъ полковнику Пестелю, который не мало удивился сему, ибо М. Муравьевъ былъ на счету дѣятельнѣйшихъ членовъ и первый былъ, чтобы петербургское общество приняло мнѣніе Пестеля и Русскую Правду. Спустя нѣсколько времени послѣ сего, пріѣхалъ къ Пестелю Бестужевъ-Рюминъ и привезъ письмо отъ М. Муравьева, въ которомъ онъ увѣряетъ въ дружбѣ его и опровергаетъ все то, что онъ мнѣ говорилъ, что онъ тотъ самый ревностный членъ общества, которымъ и былъ; что онъ готовъ все, что только въ силахъ его будетъ, дѣйствовать и спомоществовать обществу, что онъ видѣлся съ кн. Трубецкимъ въ Кіевѣ и вмѣстѣ будутъ дѣйствовать для пользы общей. Письмо я самъ видѣлъ, которое мнѣ было Пестелемъ показано.

Вотъ все, что я только могъ припомнить насчетъ всего нашего разговора съ отставнымъ подполковникомъ Муравьевымъ. То и написалъ (Дѣло № 410).

8. Показанія рядового С. Ф. Савенки (иначе Савченко), служившаго денщикомъ у П. Пестеля*).

1825 года декабря 15 дня казенный денщикъ полковника Пестеля Степанъ Федоровъ сынъ Савченко по Высочайшему повелѣнію спрашиванъ и показалъ.

Въ службѣ онъ состоитъ съ 1813 года въ Вятскомъ пѣхотномъ полку, служилъ въ 3-й гренадерской ротѣ, изъ коей взятъ въ денщики къ нему, Пестелю, въ 1822 году.

Будучи въ семъ званіи, прежде употребляемъ былъ для прислуги въ домѣ, потомъ болѣе уже года служитъ за камердинера и всегда находился съ нимъ, Пестелемъ, какъ въ домѣ, такъ и въ поѣздкахъ. Въ генварѣ мѣсяцѣ сего года по пріѣздѣ въ Линцы къ полковнику Пестелю отставного полковника Василія Давыдова съ какимъ то офицеромъ Лихеромъ, равно и адъютанта г. главнокомандующаго 2 арміею, лейбъ-гвардіи гусарскаго полка штабсъ-ротмистра князя Барятинскаго, ѣздили въ Кіевъ и останавливались въ домѣ г. Давыдова, гдѣ пробылъ полковникъ Пестель съ 6-го генваря двадцать четыре дня.—Въ теченіи нахожденія его

*) Степанъ Федоровичъ Савенко въ нѣкоторыхъ бумагахъ дѣла называется также „Савченко". Послѣ допроса его въ Петербургѣ, Николай I приказалъ: „Бывшаго денщика полковника Пестеля, Савенку, отправить по надлежащему для перевода и отсылки въ одинъ изъ полковъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса". Распоряженіе по этой резолюціи сдѣлано Слѣдственнымъ Комитетомъ 17 февраля 1826 г. (Дѣло № 150.)

тамъ, г. Пестель всегда бывалъ въ домѣ, гдѣ квартировалъ генералъ-маіоръ князь Волконскій, и находился съ нимъ, Волконскимъ, по случаю женитьбы его на дочери генерала Раевскаго.—Въ бытность г. Пестеля въ Кіевѣ, онъ всегда бывалъ въ компаніи съ г. Давыдовымъ, равно братомъ его генералъ-маіоромъ Давыдовымъ и княземъ Волконскимъ.—Потомъ г. Пестель возвратился съ княземъ Барятинскимъ въ Линцы или послѣдній отъѣхалъ въ м. Тульчинъ тогда же.

Полковникъ Пестель, будучи въ квартирѣ своей, всегда занимался чтеніемъ книгъ и писалъ, но что, онъ, Савченко, не знаетъ. Часто случалось, что, находясь одинъ, вынималъ изъ шкафовъ бумаги, разбиралъ оныя и самъ жегъ одни, а нѣкоторыя давалъ и ему, Савченкѣ, для сожженія, что онъ сейчасъ дѣлалъ.—Сіе происходило въ нынѣшнемъ году до выхода въ лагери, и послѣ онаго. Сверхъ того полковникъ Пестель часто писалъ какія-то бумаги, а потомъ самъ разрывалъ оныя и бросалъ, а иногда жегъ на свѣчѣ или кидалъ въ печку. Также иногда изъ приносимыхъ къ нему изъ канцеляріи бумагъ, нѣкоторыя отдавалъ полковому адъютанту, а другія разрывалъ на нѣсколько клочковъ.

По выходѣ изъ лагеря полковникъ Пестель посылалъ его, Савченко, въ Тульчинъ съ письмомъ на имя генералъ-интенданта Юшневскаго, и говорилъ ему, Савченкѣ, по секрету взять отъ него денегъ, но по прибытіи въ Тульчинъ адъютантъ князь Барятинскій отправилъ его обратно къ Пестелю съ запискою, что г. Юшневскаго не было въ Тульчинѣ.

У полковника Пестеля часто обѣдали многіе пріѣзжіе изъ ротъ офицеры, и послѣ отправлялись обратно къ своимъ мѣстамъ; но маіоръ Лореръ почти годъ уже находился здѣсь и всегда почти бываетъ у него, Пестеля, разговоры между ними происходили болѣе по-французски, а потому неизвѣстно ему, Савченкѣ, въ чемъ оные заключались.

Полковникъ Пестель часто ходилъ къ живущему въ Линцахъ доктору Плеселю*), а сей бывалъ всякій день у г. Пестеля, и давалъ ему въ случаѣ болѣзни лѣкарства; сей докторъ имѣлъ разговоръ съ г. Пестелемъ всегда по-французски; но писемъ отъ одного къ другому никогда не носилъ и не замѣтилъ, чтобы кто другой доставлялъ таковые.

Прошлаго ноября 28 числа полковникъ Пестель ѣздилъ съ нимъ, Савченкомъ, въ Умань, къ князю Волконскому, гдѣ застали генерала Раевскаго, который, побывши двое сутокъ, уѣхалъ оттоль, а полковникъ Пестель возвратился въ Линцы; по прибытіи въ домъ, полковникъ Пестель спрашивалъ его, Савченка, не слы-

*) Докторъ медицины Плесль или Плесель жилъ въ мѣст. Линцахъ, занимаясь врачебною практикой. Онъ былъ арестованъ, и по дорогѣ изъ Линецъ въ Кіевъ 3 февраля 1826 г. умеръ на Ветянской почтовой станціи. Вскрытіе не выяснило какихъ-либо насильственныхъ причинъ его смерти. Слѣдственная комиссія не безъ основанія причисляла его къ злоумышленникамъ. При арестѣ, по словамъ рапорта, „Плесель до того напугался, что весь затрясся". На одной станціи онъ сказалъ знакомому приказчику содержателя станціи: „Прощай, можетъ быть, не увидимся" и при этомъ заплакалъ (дѣло № 161).

халъ ли онъ отъ людей князя Волконскаго, «что государь померъ», и когда Савченко отвѣчалъ «не слышалъ», тогда г. Пестель объявилъ о смерти Государя, присовокупивъ къ тому, что всѣ люди генералъ-маіора Кладищева знаютъ уже о томъ. Послѣ былъ самъ у г. Кладищева и, возвратившись отъ него, тоже говорилъ о смерти Государя; а того же дня ввечеру сдѣлался боленъ и пользовался отъ доктора Плеселя.

Вскорѣ послѣ того, черезъ три или четыре дня, пріѣхалъ адъютантъ Долинскій съ объявленіемъ о приводѣ къ присягѣ полка на вѣрность Государю Императору Константину Павловичу; для чего на другой день всѣ штабные чины учинили присягу, а на третій день по прибытіи полка всѣ офицеры и нижніе чины, равно полковникъ Пестель, присягали въ манежѣ, гдѣ находился и генералъ-маіоръ Кладищевъ.

По окончаніи присяги многіе офицеры, равно генералъ-маіоръ Кладищевъ, маіоръ Гриневскій, маіоръ Лореръ были въ квартирѣ полковника Пестеля на обѣдѣ, причемъ слышалъ онъ, Савченко, разговоры ихъ, что всѣ они сожалѣютъ о смерти Государя, а Пестель говорилъ, что онъ, услышавши о томъ, едва ли могъ дышать отъ скорби; послѣ же обѣда всѣ разошлись, а Пестель остался одинъ, и ввечеру ѣздилъ къ г. Кладищеву, гдѣ былъ во весь вечеръ.

9-го числа сего мѣсяца прибыли къ полковнику Пестелю Казанскаго полка командиръ полковникъ Аврамовъ, полковникъ Муратовъ и Пермскаго полка полковникъ Леманъ, и ввечеру того же числа всѣ находились у генералъ-маіора Кладищева на вечеринкѣ, по случаю имянинъ супруги г. Кладищева; оттоль разошлись ночью часу въ первомъ; на другой день какъ тѣ гг. Аврамовъ, Муратовъ, Леманъ, равно полковникъ Мартыновъ, генералъ-маіоръ Кладищевъ, маіоръ Лореръ и другіе оберъ-офицеры обѣдали у г. Пестеля и потомъ всѣ разъѣхались, а г. Леманъ былъ еще одни сутки и тогда уже отправился въ свой полкъ. Во время обѣда всѣ пили за здоровье Государя Императора Константина Павловича и въ то же время сожалѣли о смерти покойнаго Государя, но никакихъ разговоровъ болѣе онъ, Савченко, не слыхалъ.

Полковникъ Пестель посылалъ въ Москву капитана Майбороду за пріемомъ тамъ аммуниціи, которой доставилъ сукно и другія вещи въ лагерное время. Изъ сихъ вещей мундиры уже построены, но полотно не роздано на нынѣшній годъ и хранится въ полковомъ цейхаузѣ. Между тѣмъ, прежній казначей, штабсъ-капитанъ Бабаковъ, и настоящій, подпоручикъ Ярославки, ѣздили и купили около Стараго Константинова полотна большое количество, которое привезено назадъ тому дней десять сюда, положено въ полковомъ цейхаузѣ вмѣстѣ съ доставленнымъ изъ Москвы. Полотно сіе полковникъ Пестель назначалъ отдать солдатамъ нынѣшній годъ, но еще осталось не розданнымъ.

По пріѣздѣ изъ главной квартиры 12-го числа ночью жандарма къ генералъ-маіору Кладищеву, полковникъ Пестель позванъ былъ къ нему, Кладищеву, а оттоль, пришедши въ 4 часу, тотчасъ уложивъ вещи въ коляску, отправились вмѣстѣ съ генералъ-маіо-

ромъ Кладищевымъ въ Тульчинъ. Бумагъ никакихъ Пестель съ собою не бралъ, но всѣ остались заперты въ столѣ и шкатулкѣ.

Дорогою г. Пестель говорилъ ему, Савченкѣ, «что онъ не знаетъ, зачѣмъ его, Пестеля, генерала Кладищева и полковника Аврамова требуютъ въ Тульчинъ», причемъ Савченко замѣтилъ въ немъ перемѣну въ лицѣ и нѣкоторое уныніе.

Изъ допроса, снятаго Слѣдственнымъ Комитетомъ въ Петербургѣ.

Къ полковнику Пестелю въ м. Линцы чаще пріѣзжали Василій Давыдовъ, князь Барятинскій, Крюковъ 2-й, полковникъ Леманъ, а изрѣдка князь Сергѣй Волконскій, два брата Поджіо, полковникъ Аврамовъ, полковн. Муратовъ, капитанъ Фохтъ и свитскій офицеръ Заикинъ. Главное занятіе ихъ было въ чтеніи французскихъ книгъ и въ разговорахъ, но о чемъ, онъ не знаетъ.

Самъ Пестель ѣздилъ часто въ Тульчинъ, раза три въ Бердичевъ и одинъ разъ въ годъ въ Кіевъ на контракты. Въ первомъ мѣстѣ онъ видѣлся съ чинами штаба, въ Бердичевѣ съ полковн. Гнирскимъ и съ евреемъ Давыдкою; въ Кіевѣ же Пестель въ послѣдній разъ жилъ у Давыдова, къ которому ѣздили многіе, ему, Савенкѣ, неизвѣстные, и замѣтилъ онъ только одного генерала Орлова, и генерала же Раевскаго и офицера Лихарева. Сверхъ того нерѣдко бывалъ офицеръ Бестужевъ-Рюминъ, съ которымъ говорили много, но по-французски (Дѣло № 154).

V. Записка о силѣ вины Пестеля, составленная разрядной комиссіей Верховнаго Уголовнаго Суда.

Вятскаго пѣхотнаго полка полковникъ Пестель.

Обстоятельства, принадлежащія къ силѣ вины, суть:

1. Участіе въ учрежденіи начальнаго тайнаго общества.

Онъ былъ въ числѣ основателей первоначальнаго тайнаго общества, подъ названіемъ Союза Спасенія или Союза истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества, и писалъ уставъ для онаго.

Въ образованномъ потомъ Союзѣ Благоденствія оставался кореннымъ членомъ, завелъ въ Тульчинѣ управу, и въ собраніи коренной Думы (въ Петербургѣ) излагалъ мнѣніе о выгодахъ и невыгодахъ монархическаго и республиканскаго правленія. По его увѣренію, всѣ присутствовавшіе единогласно избрали правленіе республиканское. Мысль о семъ родѣ правленія Пестель перенесъ на югъ и сообщилъ тульчинскимъ членамъ, въ видѣ рѣшенія коренной Думы, имѣвшей законодательную власть союза.

2. Учрежденіе общества.

Когда объявлено было уничтоженіе Союза Благоденствія (1821), онъ рѣшился продолжать оный съ нѣкоторыми перемѣнами. По его предложенію тульчинскіе члены согласились остаться въ семъ обществѣ, и приняли республиканскую цѣль его, съ упраздненіемъ престола и съ изведеніемъ тѣхъ лицъ, кои были бы тому препятствіемъ. Въ это время Пестель сдѣлался начальникомъ или предсѣдателемъ Тульчинской думы, съ полною надъ членами властію.

Онъ написалъ уставъ для республиканскаго правленія, подъ именемъ Русской Правды, объяснялъ оный въ собраніяхъ членовъ, и согласилъ принять его. Въ 1822 году въ Кіевѣ избранъ первымъ директоромъ южнаго общества.

На совѣщаніяхъ, происходившихъ (въ 1823 году) въ Кіевѣ и Каменкѣ, предлагалъ южнымъ членамъ и сочленамъ ихъ введеніе въ государствѣ республиканскаго правленія посредствомъ военной революціи и учрежденіе временнаго правленія. Тамъ же были одобрены и два революціонные способа къ достиженію цѣли: одинъ, чтобы начать переворотъ въ столицѣ съ содѣйствіемъ арміи, а другой, чтобы начать таковой въ арміи, съ помощію сѣвернаго общества.

3. Привлеченіе товарищей.

Въ Союзъ Благоденствія Пестель пригласилъ между прочими Краснокутскаго; а преобразовавъ общество въ Тульчинѣ, привлекъ къ оному Никиту Муравьева, въ званіи третьяго начальника думы, князя Волконскаго, Давыдова, Сергѣя Муравьева-Апостола, Вадковскаго, Свистунова, Депрерадовича, Лорера и Лемана.

4. Привлеченіе рядовыхъ.

Поручилъ двумъ ротнымъ командирамъ привлекать къ себѣ лучшихъ нижнихъ чиновъ и стараться направить ихъ къ цѣли общества.

Зналъ и одобрялъ дѣйствія С. Муравьева и Бестужева на привлеченіе бывшихъ Семеновскихъ солдатъ и полагалъ на нихъ надежду.

5. Рѣчи и сочиненія, какъ средства къ привлеченію.

Силою слова вливалъ въ своихъ сообщниковъ духъ преобразованія до такой степени, что никто изъ нихъ не могъ ему противорѣчить; а многихъ изъ нихъ, читая отрывки изъ Русской Правды, еще болѣе прилѣплялъ къ своимъ мнѣніямъ.

6. Сочиненія возмутительныя.

При началѣ революціи предполагалъ выпустить двѣ прокламаціи: одну къ народу, а другую къ войскамъ.

Зналъ о политическомъ катехизисѣ Никиты Муравьева.

Поручилъ Лихареву написать замѣчанія о военныхъ поселеніяхъ, а Заикину съ Бобрищевымъ-Пушкинымъ мнѣніе о квартирмейстерской части.

7. Возбужденіе къ мятежу, словесное и письменное.

Раздѣлялъ рѣшительное намѣреніе общества о начатіи мятежныхъ дѣйствій въ 1826 году и увѣрялъ сѣверное общество чрезъ Трубецкого, что самъ откроетъ таковыя въ арміи.

Условился съ Сергѣемъ Муравьевымъ и Бестужевымъ начать возмущеніе и ранѣе 1826 года, если обстоятельства сего потребуютъ.

Умышлялъ арестовать главную квартиру 2-й арміи 1-го января 1826 года, при вступленіи въ караулъ съ полкомъ своимъ, и поручилъ свитскимъ офицерамъ при началѣ дѣйствій задержать главнокомандующаго и начальника штаба, а командиру артиллерійской роты быть готовымъ къ движенію.

Намѣревался, при совершеніи переворота, принудить синодъ и сенатъ: а) объявить временное правленіе, составленное изъ членовъ общества и облеченное неограниченною властью, в) дать оному всеобщую присягу, с) обнародовать два манифеста отъ синода и сената, что временное правленіе займется постепеннымъ введеніемъ конституціи, главныя основанія коей должны быть приложеніемъ къ манифестамъ (Русская Правда); всѣ же мѣста по временному правленію, министерствамъ и арміи занять членами общества.

Съ 1823 года вошелъ въ сношенія съ сѣвернымъ обществомъ, чрезъ бывшихъ въ Петербургѣ южныхъ членовъ, и самъ лично старался водворить тамъ преступныя свои намѣренія, соединить оба общества и направить ихъ къ начатію мятежныхъ дѣйствій, и замышлялъ учредить въ Петербургѣ особое общество.

8. Оружіе.

Зналъ объ умыслахъ Сергѣя Муравьева съ товарищами: а) 1823 года въ лагерѣ при Бобруйскѣ—овладѣть особами покойнаго государя и нынѣ царствующаго императора и барономъ Дибичемъ и в) 1825 года въ лагерѣ при Лещинѣ — арестовать генераловъ Рота и Толя; въ обоихъ же случаяхъ—возмутить войска и идти въ Москву.

9. Предательство государства.

Съ 1823 года (чрезъ Бестужева и Муравьева) открылъ сношенія съ польскимъ тайнымъ обществомъ, а въ 1825 г. и самъ производилъ переговоры съ присланными изъ Варшавы княземъ Яблоновскимъ и Гродецкимъ, обѣщалъ Польшѣ независимость и уступку завоеванныхъ областей, требуя отъ нея содѣйствія въ революціи, одинаковаго образа правленія и поступленія съ Цесаревичемъ такъ, какъ русское злоумышленное общество поступитъ съ прочими великими князьями. А между тѣмъ чрезъ Бестужева же требовалъ отъ поляковъ истребленія его высочества Цесаревича.

10. Умыслъ на цареубійство.

На совѣщаніяхъ (1823 г.) въ Кіевѣ и Каменкѣ предлагалъ членамъ и доказывалъ необходимость истребленія государя и всѣхъ священныхъ особъ Императорской фамиліи, разсуждалъ о средствѣ исполненія сего ужаснаго злодѣянія, чрезъ партію рѣшительныхъ людей подъ названіемъ (cohorte perdue), а послѣ (1824) съ хладнокровіемъ считалъ по пальцамъ самыя жертвы императорской фамиліи.

Для сего же преступнѣйшаго предпріятія онъ намѣревался составить особенную партію заговорщиковъ внѣ общества, такъ чтобы дѣйствіе ея не могло служить для онаго укоризною. По собственному признанію его, истребленіе императорской фамиліи полагалось началомъ революціи.

Одобрялъ и готовился содѣйствовать заговору о покушеніи на жизнь Государя въ лагерѣ при Бѣлой Церкви (1824), поручивъ свитскимъ офицерамъ запастись армейскими мундирами, и снабдивъ одного изъ нихъ духовымъ ружьемъ.

Зналъ о намѣреніяхъ, или планахъ заговорщиковъ посягнуть на жизнь покойнаго государя:

а) въ 1816-мъ году на Царскосельской дорогѣ съ партіею въ маскахъ;

в) въ 1817-мъ году въ Москвѣ, когда вызвался Якушкинъ;

с) въ 1824-мъ году въ Петербургѣ, когда замышлялъ о цареубійствѣ Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ

и д) въ 1825-мъ году въ лагерѣ при Лещинѣ, откуда полагали отправить цареубійцъ въ Таганрогъ и гдѣ вызывался на сіе Артамонъ Муравьевъ.

Сверхъ того (въ 1820 г.) былъ въ частномъ собраніи членовъ, гдѣ въ первый разъ говорено было о цареубійствѣ, и гдѣ Пестель доказывалъ, что безначаліе и безпорядокъ, отъ сего произойти долженствующіе, легко можно отвратить учрежденіемъ временнаго правительства.

11. Вызовъ на цареубійство.

Подполковникъ Поджіо утверждалъ слышанное отъ Пестеля, что сей послѣдній поручалъ князю Барятинскому набрать 12 человѣкъ отважнѣйшихъ (для истребленія); но ни Пестель, ни Барятинскій не признались и не уличены.

12. Убѣжденіе или нарядъ на цареубійство.

Равномѣрно Никита Муравьевъ показывалъ, что Пестель намѣревался, по совершеніи умышленнаго истребленія Императорской фамиліи, самыхъ заговорщиковъ, оное исполнившихъ, предать мщенію правосудія, какъ убійцъ; но Пестель отрекся и не уличенъ.

13. Дѣйствительное совершеніе убійствъ.

Въ дѣйствительныхъ убійствахъ не участвовалъ.

VI. Свиданіе въ крѣпости и письмо Пестеля къ родителямъ*).

1. Описаніе свиданія пастора Рейнбота съ Павломъ Ивановичемъ Пестелемъ, составленное отцемъ Пестеля.

(Переводъ съ нѣмецкаго).

П. И. Узнаете ли вы меня, г. пасторъ?

Пасторъ. Какъ же могу я васъ не узнать, любезнѣйшій г. Пестель? Я давнишній другъ вашего семейства.

П. И. обнялъ пастора съ горячими слезами и спросилъ: Что дѣлаетъ мой отецъ, жива ли еще моя добрая мать?

Пасторъ. Вашъ отецъ въ Петербургѣ и вчера причащался у меня въ церкви съ вашими братьями. Ваша мать осталась въ деревнѣ съ вашею сестрою. Всѣ смертельно огорчены, и отецъ вашъ такъ убитъ, что вы испугались бы, увидя его. Онъ со слезами просилъ меня обнять васъ отъ его имени, благословить и напомнить вамъ тотъ день, когда онъ прощался съ вами въ деревнѣ, и то, что онъ вамъ тогда говорилъ, отдавая вамъ булавку съ распятіемъ.

П. И. снялъ съ груди эту самую булавку и показалъ ее пастору, также и крестикъ, который дала ему сестра на память, и кольцо отъ возлюбленной матери и сказалъ: «Я съ этими вещами ни на минуту не разставался, и онѣ останутся со мною до послѣдняго дыханія, какъ самое драгоцѣнное, что я имѣю. Я твердъ и спокоенъ, но не могу думать о моихъ родителяхъ безъ терзающаго горя, потому что я чувствую, что я ихъ убилъ. Я знаю, какъ они горячо меня любятъ (Слезы текли по лицу у него такъ, какъ Рейнботъ еще никогда не видалъ, и онъ ничего не могъ говорить безъ слезъ).

Пасторъ. Я долженъ сказать вамъ для вашего успокоенія, что въ публикѣ никто не возбуждаетъ столько участія, какъ вы, ни про кого изъ вашихъ соучастниковъ не говорятъ съ такимъ уваженіемъ и съ такимъ сочувствіемъ, какъ про васъ.

П. И. Для меня весь свѣтъ ничего не значитъ, только мысль о моихъ родителяхъ меня огорчаетъ и угнетаетъ. Что дѣлаетъ мой младшій братъ Александръ? Причащался ли онъ съ батюшкой? Не

*) Русскій архивъ, 1875, кн. 1, с. 419—423. „Бумаги Ивана Борисовича Пестеля. Сообщено Софьею Ивановной Пестель“ (родною сестрою Павла Ивановича).

нуждается ли онъ? Я не виноватъ, что деньги, которыя я ему назначилъ, не дошли до него.

Пасторъ. Вашъ младшій братъ здѣсь и причащался вмѣстѣ съ вашимъ отцемъ. Я не думаю, чтобы онъ нуждался; конечно, вашъ батюшка будетъ имѣть о немъ попеченіе. Всѣ ваши принимаютъ живѣйшее участіе вовсемъ, что до васъ касается, и Богъ, къ которому вы хотите сегодня приблизиться, конечно, даруетъ вамъ и всѣмъ вашимъ силу утѣшенія и помощь.

П. И. Точно ли моя мать и моя добрая сестра здоровы?

Пасторъ. Онѣ обѣ въ деревнѣ и, сколько знаю, здоровы. Ваша матушка вамъ писала, но это письмо такъ полно материнскихъ чувствъ и такъ грустно, что вашъ отецъ не рѣшается доставить его вамъ, чтобы не умножить вашей печали (П. И. горько заплакалъ и молчалъ).

Пасторъ началъ говорить, чтобы приготовить его къ причастію. П. И. сталъ на колѣни и оставался такъ во все время исповѣди и причащенія. Когда все кончилось, онъ всталъ, былъ покоенъ духомъ и сказалъ: «Обнимите отъ меня моего отца и всѣхъ моихъ братьевъ и просите, чтобы прислали мнѣ письмо моей матери. Теперь я твердъ и могу читать его. Это будетъ мнѣ очень пріятно. Скажите моимъ родителямъ, что ежели бы меня не мучило горе объ нихъ, я былъ бы спокоенъ и совершенно твердъ. Я на все готовъ; только желалъ бы, чтобы все скорѣе кончилось». Онъ еще много говорилъ насчетъ своей горячей привязанности къ родителямъ, братьямъ и сестрѣ, чего пасторъ не могъ слово въ слово запомнить.

При этомъ случаѣ на П. И. былъ шелковый лѣтній халатъ, въ комнатѣ стояли кровать съ опрятною и приличною постелью, столъ и стулья; на столѣ лежали нѣмецкая и русская библіи. Комната его большая и свѣтлая, хотя и съ рѣшеткою передъ окномъ; воздухъ въ ней чистъ. У него лучшее помѣщеніе изъ всѣхъ 14 заключенныхъ, которыхъ Рейнботъ причащалъ въ крѣпости. На постели лежалъ другой ваточный халатъ. Онъ самъ былъ выбритъ, казался здоровъ, и пасторъ не замѣтилъ никакой перемѣны въ его наружности.

2. Письмо Павла Ивановича Пестеля изъ крѣпости къ родителямъ 1 мая 1826 года.

(Переводъ съ французскаго).

Какое счастіе было для меня, когда я увидѣлъ еще нѣсколько строкъ, начертанныхъ вашею рукою, моя добрая, моя обожаемая мать, и когда я прочелъ въ нихъ, что вы посылаете мнѣ ваше благословеніе, этотъ даръ, самый дорогой, самый неоцѣнимый для моего сердца. Богу извѣстно, мои добрые, мои дорогіе родители, до какой степени я любилъ васъ во всю мою жизнь, и какъ это чувство вполнѣ наполняло всю мою душу. Судите поэтому сами, каково мое отчаяніе, когда я думаю объ огорченіи, которое причиняю вамъ теперь. Вашъ образъ не покидаетъ меня ни днемъ, ни ночью ни на одну минуту, и я не могу выразить вамъ весь ужасъ, все

терзаніе, которыя чувствую при мысли, что я навлекъ на васъ столько страданій. Благодарю васъ милліонъ разъ за ваше благословеніе. Это сладостный бальзамъ для моего сердца. Это истинное утѣшеніе, это истинное счастье для меня. Тысячу и тысячу разъ благодарю васъ.

Настоящая моя исторія заключается въ двухъ словахъ: я страстно любилъ мое отечество, я желалъ его счастья съ энтузіазмомъ, я искалъ этого счастья въ замыслахъ, которые побудили меня нарушить мое призваніе и ввергли меня въ ту бездну, гдѣ нахожусь теперь. Мнѣ слѣдовало ранѣе понять, что должно полагаться на провидѣніе, а не стремиться участвовать въ томъ, что не составляетъ положительной обязанности того положенія, въ которое насъ Богъ поставилъ, и не стремиться выйти изъ своего круга. Я это чувствовалъ еще въ 1825 году, но уже было поздно! Однакожъ, ежели сѣтованіе, скорбь, раскаяніе и горесть могутъ что-нибудь загладить, то ласкаюсь надеждою, что я загладилъ свои заблужденія. Не знаю, какова будетъ моя участь; ежели смерть, то приму ее съ радостію, съ наслажденіемъ: я утомленъ жизнію, утомленъ существованіемъ. Но когда подумаю о васъ, мои дорогіе, мои добрые родители, то желалъ бы, чтобы Государь меня помиловалъ для того, чтобы я могъ посвятить вамъ всю мою жизнь и попеченіями своими доказать вамъ всю искренность моихъ чувствъ. Можетъ быть, я могъ бы исправить прошедшее. Во всякомъ случаѣ, любезные родители, вы будете моею послѣднею, какъ были всегда, моею постоянною мыслію, и послѣдній мой вздохъ будетъ вздохъ любви къ вамъ. Я никогда никого не ненавидѣлъ, никогда не былъ ожесточенъ противъ никого. Сердце мое, поистинѣ, нисколько на участвовало въ томъ, что творила голова, и я могу навѣрное сказать, что когда бы настала минута дѣйствовать, то сердце остановило бы голову. Къ счастью, я не могу упрекать себя участіемъ въ какомъ-либо настоящемъ дѣйствіи.

Вы знаете, возлюбленные родители, какъ искренно я вамъ всегда говорилъ о своихъ религіозныхъ чувствахъ. Вы знаете, что я всегда вполнѣ вѣрилъ въ Бога, Создателя нашего, но что вѣра моя въ Іисуса Христа была слабѣе. Радуйтесь же теперь со мною! Я обрѣлъ и сіе убѣжденіе, и вѣра въ нашего Спасителя составляетъ теперь мое счастье и мое утѣшеніе. Я вижу жизнь въ другомъ видѣ, и смерть содержитъ для меня восхитительныя надежды. Могъ ли я довольно дорого заплатить за это счастіе? Дай Богъ, чтобы мои братья были счастливы и во всѣхъ отношеніяхъ благополучно прошли все поприще своей жизни. Богъ да благословитъ дорогую добрую Софи. Я очень безпокоюсь о бѣдномъ Александрѣ: какъ можетъ онъ существовать и служить, не имѣя копейки для своего содержанія? Да умилосердится Богъ надъ нимъ!

Что касается до васъ, мои добрые родители, умоляю васъ: умѣрьте ваше огорченіе обо мнѣ. Ежели я не могъ составить ваше счастіе, то у васъ есть другія дѣти, которыя, конечно, постараются исполнить это. Я васъ такъ люблю, что желалъ бы, чтобы

вы могли совершенно забыть меня: такъ какъ я получилъ ваше благословеніе, то мнѣ болѣе ничего не нужно. Ежели Богу угодно будетъ, чтобы Государь помиловалъ меня, то все сдѣлаю, чтобы загладить прошедшее. Въ противномъ случаѣ перенесу мою участь безъ жалобы и безъ ропота Я даже смерть почту за счастіе въ сравненіи всякаго заключенія. Да будетъ воля Божія! Я чрезвычайно благодаренъ Государю за то, что онъ позволилъ мнѣ имѣть счастіе читать ваше письмо, не смотря на страшно грустное его содержаніе. Это уже благодѣяніе съ его стороны. Богъ, въ своемъ безконечномъ милосердіи, да даруетъ вамъ, мои дорогіе и добрые родители, хорошее и крѣпкое здоровье, скорое и совершенное выздоровленіе. Да превратитъ Онъ ваше положеніе, удрученное заботами и затрудненіями, въ спокойное благосостояніе? Да даруетъ Онъ вамъ долгую жизнь и многія лѣта и да исполнитъ ихъ счастіемъ, удовольствіемъ и благоденствіемъ всякаго рода! Однимъ словомъ, да услышитъ Онъ горячія мольбы, которыя безпрестанно возсылаетъ Ему за васъ, мои драгоцѣнные родители, вашъ покорный и нѣжный сынъ Павелъ. (Вслѣдствіе этого письма, императоръ Николай велѣлъ предложить Александру Ивановичу Пестелю перейти въ кавалергардскій полкъ, чтобы служить вмѣстѣ съ своимъ братомъ Владиміромъ Ивановичемъ, и назначилъ ему 3 т. р. ассигн. ежегоднаго вспомоществованія).

Приписка къ сестрѣ.

Тысячу разъ благодарю тебя, дорогая Софи, за тѣ строки, которыя ты прибавила къ письму нашей матери. Я чрезвычайно растроганъ нѣжнымъ твоимъ участіемъ и твоею дружбою ко мнѣ. Будь увѣрена, мой добрый другъ, что никогда сестра не могла быть нѣжнѣе любима, какъ ты любима мной. Продолжай, дорогая Софи, быть радостью и утѣшеніемъ нашихъ бѣдныхъ и несчастныхъ родителей, и Богъ, конечно, благословитъ тебя въ этой жизни и въ будущей. Я тоже и за тебя возсылаю къ Нему горячія молитвы и никогда не перестану тебя любить отъ всего сердца. Прощай моя дорогая, моя добрая Софи.

Твой нѣжный братъ и искренній другъ Павелъ.

3) Изъ письма И. Б. Пестеля въ деревню къ супругѣ и дочери изъ Петербурга отъ 1 мая 1826 года.

(переводъ съ французскаго).

Павелъ здоровъ, ведетъ себя благородно, раскаивается, причащался въ субботу на Страстной недѣлѣ по собственному желанію у пастора Рейнбота, показалъ ему кольцо, полученное отъ матери своей, крестикъ съ распятіемъ, данный ему его любимой сестрою, булавка съ маленькимъ распятіемъ, которую я далъ ему, благословляя его въ день его отъѣзда изъ деревни, три года тому назадъ. Рейнботъ былъ съ нимъ $1^1/_2$ часа наединѣ и увѣряетъ меня, что онъ совершенно примирился съ Богомъ и нашимъ Спасителемъ. Онъ въ отчаяніи объ огорченіи, которое намъ причинилъ, безпрестанно думаетъ и говоритъ о своихъ родителяхъ съ трогательнымъ умиленіемъ и нѣжностію. Всѣ несчастные въ крѣ-

пости содержатся отлично, не терпятъ недостатка ни въ чемъ, что можетъ облегчить ихъ положеніе.

4). Изъ записки отца.

23 февраля 1826 года Иванъ Борисовичъ отправился въ Петербургъ. 3 іюня было свиданіе отца съ сыномъ въ крѣпости, въ присутствіи коменданта. Послѣ душевной бесѣды они оба на колѣняхъ молились, и Иванъ Борисовичъ благословилъ сына; комендантъ самъ прослезился.

Когда П. И. воротился въ крѣпость изъ сената, гдѣ несчастнымъ прочли приговоръ, пасторъ былъ у него и говорилъ послѣ: «Я дрожалъ, но онъ былъ твердъ и сказалъ: Я даже не разслышалъ, что хотятъ съ нами дѣлать; но все равно, только скорѣй».

Пасторъ: Помните слова Спасителя кающемуся разбойнику: «Сегодня же ты будешь со мною въ раю!» П. И. упалъ на колѣни и со слезами воскликнулъ: «Да, мой Спаситель, съ Тобою, съ Тобою!».

VII. Послужной списокъ.

Полковникъ Павелъ Ивановъ сынъ Пестель 2-й, 32 лѣтъ, изъ дворянъ Смоленской губерніи Краснинскаго уѣзда. Крестьянъ не имѣетъ.

Кавалеръ орденовъ Св. Анны 2-го класса, Св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ, австрійскаго Леопольда 3-й степени, Прусскаго пуръ-ле-меритъ и баденскаго военнаго Карла-Фридриха; имѣетъ золотую шпагу съ надписью «за храбрость» и медаль, установленную въ память 1812 года, на голубой лентѣ

Россійскій, французскій и нѣмецкій языки, ариѳметику, алгебру, геометрію, тригонометрію, физику, артиллерію, фортификацію, географію и исторію знаетъ.

Назначенъ пажемъ въ 1803 году іюня 6-го въ пажескій корпусъ; камеръ-пажемъ въ 1810 г. декабря 4-го. Произведенъ въ прапорщики 1811 года, декабря 14, съ переводомъ лейбъ-гвардіи въ литовскій полкъ.

1812 года въ предѣлахъ Россіи противъ французскихъ войскъ находился во фронтѣ лейбъ-гвардіи въ литовскомъ полку и съ онымъ вездѣ былъ до 25 августа, въ который день въ главномъ сраженіи при Бородино, дѣйствуя со стрѣлками, былъ раненъ пулею въ лѣвое берцо, съ раздробленіемъ костей и съ поврежденіемъ сухихъ жилъ. За отличную храбрость, оказанную въ семъ сраженіи, пожалована ему золотая шпага съ надписью «за храбрость»; имѣетъ въ память 1812 года установленную серебряную медаль на голубой лентѣ.

Произведенъ въ подпоручики 1813 г. января 20-го. За отличіе противъ непріятеля произведенъ въ поручики 1813 года, августа 10-го. Назначенъ адъютантомъ къ генералу-отъ-кавалеріи графу Витгенштейну 1813 г., августа 14-го.

Въ 1813 году находился за границею: августа 10-го при Пирнѣ, 12, 13, 14 и 15 числъ—при Дрезденѣ. За отличную храбрость въ сихъ дѣлахъ награжденъ чиномъ поручика. 23-го у Полендорфа, 24-го при Инстервальдѣ, 26-го вторично при Пирнѣ, сентября 2-го при Петервальдѣ, 3-го у Полендорфа, 5-го при отрѣзаніи и разбитіи непріятеля у Кульма, 29-го при Борго; 2, 4, 6 и 7-го чиселъ октября при городѣ Лейпцигѣ и въ авангардномъ дѣлѣ, 11-го при Бутельштатѣ, гдѣ за отличіе награжденъ орденомъ Св. равноапостольнаго князя Владиміра 4-й степени съ бантомъ и австрійскаго

Леопольда 3-й степени; 18 декабря при переправѣ чрезъ Рейнъ и занятіи крѣпости фортъ Луи, гдѣ за отличіе награжденъ Баденскимъ военнымъ орденомъ Карла-Фридриха. 1814-го г. января 31 въ авангардномъ дѣлѣ при городѣ Ножакѣ, февраля 15-го въ сраженіи при городѣ Баръ - Серъ - Объ, 19-го у деревни Лябрюссель, 20-го при взятіи города Троа, гдѣ за оказанное отличіе награжденъ орденомъ Св. Анны 2-го класса, и за кампанію 1813 и 1814 годовъ—прусскаго достоинства пуръ-ле-меритъ.

Переведенъ въ калергардскій полкъ 1814 г. августа 21-го. Произведенъ въ штабъ-ротмистры 1817 г., августа 9-го, въ ротмистры 1818 г., іюля 6-го. Произведенъ въ подполковники, со старшинствомъ наравнѣ съ ротмистромъ кавалергардскаго полка, 1819 года декабря 6-го, съ переводомъ въ маріупольскій гусарскій полкъ. Переведенъ въ смоленскій драгунскій полкъ 1821 г. марта 20-го.

Произведенъ въ полковники 1821 г. ноября 1-го въ томъ же полку. Назначенъ полковымъ командиромъ вятскаго пѣхотнаго полка 1821 г. ноября 15-го.

VIII. Изъ записокъ Пестеля о Греческомъ возстаніи 1821 г.

1. Докладъ Александру I, содержащій извлеченіе изъ записки Пестеля.

(Переводъ съ французскаго*).

Волненія въ княжествахъ Балканскаго полуострова и предпріятія князя Ипсиланти можно разсматривать, какъ результатъ давно составленнаго и зрѣло обдуманнаго плана, который захватилъ всю Грецію. Подполковникъ Пестель собралъ объ этомъ нѣкоторыя свѣдѣнія, за подлинность которыхъ онъ не ручается, но которыя кажутся ему все-таки заслуживающими довѣрія.

Еще во время послѣдняго возстанія грековъ въ Морею, исходъ котораго былъ для нихъ такъ печаленъ, было основано нѣкое тайное общество, возникшее въ Вѣнѣ, благодаря неустаннымъ заботамъ одного грека, по имени Риго, обезглавленнаго впослѣдствіи по приказанію Порты. Ужасный примѣръ совсѣмъ не устрашилъ приверженцевъ партіи, которая насчитывала тогда только 40 членовъ. Это общество образовало сѣть связанныхъ съ нимъ обществъ въ Вѣнѣ, Парижѣ, Лондонѣ и въ другихъ большихъ городахъ. Первыя усилія ихъ были направлены къ тому, чтобы добиться вліянія на умы своихъ соотечественниковъ. Съ этой цѣлью они печатали свои сочиненія разнаго рода во всѣхъ столицахъ Европы и распространяли ихъ между греками. Этимъ дѣятельность общества долгое время и ограничивалась. Но когда, приблизительно 10 лѣтъ тому назадъ, стало ясно, что втайнѣ подготовляется возстаніе, то общество приступило къ дѣятельности болѣе положительной. Оно организовалось по нижеизложенному плану.

Былъ учрежденъ верховный совѣтъ, члены котораго остальному обществу были неизвѣстны. Общество раздѣлялось на двѣ части: оно состояло изъ членовъ-руководителей и просто гражданъ, или рядовыхъ членовъ. Эти послѣдніе знали только того изъ руководителей, который ввелъ ихъ въ общество. Сдѣлаться членомъ-руководителемъ можно было лишь съ разрѣшенія верховнаго совѣта. Такимъ образомъ, и члены-руководители раздѣлялись на 2

*) Précis d'un rapport adressé au général-major Kisseleff par le Lieutenant-Colonel Pestel (Дѣло III, 81.)

разряда: одни—это бывшіе граждане, возведенные въ это достоинство, другіе—тѣ, которые вводили гражданъ въ первый разрядъ руководителей. Такимъ образомъ, верховный совѣтъ сообщался съ остальнымъ обществомъ посредствомъ непрерывнаго ряда посредниковъ, наблюдая надъ всѣмъ обществомъ, и оставаясь скрытымъ отъ взоровъ всѣхъ глубокою тайной.

Ипсиланти показывалъ князю Сутцо списокъ всѣхъ руководителей, число которыхъ достигало 200 тысячъ человѣкъ. Каждый руководитель имѣлъ кромѣ того въ своемъ распоряженіи 4, 5 и даже до 6 гражданъ. Изъ этого видно, что это политическое общество достигало громадныхъ размѣровъ.

Шесть мѣсяцевъ тому назадъ верховный совѣтъ избралъ князя Ипсиланти своимъ уполномоченнымъ и военноначальникомъ греческихъ войскъ. Объ этомъ назначеніи было доведено до свѣдѣнія всего общества, а слѣдовательно и всей Греціи. Члены совѣта, назначенные управленіемъ, сопровождаютъ князя, и мнѣніе ихъ должно приниматься во вниманіе и имъ, и другими начальниками.

Настоящее возстаніе есть дѣло этого общества, которое рѣшило, что настоящія обстоятельства благопріятствуютъ осуществленію ихъ плановъ.

Персія объявила войну Портѣ, и войска ея только что перешли границы; извѣстіе это требуетъ еще подтвержденія.

Али-Паша изъ Янины, сочувствующій грекамъ, водрузилъ трехцвѣтное знамя, которое принято было за русское. Подъ этимъ знаменемъ къ Али-Пашѣ присоединилось 6 тысячъ грековъ. Утверждаютъ даже, что онъ отослалъ обратно всѣхъ бывшихъ у него на службѣ турокъ и что онъ принялъ христіанство, принявъ имя Константина. Его громадное состояніе и его артиллерія были бы для дѣла грековъ большимъ подспорьемъ. Говорятъ, что онъ прошелъ до Салоникъ.

Большая часть офицеровъ и матросовъ въ турецкомъ флотѣ —греки и, слѣдовательно, на этотъ флотъ нельзя съ увѣренностью разсчитывать въ этомъ дѣлѣ.

Острова Архипелега вооружили торговыя суда; болѣе 500 судовъ находятся въ боевой готовности.

Албанцы и сербы всецѣло раздѣляютъ намѣренія и планы грековъ. У нихъ одни и тѣ же интересы, и дѣло у всѣхъ нихъ общее.

Есть кромѣ того еще два обстоятельства, которыя усиливаютъ довѣріе и надежды націи. Во-первыхъ, болѣзнь Великаго Султана, которая, говорятъ, неизлѣчима, и то, что большая часть членовъ константинопольскаго Дивана уже подкуплена деньгами Али-Паши. Во-вторыхъ, война Австріи съ Неаполемъ, которая отвлекаетъ ея вниманіе и гарантируетъ Греціи ея невмѣшательство; и въ то же время они привыкли разсчитывать на покровительство Россіи. Наконецъ, возстаніе, которое, готовится въ настоящее время, греки совсѣмъ не считаютъ похожимъ на мятежъ, поколебавшій королевство Испаніи и обѣихъ Сицилій; они видятъ въ немъ скорѣе нѣчто похожее на ту борьбу, которою нѣкогда русскіе князья сумѣли свергнуть татарское иго.

Послѣднія извѣстія, полученныя изъ Константинополя 27 февраля, сообщаютъ, что тамъ пока все еще спокойно, но что турки начинаютъ дѣлать нѣкоторыя приготовленія.

Если вѣрить слухамъ, которые распространились позднѣе, то возстаніе проникло даже и въ Константинополь, сраженіе между греками и турками залило городъ потоками крови и сдѣлало его добычей пламени. Но объ этихъ слухахъ я упоминаю здѣсь лишь вслѣдствіе той важности, которую они имѣли бы, если бы оказались вѣрными.

События идутъ съ такой быстротой, что самыя послѣднія извѣстія оставляютъ далеко за собою тѣ факты, о которыхъ они сообщаютъ.

(подпись) Подполковникъ Пестель.

2. Изъ докладной записки Пестеля князю Витгенштейну.

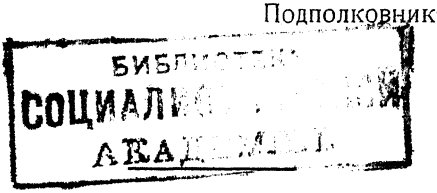
(на русскомъ языкѣ).

При всей неудачи со стороны грековъ, не успѣваетъ турецкое правительство собрать скоро достаточное число войскъ, дабы покорить возмутителей. Сіе происходитъ отъ того, что всѣ министры и главные чиновники Порты находятся въ раздорѣ между собою, и Халепъ-Еффенди, ближайшій любимецъ Султана, пользующійся полною своего Государя довѣренностію, уговорилъ его нѣсколько лѣтъ тому назадъ ввести новую систему въ государственное правленіе, которая нынѣ есть главнѣйшая причина малыхъ силъ Порты. Сія перемѣна въ политической системѣ внутренняго управленія состоитъ главнѣйше въ уничтоженіи, такъ называемыхъ, аяновъ. Областями Турецкой имперіи въ Европѣ управляли по большей части чиновники, назначаемые Портою, но выбираемые изъ числа знатнѣйшихъ особъ самаго того края. Сіи чиновники назывались аянами. Оставаясь весьма долгое время на своихъ мѣстахъ и имѣя случай завести съ жителями большія связи, бывали они обыкновенно весьма богаты и могли собирать многочисленныя войска. Отъ сего происходило, что они часто противу Порты бунтовали и что власть сей послѣдней тѣмъ получала ин гда временное ограниченіе. Для отвращенія сего неудобства и дабы присоединить къ Императорской казнѣ всѣ прибыли, получаемыя аянами, были они уничтожены и замѣнены пашами, назначаемыми изъ совсѣмъ другихъ мѣстъ, причемъ соблюдалось правило, какъ можно чаще ихъ перемѣнять. Цѣль правительства была достигнута, и оно находилось въ совершенной безопасности со стороны замысловъ частныхъ областеправителей; но не имѣя регулярныхъ войскъ, потеряло вмѣстѣ съ тѣмъ всю свою силу, ибо теперешніе паши не пользуются уже тѣми способами для собранія войска, какъ прежніе аяны, и жители сдѣлались гораздо недовольнѣе, ибо теперешніе паши притѣсняютъ сихъ гораздо чувствительнѣе, а Императорская казна стоитъ имъ несравненно болѣе издержекъ, нежели аяны. Итакъ, народъ недоволенъ, а чиновники имѣютъ одни только весьма скудныя средства; и по сей причинѣ не можетъ Порта до сихъ поръ еще собрать нужное войско.

Вотъ всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя въ короткое время моего пребыванія въ Бессарабіи могъ я собрать и изъ разныхъ разговоровъ извлечь.

Не излишнимъ полагаю присовокупить къ онымъ, что желаніе грековъ, на случай совершеннаго успѣха, состоитъ въ образованіи федеральной республики, на подобіе Американскихъ Соединенныхъ Областей. Сіе подобіе не въ верховномъ правленіи состоитъ, но въ томъ, что каждая особенная область будетъ имѣть частное свое особенное правленіе съ своими законами, и только въ общихъ государственныхъ дѣлахъ совокупно съ прочими дѣйствовать. Сія мысль грековъ основана на соображеніи о чрезвычайно большомъ различіи между нравами, обычаями, понятіями и всѣмъ образомъ мыслей различныхъ народовъ, Грецію населяющихъ.

Подполковникъ Пестель.


БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИ
АКАДЕМІЯ